

ISSN 2409-8965

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

Конфликтология

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-04-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, кандидат социологических наук, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-04-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bol'shakov Andrei Georgievich, doktor politicheskikh nauk, kandidat sotsiologicheskikh nauk, bolshakov_andrei@mail.ru

ISSN: 2454-0617

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

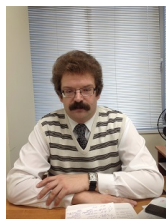
E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета

Большаков Андрей Георгиевич — доктор политических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского федерального университета. 420111, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Абрамова Ирина Олеговна — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: dir@inafr.ru

Амелин Веналий Владимирович — доктор исторических наук, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета.
460018, Оренбургская обл., , Оренбург, пр. Победы, 13.
E-mail: avenali@mail.ru

Белозеров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета. 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.
E-mail: vk_belozerov@mail.ru

Бойко Иван Иванович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук. 428015, Чувашия, г. Чебоксары, Московский просп., 29, корп. 1.
E-mail: boyko2003@yandex.ru

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: dbondar@hotmail.com

Бочарников Игорь Валентинович — доктор политических наук, проректор по научно-исследовательской работе Московского государственного гуманитарно-экономического института.
107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49,
E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Анжела Ди Грегорио — доктор политологии, профессор Департамента международных, правовых и историко- политических исследований Миланского университета.

20122 Италия, Милан, ул. Консерваторио, 7.

E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Емельянов Антон Игоревич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета.

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38.

E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Анна Задора — доктор политологии, профессор Межуниверситетского Дома наук о человеке.

67300, Франция, Эльзас, Страсбург, 6-ая Туринская улица, 5 аллея генерала РувийоЧилтигейма, 67083.

E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Кассае Ныгусие В. Микаэль — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Нестерчук Ольга Алексеевна — доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов. 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Радвани Жан — доктор географических наук, профессор Государственного института языков и цивилизаций Востока. 75013 Франция, Париж, ул. Гранд Мулен, д. 65.

E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Семененко Ирина Станиславовна — доктор политических наук, чл.-корр. РАН, заместитель директора по научной работе Национального

исследовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

E-mail: isemenenko@mail.ru

Сидорова Галина Михайловна — доктор политических наук, Московский государственный лингвистический университет, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений. 119034, г. Москва, ул. Остроженка, д.38 .

E-mail: gal_sid@mail.ru

Фитуни Леонид Леонидович — доктор экономических наук, чл.-корр. РАН, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук. 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1.
E-mail: africa.institute@yandex.ru

Чернышов Юрий Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Шутов Анатолий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.
119992, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, строение 1.
E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ),
127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2.
krainovgn@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология»,
125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250.
sudorgin@madi.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении,
199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509,

Волох Владимир Александрович - доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления.
Рязанский проспект, 99, г. Москва, Россия, 109542;
E-mail: v.volokh@yandex.ru

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета.
Университетская набережная, 7-9.
г. Санкт-Петербург, Россия, 199034.
E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университетв.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482,

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент Университет: Краснодарский государственный институт культуры Кафедра: истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Батьковский Александр Михайлович – доктор экономических наук, АО

Центральный научно-исследовательский институт экономики, систем управления и информации «Электроника», советник генерального директора, 127299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, 12, batkovskiy_a@instel.ru

Морозко Наталья Иосифовна – доктор экономических наук, профессор Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 49, Ленинградский проспект, Москва. 125993. NIMorozko@fa.ru

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Бурда Алексей Григорьевич – доктор экономических наук, профессор Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина", Частное образовательное учреждение высшего образования "Южный институт менеджмента" Кафедра: экономической кибернетики, финансов и кредита, 350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, каб. 209 корпуса экономического факультета

Черкасов Валерий Николаевич – доктор экономических наук, кандидат технических наук, первый заместитель главного редактора научно-практического журнала «Информационная безопасность регионов», Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 410009, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Дачная, 30А, кв. 116

Архипова Надежда Ивановна – доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6

Кормишкин Евгений Данилович - доктор экономических наук, профессор кафедры теоретической экономики и экономической безопасности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Гончаренко Любовь Ивановна - доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Налоги и налогообложение» Финансового

университета при Правительстве Российской Федерации.
125993. Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49.

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор,
650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Артемяева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, 190121, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmms@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

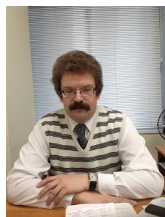
Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

EDITORIAL COLLEGIUM

Chairman of the Editorial Board

Bolshakov Andrey Georgievich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Conflictology of Kazan Federal University. 420111, Russia, Kazan, Kremlevskaya str., 18.
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Irina Abramova — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.
E-mail: dir@inafr.ru

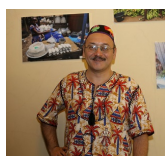
Amelin Venali Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Director of the Research Institute of History and Ethnography of the Southern Urals of Orenburg State University.
460018, Orenburg region, , Orenburg, Pobedy Ave., 13.
E-mail: avenali@mail.ru

Vasily Klavdievich Belozеров — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.
E-mail: vk_belozеров@mail.ru

Boyko Ivan Ivanovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Chuvash State Institute of Humanities.
428015, Chuvashia, Cheboksary, Moskovsky Ave., 29, building 1.
E-mail: boyko2003@yandex.ru

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.
E-mail: dbondar@hotmail.com

Bocharnikov Igor Valentinovich — Doctor of Political Sciences, Vice-Rector for Research at the Moscow State Humanitarian and Economic Institute. Losinoostrovskaya str., 49, Moscow, 107150,
E-mail: bocharnikov@rambler.ru

Angela Di Gregorio is a Doctor of Political Science, Professor of the Department of International, Legal, Historical and Political Studies at the University of Milan. 20122 Italy, Milan, Conservatorio str., 7.
E-mail: angela.digregorio@unimi.it

Anton Igorevich Yemelyanov — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russia.
E-mail: anton.politolog@yandex.ru

Anna Zadora is a Doctor of Political Science, professor at the Interuniversity House of Human Sciences.
67300, France, Alsace, Strasbourg, 6th Turin Street, 5 Avenue of General Rouvillochiltigame, 67083.
E-mail: anna_zadora@hotmail.com

Kassae Nygusie V. Mikael — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia.
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.
E-mail: kmikhail2003@mail.ru

Olga A. Nesterchuk — Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Analysis and Management of the Peoples' Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.
E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Radvani Jean — Doctor of Geographical Sciences, Professor at the State Institute of Languages and Civilizations of the East. 75013 France, Paris, 65 Grand Moulin Street.
E-mail: radvanyi.jean@wanadoo.fr

Semenenko Irina Stanislavovna — Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Work of the National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 23, Trade Union Street, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: isemenenko@mail.ru

Sidorova Galina Mikhailovna — Doctor of Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Head of the Department of Theory and History of International Relations. 38 Ostozhenka str., Moscow, 119034 .
E-mail: gal_sid@mail.ru

Fituni Leonid Leonidovich — Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1.

E-mail: africa.institute@yandex.ru

Chernyshov Yuri Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History and International Relations of Altai State University. 61 Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656049, Russia. E-mail: 7ashpi7@gmail.com

Shutov Anatoly Dmitrievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

53/2 Ostozhenka str., building 1, Moscow, 119992, Russia.

E-mail: geopolitika10@yandex.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, History and Social Technologies, Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2.
krainovgn@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-Rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow.
sudorgin@madi.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509,

Volokh Vladimir Aleksandrovich - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management. Ryazan Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542;
E-mail: v.volokh@yandex.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. University Embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482,

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the University: Krasnodar State Institute of Culture Department: History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Igor V. Berezchnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Batkovsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Economics, JSC Central Research Institute of Economics, Control Systems and Information "Electronics", Advisor to the General Director, 127299, Moscow, ul. Cosmonaut Volkov, 12, batkovskiy.a@intel.ru

batkovskiy_a@mail.ru

Morozko Natalia Iosifovna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky Prospekt, Moscow. 125993.
NIMorozko@fa.ru

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory,
125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49,
18111959@mail.ru

Burda Alexey Grigorievich – Doctor of Economics, Professor Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin", Private Educational Institution of Higher Education "Southern Institute of Management" Department: Economic Cybernetics, Finance and Credit,
350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13, office. 209 buildings of the Faculty of Economics

Cherkasov Valery Nikolaevich – Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of the scientific and practical journal "Information Security of Regions", Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics,
410009, Russia, Saratov region, Saratov, Dachnaya str., 30A, sq. 116

Nadezhda Arkhipova – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities.
125993, Russia, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6

Kormishkin Evgeny Danilovich - Doctor of Economics, Professor of the Department of Theoretical Economics and Economic Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education N. P. Ogarev Mordovian State University

Goncharenko Lyubov Ivanovna - Doctor of Economics, Professor, Head of the Department "Taxes and Taxation" of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
125993. Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 49.

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor,

650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6,
Sergii-Tsch@mail.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor, 190121, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, nadezhda-blejikh@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University", Professor of the Department of Cultural Studies, 127018, Russia, Moscow, Moscow, Streletskaaya str., 14k1, sq. 164, ash@inbox.ru

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

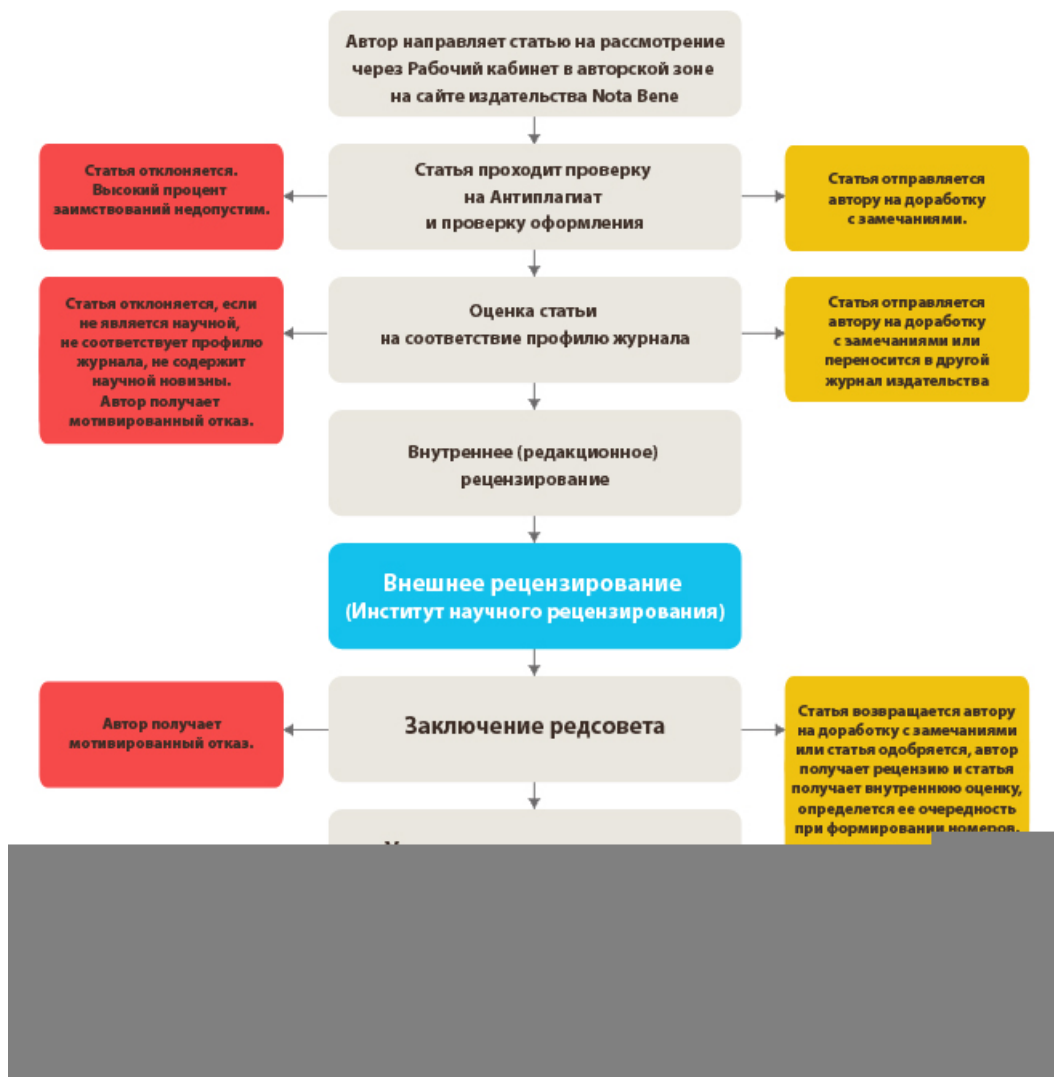
Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Гумбатов Н.Ф., Кун С. Минилатеральные союзы в американской стратегии сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе	1
Молокоедов Д.И., Сунь С. Соперничество США и Китая в торгово-экономических отношениях со странами Латинской Америки	11
Горбиль П.Р., Коростелева Е.И., Раад Ф. Женский терроризм на Кавказе	31
Крыжко Л.А. Суэцкий кризис во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке: риски и перспективы.	44
Фархетдинова Э.Т. Современное геополитическое положение Республики Корея: на стыке интересов США и КНР	59
Дианов С.А. Политологическое образование в образовательной среде передового вуза: ценностно-смысловые основания	73
Брамбила Мартинес Ф. Сравнительный анализ федеративных систем как цель предотвращения угроз национальной безопасности при проведении политики заимствования государственных реформ	82
Брамбила Мартинес Ф. Предотвращение конфликтов в рамках современных правительственных процедур и международного сотрудничества	88
Ростовцева М.В., Дулинец Т.Г., Трофимова В.В., Поломошнова А.В., Десятова И.С. Исследование стратегий конфликтного поведения педагогов и психологической атмосферы в педагогическом коллективе	94
Смирная А.А., Смирнова А.В., Иванов И.А., Тюканов В.Л., Морозова Т.Б. Влияние уровня субъективного контроля на толерантность подростков старшего возраста	103
Англоязычные метаданные	120

Contents

Gumbatov N.F., Kong X. Minilateral Alliances in the American Strategy of Containing the PRC in the Indo-Pacific Region	1
Molokoedov D.I., Sun' S. US-China Rivalry in Trade and Economic Relations with Latin American Countries	11
Horbil P., Korosteleva E.I., Raad F. Women's Terrorism in the Caucasus	31
Kryzhko L.A. The Suez Crisis in the US Foreign Policy Strategy in the Middle East: Risks and Prospects.	44
Farkhetdinova E.T. The Current Geopolitical Position of the Republic of Korea: at the Crossroads of Interests of the United States and China	59
Dianov S.A. Political Science Education in the Educational Environment of University: Valuable Semantic Foundations	73
Brambila Martinez F. A Federalism-Based Comparative Analysis to Diminish National Security Threats in Contemporary Policy Transfer	82
Brambila Martinez F. Conflict Prevention in the Framework of Contemporary Government Procedures and International Cooperation	88
Rostovtseva M.V., Dulinets T.G., Trofimova V.V., Polomoshnova A.V., Desyatova I.S. The Study of Strategies of Conflict Behavior of Teachers and the Psychological Atmosphere in the Teaching Staff	94
Smirnaya A.A., Smirnova A.V., Ivanov I.A., Tyukanov V.L., Morozova T.B. The Influence of the Level of Subjective Control on the Tolerance of Older Adolescents	103
Metadata in english	120

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Гумбатов Н.Ф., Кун С. — Минилатеральные союзы в американской стратегии сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39633 EDN: CXCNSM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39633

Минилатеральные союзы в американской стратегии сдерживания КНР в Индо-Тихоокеанском регионе

Гумбатов Назим Фаризович

ORCID: 0000-0002-3247-3027

магистр, кафедра теории и истории международных отношений, Российский Университет Дружбы Народов

109652, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Марьинский б-Р, 4, кв. 496

✉ nazimgumbatov@gmail.com

Кун Сяньюй

ORCID: 0000-0003-2346-2315

магистр, кафедра Теория и история международных отношений, Российский университет Дружбы Народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Улица Миклухо Маклая, д. 15, оф. к.1

✉ 1032175725@pfur.ru

[Статья из рубрики "Инструменты воздействия на конфликтную ситуацию"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39633

EDN:

CXCNSM

Дата направления статьи в редакцию:

13-01-2023

Дата публикации:

20-01-2023

Аннотация: Предметом исследования является рассмотрение минилатеральных образований в рамках реализации внешней политики США. Объектом исследования является внешняя политика США в отношении КНР с начала 21-го века. Автор подробно рассматривает такие аспекты как взаимодействие США и ее союзников в Азиатском регионе, в рамках формирования антикитайского коалиционного объединения, а также анализирование и подведение выводов об эффективности ряда крупных минилатеральных организаций. Особое внимание уделяется реакционному восприятию

высшего руководства и общественных масс Китая на роль США по выстраиванию минилатеральных формирований в своей внешней политике. Основными выводами проведенного исследования являются: • Минилатеральные союзы только ускоряют процесс разделения Азиатского региона на про-китайский и про-американский. Подобная конкурентная политика по привлечению азиатских государств в свое торгово-экономическое и политическое пространство только затруднит процесс поиска компромиссной точки зрения у двух великих экономических держав, а также нанесет ущерб миру, процветанию и стабильности в регионе в дальнейшей перспективе; • Рост популярности в формировании минилатеральных структур, является следствием нарастающей конфронтации между Китаем и США за прошедшее десятилетие, а не первостепенной причиной противоречий; • На сегодняшний день, большинство программ, имеющих «минилатеральный оттенок» имеют малоэффективную отдачу для американского правительства, тем не менее их нельзя назвать не состоявшимися. Учитывая относительно недавнее форсирование по привлечению все большего числа стран к существующим форматам, так и новообразовавшимся, Вашингтон рассчитывает получить для себя положительные результаты в ближайшее десятилетие, при условии консолидированного сдерживания экономического и технологического развития Китая. Научная новизна определяется в первую очередь тем, что в работе проанализирован механизм и эволюция межгосударственных отношений США со странами-партнерами, а также особенностями их деятельности в минилатеральных объединениях.

Ключевые слова:

минилатерализм, союз, безопасность, экспанизм, механизм, стратегия, региональная политика, Китай, США, Индо-Тихоокеанский регион

Введение. Начиная с обозначения значимости минилатерализма в Тихоокеанском регионе, необходимо обосновать важность роста популярности данного формата взаимодействия как для Соединенных Штатов, так и для государств, которые имеют тесные экономические и политические отношения с ними. Американское политическое руководство на протяжении последнего десятилетия стремиться сформировать определенный кластер из крупных держав, поддерживающих американские стремления для сохранения региональной безопасности и традиционного уклада международной системы отношений, где США выступает в качестве естественного доминанта, но учитывающего мнения своих партнеров.

Тем не менее, вопрос безопасности в последние годы стал важным аспектом для создания новых закрытых систем для кооперации. Минилатерализм нашел поддержку у нескольких крупных держав в Индо-Тихоокеанском регионе, прежде всего из-за вопроса доверия к системе альянсов США в решении проблем, связанных с Китаем.

Причины формирования минилатеральных союзов. Военный аспект

Вопрос доверия стал настоящей необходимостью для партнеров США по альянсу, стало очевидным, что в первую очередь необходимо установить более тесные стратегические связи с другими ключевыми державами в регионе. Несмотря на то, что альянс с США является важнейшим компонентом их управления своей собственной безопасностью, Австралия и Япония, например, стремились к более тесному стратегическому партнерству с Индией, что является иллюстрацией развитием стратегического сотрудничества в рамках минилатерального союза в Индо-

Тихоокеанском регионе. (*John Nilsson-Wright, "Creative Minilateralism in a Changing Asia: Opportunities for Security Convergence and Cooperation Between Australia, India and Japan"*) [3]

Так по мнению доктора Раджесвари Пиллаи Раджагопалан минилатеральные союзы выступают в качестве восстановления баланса сил, поскольку США в современных реалиях не способна в одиночку противостоять второй экономике мира и практически полуторамиллиардному населению Китая. В своих исследованиях Пиллаи уделяет внимание значимости Индии в этих минилатеральных процессах, отмечается, что страна избегала играть роль в формировании силы в регионе. Однако неоднозначный Китай заставил Индию и многие другие страны Индо-Тихоокеанского региона принять ориентированный на силу и прагматичный подход к формированию регионального порядка. (*Rajeswari Pillai Rajagopalan, "India's Vision of the East Asian Order"*) [4]

Таблица 1

Сравнение военных расходов

Годы	Австралия	Япония	Южная Корея	Индия	США	Китай*
2010	232.2 1,90%	546.6 1,00%	281.8 2,50%	460.9 2,90%	7380.01 4,92%	532.1 1,33%
2011	266 1,80%	607.6 1,00%	309.9 2,50%	496.3 2,70%	7520.29 4,84%	601.1 1,24%
2012	262.2 1,70%	600.1 1,00%	319.5 2,50%	472.2 2,60%	7250.21 4,48%	670.2 1,24%
2013	317.5 1,60%	490.2 1,00%	343.1 2,50%	474.0 2,50%	6790.23 4,05%	720.2 1,21%
2014	257.8 1,80%	469.0 1,00%	375.5 2,50%	509.1 2,50%	6470.79 3,70%	808.2 1,26%
2015	240.5 2,00%	421.1 1,00%	365.7 2,50%	513.0 2,50%	6330.83 3,48%	889.0 1,29%
2016	263.8 2,10%	464.7 0,90%	368.9 2,50%	566.4 2,50%	6390.86 3,42%	954.3 1,29%
2017	276.9 2,00%	450.6 0,90%	391.7 2,40%	645.6 2,50%	6460.75 3,31%	1021.1 1,24%
2018	268.4 1,90%	485.4 1,00%	430.7 2,50%	662.6 2,40%	6820.49 3,32%	1106.9 1,23%
2019	260.8 1,90%	509.7 1,00%	438.9 2,70%	714.7 2,50%	7340.34 3,43%	1189.9 1,21%
2020	273.0 2,00%	519.7 1,00%	455.2 2,80%	729.4 2,90%	7780.23 3,74%	1268.0 1,25%
2021	317.5 2,00%	541.2 1,10%	502.3 2,80%	766.0 2,70%		1350.0 1,27%

**Военный расходы (100
млн.\$)**

%доля в ВВП

*измерение в млрд. Юанях

Источник: Take Profit.org. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://take-profit.org/statistics/military-expenditure/japan/>

Для рассмотрения причина-следственной связи в формировании минилатеральных объединений, авторы сравнили военные расходы ключевых государств Индо-Тихоокеанского региона [См. табл 1]. С ростом региональной напряженности, связанной с появлением ядерного потенциала у Северной Кореи и ростом напряженности в Тайваньском проливе, наблюдается динамика роста у военно-политических партнеров США, а именно у Южной-Кореи и Австралии. Япония имея более тесные военно-политические контакты с США в рамках «Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» (*Japan-U.S. Security Treaty*)^[5] на протяжении десятилетия поддерживает свои военные расходы на стабильном уровне в 1% от своего ВВП. Индия же, стремясь получить и закрепить свой статус суверенного государства на протяжении указанного периода времени выстраивала собственную систему безопасности.

Фактор Трампа и Си Цзиньпина

на выстраивание американской стратегии в Тихоокеанском регионе

Говоря же о Китае, на фоне роста его экономического и политического потенциалов, китайское правительство значительно повысила свои военные траты на обеспечение безопасности государства. Необходимо отметить, что именно при руководстве Си Цзиньпина с 2012 г. и его риторике о «Сильном и независимом Китае» запущен механизм выстраивания новых военных и экономических американо-ориентированных союзов.

Сравниваем показатели реакционного восприятия американской общественности на избрание Си Цзиньпина на должность генерального секретаря партии ЦК КПК [См. табл 2]. Отмечается, что с провозглашением концепции «Китайской мечты» Си Цзиньпином 29 ноября 2012 г., изменился вектор восприятия американским истеблишментом внешней политики Китая, что в последствии переросло в переоценку двухсторонних отношений США-Китая на политическом и экономическом уровне. Ранее США рассматривали Китай, как потенциального партнера, в рамках выстраивания демократических основ в Азиатском регионе. (*Аутова Ф.Х., Голик М.Я., Долгополов В.А. Оценка взаимного восприятия США и КНР на основе контент-анализа*)^[6]

Таблица 2

Контент анализ речи Д. Трампа и Си Цзиньпина

Упоминания	Д.Трамп Выступление с докладом «О положении дел в стране» от 30 января 2018 г.	Си Цзиньпинь Выступление на XIX съезде Компартии Китая от 18 октября 2017 г.
Величие/исключительность	20	86
Безопасность	16	46
Мировые угрозы	5	3
Сила	11	0

Сотрудничество	0	23
Партнерство/Диалог	0	13
Роль международных организаций	1	7

Источник: Сайт РСМД «Контент-анализ выступлений первых лиц РФ, КНР и США», 2018 г.
[Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/irina-popkova/kontentanaliz-vystupleniy-pervykh-lits-rf-ksr-i-ssha/>

В дальнейшем администрация Трампа и будущий наследник его кресла в овальном кабинете Белового дома Джозеф Байден установили и начали развивать свою новую региональную Индо-Тихоокеанскую политику, взамен Азиатско-Тихоокеанской.

Создание малых интеграционных форматов в Индо-Тихоокеанском пространстве очевидно связывается с укреплением и утверждением своих геополитических позиций Соединенных Штатов. Прежде всего, в рамках кооперационных объединений превалирует тезис «выстраивания региональной безопасности».

Минилатерализм нашел поддержку у нескольких крупных держав в Индо-Тихоокеанском регионе, прежде всего из-за вопроса о доверии к системе альянсов США в решении проблем безопасности в регионе. Вопрос доверия стал настоящей необходимостью для партнеров США по альянсу установить более тесные стратегические связи с другими ключевыми державами в регионе. Несмотря на то, что альянс безопасности США является важнейшим компонентом их управления безопасностью, Австралия и Япония, например, стремились к более тесному стратегическому партнерству с Индией, что является иллюстрацией развивающихся стратегических минилатеральных союзов в Индо-Тихоокеанском регионе. Но за несколько лет укрепившееся партнерство между Австралией, Индией и Японией переросло в четырехсторонний формат с включением США.

Тем не менее, неопределенность вокруг США, особенно в годы руководства Трампа, породила ряд рыхлых коалиций. Примером может служить трехсторонний министерский диалог Австралия-Франция-Индия, первое собрание которого состоялся в мае 2021 г., но истоки которого восходят к диалогам «трека 1.5», координируемым тремя аналитическими центрами из трех стран. Трехсторонняя встреча Австралии, Индии и Индонезии в форматах «трека 2», состоявшаяся в сентябре 2013 г., за несколько лет до встречи первых высокопоставленных должностных лиц трех стран в ноябре 2017 г.. рассматривается как несостоявшаяся. (*Carnegie India*)^[21]

Реакционное восприятие китайской общественности.

Роль QUAD и AUKUS.

Поняв всю «подноготную» в китайско-американских отношениях для способствования вторыми созданию минилатеральных объединений, авторы рассмотрят ключевые организации, имеющие значимую степень эффективности для давления на Китай. Данными организациями являются QUAD и AUKUS, завязанные на военной сфере взаимодействия с США.

Сравнивая их, можно сделать преждевременное утверждение, что до 2017 г. QUAD была малозначительной организацией, а в некотором роде даже провальной, поскольку до

прихода президента Дональда Трампа к власти, его предшественники мало уделяли внимание быстро развивающемуся Китаю.

Важно обозначить, что в рамках изменения американской стратегии в Тихоокеанском регионе, Тихоокеанское командование США было переименовано в Индо-Тихоокеанское командование, что утверждало расширенную зону ответственности США. В соответствии с этим, начался рост расходов на военные нужды американской группировки в этом регионе,^[8] [См. Табл. 3] а также спонсирование военных союзников (например Филиппинам 14 октября 2022 г. был выделен грант в 100 миллионов долл. на военные расходы). (*Reuters*)^[9]

Таблица 3

Тихоокеанская инициатива

2021	2022	2023-2027
1,4 млрд \$	4,68 млрд \$	22,69 млрд \$
		~5,67 млрд на год

Источник : Reuters, "U.S. grants Philippines \$100 million in foreign military financing", October 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/us-grants-philippines-100-million-foreign-military-financing-2022-10-14/>

Возвращаясь, к QUAD как отмечается в известном китайском информационном издании "Global Times", в сентябре и мае 2022 г. состоялись встречи лидеров стран-участниц. Сентябрьская встреча проходила в Вашингтоне, а в мае в Токио, китайскими аналитиками было замечено стремление американцев придать QUAD многопрофильный характер, отвечающий не только за стратегический диалог по безопасности в Тихоокеанском регионе, но и за аспекты партнерства выходящими за него. Так Токийская встреча отличилась менее значимыми заявлениями в отношении Китая, основное внимание было уделено развитию инфраструктуры, изменению климата, борьбе с новой эпидемией, цепочкам поставок и другим вопросам. На удивление прессы во время встречи не обсуждался вопрос Тайваньского пролива, хотя большинство государств ожидали услышать более четкую трактовку по значимости взаимоотношений США и его партнеров с Республикой Тайвань.

Совместное заявление на встрече в Токио обещало более 50 миллиардов долларов США в виде инфраструктурной помощи и инвестиций для региона в течение следующих пяти лет, а также стипендиальные программы в США, среди прочего. (*Ван Да и Ли Чжэн, "Стратегия разделения США и реакция на Китай в контексте глобального эпидемического шока"*)^[10] Было бы хорошо, если бы они были реализованы, но возникает вопрос: если США уже ранее утвердили себя в качестве "полноправной страны Индо-Тихоокеанского региона", почему они не реализуют/ли подобные инвестиционные проекты через уже созданные механизмы, такие как АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), если они действительно хотят играть решающую роль в данном регионе, вместо того, чтобы оперировать данными средствами для сдерживания военных возможностей Китая? Как указывалось в той же китайской статье, это очередной «мастер план» Вашингтона заключающийся в том, чтобы создать достаточное количество минилатеральных объединений, где США «играют роль босса».

Выводы "Global Times", дают нам понять, что понимание в реализации американской стратегии по минилатеральным союзам имеется не только у высшего руководства, но и у

обычного китайского читателя. Правительство Китая старается противодействовать стратегии минилатерального партнёрства, путем долгосрочного и краткосрочного инвестирования как в дружественные ей страны, так и в государства имеющие определенные претензии к нему.

Важная роль в китайском противодействии, как и у американцев уделяется Индии. После начала Россией 24 февраля происходит «перебалансировка» устоявшихся политических сил в мире, Китай подхватил момент, чтобы укрепить свои отношения с Индией в рамках партнёрства в БРИКС и ШОС, встречи по которым были инициированы в большей мере российской стороны по причине избежания политике изоляционизма. Позиция индийцы в момент необходимости «выбора сторон» показали свою прагматичность в международной сфере к России и Китаю. Индия заняла политику нейтралитета выгодную как ей самой, так и Китаю, и России, но не для США.

Переходя к AUKUS, можно сказать, что на его появление китайское правительство отреагировало более встревожено. Исходя из интервью бывшего замминистра иностранных дел Китая Лэ Юйчэн для «Китайской глобальной телевизионной сети» (CGTN), было обозначено, что «трехстороннее партнерство по безопасности между США, Великобританией и Австралией (AUKUS) разжигает ненавистнические настроения для новой холодной войны и провоцирует геополитическую игру с нулевой суммой, которая не принесет ничего хорошего, кроме вреда». **(Заявление МИД Китая по АУКУС)** [\[11\]](#)

Также моментом беспокойства китайской страны является текст договора по партнерству AUKUS, где предполагается возможность передачи ядерных технологий одному из партнеров, что будет накалять ситуацию в регионе и нарушит принцип нераспространения ядерного оружия. Из подобного можно привести, разрыв контрактах договоренностей между правительством Франции и Австралии на поставку 12 дизель-электрических подводных лодок, в угоду получением Австралией атомных подводных лодки, которые Вашингтон построит в рамках оборонного проекта AUKUS. **(«РИА новости»)** [\[12\]](#)

Говоря о технологическом давлении на Китай, действующий президент Джозеф Байден, помимо идеи о создании AUKUS, подписал Закон о микросхемах и науке 2022 г. **(The White House Government)** [\[13\]](#), официально введя в действие законодательство о новых технологиях, особенно о полупроводниках. Помимо сосредоточения внимания на наращивании производственных мощностей США по производству полупроводников, в законодательстве отмечается сотрудничество США с союзниками-единомышленниками для создания надежной цепочки поставок полупроводников. Таким образом американское руководство пытается сформировать новое минилатеральное объединение CHIP4, к которому были привлечены ключевые технологически развитые азиатские страны, как Япония, Южная-Корея и непризнанная Республика Тайвань. Если с традиционным союзником Японией и поддерживаемой Вашингтоном Тайванем у США не возникает нареканий в наращивании сотрудничества, то с Южной-Кореей возникают определённые противоречия. Для корейских технологических корпораций китайский рынок и дешевое китайское сырье играют значительную роль в стратегии их потенциального роста и ВВП Кореи в целом. Китай осознает важность данного противоречия среди американских союзников и старается удерживать статус-кво в данном вопросе. В противном случае ситуация может дойти до стадии национализации уже созданных технологический кластеров на территории материкового Китая, куда были инвестированы колоссальные суммы со стороны Южной-Коре (**Global Times**) [\[14\]](#) и откуда поступают практические все ресурсные материалы для производства

полупроводников и чипов на Тайване.

Заключение

Заклячая, можно обозначить следующие выводы и прогнозы в рамках выстраивания американской стратегии сдерживания Китая на базе минилатеральных союзов:

- Минилатеральные союзы только ускоряют процесс разделение Азиатского региона на про-китайский и про-американский. Подобная конкурентная политика по привлечению азиатских государства в свое торгово-экономическое и политическое пространство только затруднит процесс поиска компромиссной точки зрения у двух великих экономических держав, а также нанесет ущерб миру, процветанию и стабильности в регионе в дальнейшей перспективе;
- Рост популярности в формировании минилатеральных структур, является следствием нарастающей конфронтации между Китаем и США за прошедшее десятилетие, а не первостепенной причиной противоречий;
- На сегодняшний день, большинство программ, имеющих «минилатеральный оттенок» имеют малоэффективную отдачу для американского правительства, тем не менее их нельзя назвать не состоявшимися. Учитывая относительно недавнее форсирование по привлечению все большего числа стран к существующим форматам, так и новообразовавшимся, Вашингтон рассчитывает получить для себя положительные результаты в ближайшее десятилетие, при условии консолидированного сдерживания экономического и технологического развития Китая.

Библиография

1. Аутова Ф.Х., Голик М.Я., Долгополов В.А. «Оценка взаимного восприятия США и КНР на основе контент-анализа». Вестник РУДН, серия Международные отношения, сентябрь 2015, том 15, № 3. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vzaimnogo-voispriyatiya-ssha-i-knr-na-osnove-kontent-analiza-smi/viewer>
2. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.-2021.-Т. 21.-№2.-С. 210-231. doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
3. Попкова И. «Контент-анализ выступлений первых лиц РФ, КНР и США». Сайт РСМД, 2018 г. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/irina-popkova/kontentanaliz-vystupleniy-pervykh-lits-rf-knr-i-ssha/>
4. Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И. Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012–2020 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 81–95. DOI: 10.31857/S013128120018313-5. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48083748>
5. Терских М.А. «Индо-Тихоокеанская стратегия США: что нового в азиатской политике Вашингтона?», 22.02.2022. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/indo-tihookeanskaya-strategiya-ssha-chto-novogo-v-aziatskoy-politike-vashingtona>
6. Худайкулова А. В., Рамич М. С. "Квад 2.0": четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе . – Полис. Политические исследования. 2020. Том 29. № 3. С. 23-43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03 7)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает минилатерализм в контексте политики США по сдерживанию Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Учитывая рост активности КНР на международной арене, что порождает напряжения с претендующими на статус мирового гегемона Соединёнными Штатами, актуальность выбранной авторами темы трудно переоценить. К сожалению, авторы не дали себе труда в должной мере отразить теоретико-методологическую базу своего исследования. Но из контекста можно понять, что помимо традиционных для подобного рода исследований общенаучных аналитических методов применялись институциональный подход, обработка вторичных статистических данных, а также критический концептуальный анализ официальных документов и публичных заявлений официальных лиц. Корректное применение указанной методологии позволило авторам получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленной зависимости процессов разделения в Азиатском регионе от количества минилатеральных союзов. Кроме того, интерес представляет вывод авторов о том, что основной причиной роста конфликтов и напряжённости в исследуемом регионе является не формирование минилатеральных структур, а активность США. Любопытен также прогноз авторов относительно возможных положительных результатов актуальных форматов минилатеральных союзов в Тихоокеанском регионе. В структурном плане статья также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где формулируется научная проблема, но ничего не говорится о целях исследования, его задачах, а также теоретико-методологической базе; - «Причины формирования минилатеральных союзов. Военный аспект», где как следует из названия, анализируются военные причины формирования минилатеральных союзов; - «Фактор Трампа и Си Цзиньпина на выстраивание американской стратегии в Тихоокеанском регионе», где исследуются личностные аспекты роста напряжённости в исследуемом регионе и, как следствие, развития минилатерализма; - «Реакционное восприятие китайской общественности. Роль QUAD и AUKUS», где рассматривается роль военных альянсов QUAD и AUKUS в формировании минилатерализма в Азиатском регионе; - «Заключение», где подводятся итоги проведённому исследованию, делаются выводы и некоторые прогнозы. А вот с точки зрения стиля статья безупречна. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, неудачно сформулированное выражение «Вопрос доверия стал настоящей необходимостью для партнёров США по альянсу...»; или неудачный заголовок одного из разделов «Фактор Трампа и Си Цзиньпина [влияющий? – примеч. рецензента] на выстраивание американской стратегии в Тихоокеанском регионе»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения «...Вопрос безопасности в последние годы стал важным аспектом для создания...»; «Минилатеральные союзы только ускоряют процесс разделения Азиатского региона...»; «...Конкурентная политика по привлечению азиатских государств...»; или отсутствие запятой после вводного слова «так» в предложении «Так по мнению доктора Раджесвари Пиллаи Раджагопалан минилатеральные союзы...»; здесь же не выделен запятыми вводный оборот «по мнению»; или ошибочное написание выражения «причинно-следственная связь» в предложении «Для рассмотрения причинно-следственной связи в формировании...»; или раздельное написание «не» с

причастием «состоявшийся» в отсутствие зависимых слов и противопоставлений: «...Тем не менее их нельзя назвать не состоявшимися»; или неверная расстановка запятых в предложении «Возвращаясь, к QUAD как отмечается в известном китайском информационном издании...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан более или менее грамотно, на приемлемом языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 6 наименований и отражает основные моменты проблематики статьи. Хотя и могла бы быть существенно усилена за счёт включения источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу отсутствия теоретико-методологической рефлексии. Отдельным положительным моментом следует отметить наличие в работе иллюстративного материала (трёх таблиц) существенно упрощающего восприятие текста.

ОБЩИЙ ВЫВОД: представленную к рецензированию статью можно квалифицировать как научную работу, соответствующую основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные авторами результаты соответствуют тематике журнала «Конфликтология / nota bene» и будут интересны политологам, политическим социологам, конфликтологам, специалистам в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. Статья имеет некоторые не критические недостатки (отсутствие теоретико-методологической рефлексии, литературного обзора, недостаточная стилистическая и грамматическая грамотность и др.), но рецензент не считает эти погрешности достаточным поводом для отклонения статьи. Авторам можно рекомендовать на будущее учесть высказанные пожелания. Данная статья по результатам рецензирования рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Молокоедов Д.И., Сунь С. — Соперничество США и Китая в торгово-экономических отношениях со странами Латинской Америки // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39613 EDN: BUXZIF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39613

Соперничество США и Китая в торгово-экономических отношениях со странами Латинской Америки

Молокоедов Даниил Игоревич

соискатель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая., 10, к. 2.

✉ molokoedovd@bk.ru

Сунь Сяцин

соискатель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая., 10, к. 2.

✉ sunxiaqing731@gamil.com

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39613

EDN:

BUXZIF

Дата направления статьи в редакцию:

15-01-2023

Дата публикации:

24-01-2023

Аннотация: Данная статья посвящена анализу торгово-экономических отношений США и Китая со странами Латинской Америки. Данный регион является сферой конкурентного противостояния между двумя странами не только за внешнеполитические связи, но и за торгово-экономические. Авторы в данной статье показывают особенности двусторонних отношений Китая и США с Латинской Америкой и описывают процесс изменения политики США в отношении Латинской Америки после 2017 года, когда она в корне изменилась после прихода к власти администрации Д. Трампа, и Пекин, воспользовавшись данной возможностью, начала конкурировать с Вашингтоном в данном регионе. Также, в данной

статье, авторами приведен сравнительный анализ показателей торгово-экономических связей Китая и США со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Научная новизна данной работы заключается в том, что на примере перехода лидирующих позиций в сторону Китая, авторы, в рамках теории «властного транзита» (Power transition theory), описывают конкурентную борьбу государств в данном регионе в торгово-экономическом плане, которая неразрывно связана с политическими отношениями. Основными выводами данного исследования является то, что Соединенные Штаты по-прежнему являются внешней силой, которую нельзя игнорировать в латиноамериканских международных отношениях, при этом, у Китая есть все шансы на постепенное вытеснение США с внешнего рынка в Латинской Америке благодаря своим экономическим проектам с внедрением ведущих латиноамериканских стран в сфере экономики. Соединенные Штаты Америки, в свою очередь, пытаются сохранить свои позиции в данном регионе путем ослаблений своих экономических и финансовых ограничений и, тем самым, склоняя политическое руководство стран Латинской Америки на свою сторону.

Ключевые слова:

Китай, США, Латинская Америка, торгово-экономические отношения, экономика, торговля, экспорт, импорт, властный транзит, конкурентная борьба

Введение

Исходя из исторического процесса межгосударственных отношений Китая и США со странами Латинской Америки, возросшее влияние Китая в регионе пока не в силах конкурировать с политическими интересами США в Латинской Америке. Однако все более очевидной становится диверсификация внешних связей латиноамериканских стран, в частности, значительно повысился уровень и качество сотрудничества Китая с Латинской Америкой, что заставляет Вашингтон пересматривать свою политику по отношению к Пекину. Также, в латиноамериканском регионе Китай наращивает коэффициент сотрудничества со странами данного региона в торгово-экономической сфере, что в свою очередь, после прихода к власти в Соединенных Штатах Америки администрации Д. Трампа в 2017 году, привело к началу процесса вытеснения США из торгово-экономической сферы влияния в Латинской Америке, и, таким образом, у США возникает конкурент в лице Китая. Основной целью данного исследования является проблема деятельности Китая, направленная на перехват инициативы в экономическом и политическом плане в странах Латинской Америки, и анализ деятельности США, пытающиеся сохранить свое влияние в данном регионе.

Теоретической основой для рассмотрения соперничества США и КНР за торгово-экономические связи со странами Латинской Америки послужила концепция «властного транзита» (Power Transition Theory) впервые сформулированная профессором Абрамо Фимо Кеннетом Органским и опубликованная в учебнике «Мировая политика» (World Politics) в 1958 году. В рамках данной концепции и на основе торгово-экономических показателей, авторы анализируют степень влияния Китая и США на латиноамериканский регион.

В рамках исследования авторы применили сравнительный анализ торгово-экономических данных, которые включают в себя показатели торговой зависимости и внешней торговли США и КНР со странами Латинской Америки за период с 2017 по 2022 гг., опираясь на

данные с сайтов International Trade Center, The Observatory of Economic Complexity и исследовательского проекта «США vs. КНР: контуры глобальной конкуренции». Данное исследование выполнено на базе кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов в 2021 году. В основе исследования лежит сравнение влияния США и КНР на страны мира в рамках политической и экономической сфер. Расчеты выполнены на базе данных международных организаций и статистических бюро США и КНР, находящихся в открытом доступе. В данном случае авторами выбраны торгово-экономические показатели региона Латинской Америки и страны Карибского бассейна за 2019 год.

В данной работе использована информация из научных статей известных авторов на русском и китайском языках. Среди них можно отметить работы таких авторов, как Берналь – Меза Р. В статье данного автора раскрывается проблематика отношений Латинской Америки и Китая с отсылкой к ключевым работам латиноамериканских исследователей. Не менее интересным и значимым по содержанию является работа Бросовича Ф.Д. Статья данного автора анализирует негативные социально-политические последствия, к которым привлечены США. Также, стоит упомянуть совместную работу таких авторов, как Дегтерева Д.А., Рамича М.С., Цвыка А.В. Данная статья посвящена феномену глобальной конкуренции КНР и США с точки зрения теории «властного транзита». Одними из наиболее значимых статей, информация из которых была использована в данной работе, за авторством Яковлева П.П. В первой монографии описываются изменения в международном положении Латинской Америки за последние полтора десятилетия, затронувшие все основные направления внешних связей стран региона. В регионе резко расширилось присутствие Китая, что проявилось в росте торгового оборота и китайских инвестиций, так и переходе от двустороннего уровня взаимодействия к многостороннему формату. Вторая монография данного автора посвящена анализу сложной и противоречивой геополитической ситуации, складывающейся в Латинской Америке под влиянием глобальных процессов, одним из которых становится соперничество между Вашингтоном и Пекином за лидирующую роль на мировой арене. Автор показывает, что в последнее десятилетие в торгово-экономическом и финансовом отношении Латинская Америка оказывается все более «зажатой» между Соединенными Штатами и Китаем, на долю которых приходится свыше половины совокупного товарооборота латиноамериканских стран, а также решающая часть поступающих в регион инвестиционных и кредитных ресурсов.

Статья насчитывает 6 частей. Авторы данной статьи приступили к своему анализу с главы, посвящённой историческому процессу становления Китая, как полноценным актором в международной политике и мировой экономике, и перечисляют особенности двусторонних отношений КНР и США с Латинской Америкой, для дальнейшего анализа торгово-экономических отношений со странами Латинской Америки. В следующей за ней части, авторы сосредоточились на описании перехвата лидерства Китая в странах Латинской Америки в экономическом плане, что в дальнейшем сыграет свою роль в политическом влиянии в данном регионе. Наиболее важной в данном исследовании является глава, которая посвящена сравнительному анализу торгово-экономических показателей Китая и США в странах латиноамериканского региона, которые показывают, что экономическое влияние, также переходит и в политическое.

Исторический процесс и особенности двусторонних отношений Китая и США с Латинской Америкой

Для лучшего понимания, какое место занимают США и Китай в экономиках латиноамериканских стран, проследить исторический контекст взаимоотношений двух

держав со странами Латинской Америки. Из-за его отдаленности и Тихого океана официальные дипломатические отношения между Китаем и Латинской Америкой начали устанавливаться в 1960-х годах. Поэтому, до 1990-х годов китайско-американские отношения редко смешивались с латиноамериканскими факторами, а внешняя политика США в отношении Китая редко включала китайско-латиноамериканские отношения. В 1970-х. годах Китай и страны Латинской Америки достигли апогея установления дипломатических отношений.

В начале XXI в., частые контакты на высшем уровне между Китаем и Латинской Америкой и расширение в своем масштабе сфер экономического и торгового сотрудничества постепенно сформировали трехсторонние отношения Китая и США с Латинской Америкой. Содержание китайско-латиноамериканских отношений также развивалось от экономического и торгового сотрудничества до всестороннего стратегического партнерства [15, с. 79]. Соединенные Штаты, считая Латинскую Америку своим «задним двором», не уверены в стремительном развитии китайско-латиноамериканских отношений. Поэтому объективный анализ процесса развития и особенностей отношений Китая и США с Латинской Америкой, несомненно, является важной предпосылкой для понимания данного направления отношений.

В начале основания Китайской Народной Республики, между группой западных стран во главе с США и группой восточноевропейских стран во главе с СССР началось политическое и экономическое противостояние. Китай, как социалистическая страна, и страны Латинской Америки, стесненные США, в основном находятся в состоянии изоляции. Под влиянием американо-советских отношений Китай не устанавливал дипломатических отношений ни с одной латиноамериканской страной до 1960-х годов. В то же время США никогда не отказывались от своего стратегического положения в Латинской Америке, стремясь установить свою гегемонию во всем американском регионе и стабилизировать политическое положение Латинской Америки, как своего «заднего двора». А латиноамериканские страны, избавившиеся от колониального господства, стремились к установлению национального суверенитета и вести самостоятельную внешнюю политику. Об этом свидетельствуют усилия лидеров таких стран, как Куба, Венесуэла и Аргентина, по созданию «латиноамериканского сообщества». В середине XX в. Китай и страны Латинской Америки столкнулись с такой же ситуацией развития.

28 сентября 1960 года Китай установил дипломатические отношения с Кубой, первой социалистической страной в Латинской Америке, тем самым установив первые дипломатические отношения между Китаем и странами Латинской Америки. В феврале 1972 года президент США Никсон посетил Китай, что ознаменовало оттепель в отношениях между Пекином и Вашингтоном. В то же время Китай и страны Латинской Америки также вступили в кульминацию установления дипломатических отношений. После окончания «холодной войны» отношения между Китаем и США неуклонно развивались, что объективно способствовало дальнейшему расширению контактов Китая со странами Латинской Америки. Надо сказать, что Китай и Латинская Америка добились новых успехов в плане политических отношений (увеличение числа стран, установивших дипломатические отношения), экономических и торговых обменов (увеличение масштабов двусторонней торговли) и культурных обменов. В частности, человеческая дипломатия значительно укрепила взаимопонимание между Китаем и Латинской Америкой и внесла важный вклад в распространение имиджа Китая в Латинской Америке. В 2000 году объем торговли между Китаем и Латинской Америкой достиг 12,595 млрд. долларов США, увеличившись почти в 6 раз по сравнению с 2,29 млрд. долларов США в 1990 году [16, с. 61].

В 1980-х годах Дэн Сяопин изложил независимую внешнюю политику мира Китая в переговорах с президентом Бразилии Жоао Фигейреду и президентом Аргентины Альфонсо, которые последовательно посетили Китай, и предложил сотрудничество между Китаем и Латинской Америкой в управлении государственными делами. В 2001 году Цзян Цзэминь посетил шесть стран Латинской Америки, включая Чили, Аргентину, Уругвай, Кубу, Венесуэлу и Бразилию, что открыло новую главу взаимодействия на высоком уровне между Китаем и Латинской Америкой. В том же году Китай присоединился к Всемирной торговой организации, и его экономическое развитие вступило в новую стадию ускоренного роста. Китай и США сохранили базовую стабильность отношений между двумя странами на основе сохранения идеологических разногласий, создав китайско-латиноамериканские отношения в относительно благоприятных условиях для развития. Китайско-латиноамериканские отношения выросли из ничего, от малого к большому и, вообще говоря, все еще находятся в начальной стадии развития. Китайско-американские отношения по-прежнему являются основополагающими в отношениях с Латинской Америкой, поддерживая высокую стабильность в несбалансированной структуре отношений, однако Соединенные Штаты начали осознавать непрерывное развитие отношений Китая и Латинской Америки, особенно после вступления Китая в ВТО.

С момента вступления Китая в ВТО статус страны в мировой политике, экономике и культуре постепенно увеличивался, а его роль в управлении международными делами становилась все более заметной. Говоря о политике, Китай установил дипломатические отношения с 21 из 33 стран Латинской Америки, а Коммунистическая партия Китая поддерживает тесные контакты с более чем 90 политическими партиями почти в 30 странах Латинской Америки.

С середины 1990-х годов Китай последовательно устанавливал всесторонние стратегические партнерства или стратегические партнерства с шестью странами, включая Бразилию, Мексику, Аргентину, Венесуэлу, Чили и Перу [\[17, с. 87\]](#), и далее институционализировал политические консультации между Китаем и Латинской Америкой [\[17, с. 90\]](#). Двусторонние диалоговые платформы, такие как Китайско-латиноамериканский форум сотрудничества и Механизм двустороннего экономического и торгового объединенного комитета также активно определили позиции в области создания механизмов многостороннего сотрудничества. [\[18, с. 130\]](#).

Механизм консультаций на уровне национальных министров иностранных дел, в котором основные страны Латинской Америки используются в качестве точки стратегического прорыва, а механизм двустороннего и многостороннего сотрудничества — в качестве точки стратегической поддержки, отражает основную логику внешней политики Китая в отношении Латинской Америки. С позиции торгово-экономических отношений, после присоединения к ВТО вклад Китая в мировой экономический рост вырос с 2% в начале реформ и открытости до 33,2% в 2016 году (в постоянных ценах в долларах США в 2010 году) (Вклад Китая в мировой экономический рост намного превышает вклад Европы и США. // Aftershock.news, - 08.02.2018. URL <https://aftershock.news/?q=node/614620&full> (дата обращения: 09.10.2022.)).

Стоит отметить, что в 2016 году торговля Китая со странами и регионами Латинской Америки достигла 216,6 млрд долларов США, что в 16 раз больше, чем в 2000 году, превзойдя ЕС и став вторым по величине торговым партнером Латинской Америки, а также страной, которая предоставила Латинской Америке самые большие кредиты в долларах США [\[14, с. 136\]](#).

Таким образом, Китай, в процессе ведения независимой внешней политики, стремился наладить политические и торгово-экономические отношения со странами Латинской Америки, и постепенно становился ведущим игроком на международной арене как в экономическом, так и в политическом плане.

Перехват лидерства Китаем в торгово-экономических отношениях со странами Латинской Америки

Выстраивание независимых глобальных дипломатических отношений является стратегическим выбором Китая в условиях стремительного развития глобализации. С древних времен Китай придавал большое значение установлению мирных дипломатических отношений с соседними странами и стремился урегулировать споры и трения между странами путем консультаций. С повышением международного статуса Китая возникла ее глобальная дипломатическая стратегия. С точки зрения геополитической структуры безопасность границ страны является краеугольным камнем реализации данной стратегии. Первоочередной задачей Китая при построении всесторонней и многоуровневой дипломатической структуры в мире является стабилизация и функционирование дипломатии с соседними странами, что соответствует постоянному усилению присутствия США в Латинской Америке. Соединенные Штаты являются самой важной страной в международных отношениях Китая. Сменявшие друг друга китайские лидеры придавали большое значение установлению хорошего политического взаимного доверия с Вашингтоном. У Китая и США есть свои интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Латинской Америке, но с точки зрения темы мира и развития у двух сторон больше общих интересов, чем традиционные разногласия между крупными державами. Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что в огромном Тихом океане достаточно места, чтобы вместить две крупные державы, Китай и Соединенные Штаты, что является наиболее прямым выражением новой китайской концепции азиатской безопасности, которая является общей, комплексной, совместной и устойчивой. (Ван Цзиси. Самое большое стратегическое взаимное сомнение между Китаем и США — это «два порядка». // Finance.ifeng.com, - 31.03.2017. URL: <http://finance.ifeng.com/news/special/SinoUSrelations5/>).

Латинская Америка является важным центром в рамках национальной безопасности США, и правительство Соединенных Штатов никогда не ослабляло бдительности в отношении дипломатической стратегии Китая в Латинской Америке, особенно в отношении увеличения военной мощи Китая. Ван Сяомэй резюмировал когнитивные тенденции различных заинтересованных сторон в Соединенных Штатах в отношении китайско-латиноамериканских отношений. Так он отмечал, что Конгресс США обеспокоен влиянием «доктрины Монро», военные аналитики США преувеличивают проблемы китайско-латиноамериканского сотрудничества, а консерваторы преувеличивают угрозу данного сотрудничества в СМИ, однако академическое сообщество рационально оценивает влияние китайско-латиноамериканского сотрудничества [19, с. 79].

Некоторые консерваторы в США даже неверно истолковали намерение Китая «глубоко культивировать» в Латинской Америке, полагая, что Китай рассматривает данный регион, как источник сырья, рынок сбыта готовой продукции и платформу для проецирования власти (Stephen Johnson. Balancing China's Growing Influence in Latin America // Heritage Foundation. - 2005. URL: <https://www.heritage.org/americas/report/balancing-chinas-growing-influence-latin-america> (дата обращения: 12.11.2022)). Осведомленность США о национальной безопасности и ее глобальная силовая стратегия дополняют друг друга и являются двумя её сторонами. Хотя различные стороны в Соединенных Штатах выражали

разные взгляды на дипломатическую стратегию Китая в Латинской Америке, Вашингтон всегда проявлял высокую степень обеспокоенности в отношении роста влияния Китая в латиноамериканском регионе.

Что необходимо уточнить, так это то, что Китай всегда придерживался пяти принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела других стран. У Китая есть политические и экономические соображения для реализации дипломатической стратегии Латинской Америки. 22 из 33 латиноамериканских стран и регионов установили хорошие дипломатические отношения с Китаем, но все еще есть 12 латиноамериканских стран, которые являются так называемыми «дипломатическими странами» Тайваня. Посредством экономического сотрудничества и культурных обменов со странами Латинской Америки, укрепления политического взаимного доверия и снижения тайваньского латиноамериканского «дипломатического пространства», Китай сделал благоразумный выбор для защиты своих основных национальных интересов [\[11, с. 15\]](#).

Хотя дипломатические усилия Китая и США в Латинской Америке направлены на защиту основных национальных интересов, стратегические цели латиноамериканской дипломатии двух стран имеют свои приоритеты. Соединенные Штаты и Латинская Америка географически граничат друг с другом, и важность геополитической модели двух сторон чрезвычайно заметна. С другой стороны, у Китая и Латинской Америки нет территориальных споров, исторических и геополитических конфликтов [\[20, с. 122\]](#).

Смещение центра мировой экономики и торговли, а вслед за ними и глобальной политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона детерминировало главный геоэкономический и геополитический сдвиг в международном положении латиноамериканских стран — поворот в сторону стремительно растущих азиатских (прежде всего китайских) рынков и расширение всего спектра отношений с государствами этой части Земного шара [\[12, с. 22\]](#). Указанная тенденция отчетливо видна на примере значимых перемен в географической направленности латиноамериканского экспорта и импорта, в частности радикальных изменений в соотношении удельного веса американского и китайского рынков во внешней торговле Латинской Америки. Данные показывают, что в период 2001—2017 гг. доля Соединенных Штатов в совокупном внешнеторговом обороте региона снизилась с 51 до 38%, в то время как доля Китая выросла с 2 до 13%. В абсолютных значениях американский экспорт в Латинскую Америку увеличился менее чем вдвое (со 168 до 321 млрд долл.), тогда как аналогичный китайский показатель возрос в 16 раз: с 8 до 130 млрд долл.

Однако, в 2015 году на Латинскую Америку и Карибский бассейн приходилось всего 5,96% от общего объема импорта и экспорта Китая, в то время как его доля в США была близка к 14%. Доля Китая в импорте и экспорте Латинской Америки и Карибского бассейна также намного ниже, чем доля США, и даже в первой половине 2016 года объем торговли между Китаем и Латинской Америкой резко упал (Китай становится вторым по величине торговым партнером Латинской Америки, западные СМИ: растущее влияние. // Chinadaily.com, - 08.04.2017. URL: http://caijing.chinadaily.com.cn/2014-12/04/content_19021411.htm. (дата обращения 2.10.2022)). Тем не менее, в считанные годы КНР перехватила экономическую инициативу и заняла видное место во внешнеторговых связях целого ряда ведущих государств Латинской Америки: Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Мексики, Перу, Эквадора, Чили [\[11, с. 51\]](#). К вышеуказанным странами Пекин установил отношения стратегического партнерства, благодаря чему китайско-латиноамериканское сотрудничество не ограничилось торговлей, а

распространилось на все сферы экономической и финансовой деятельности [9, с. 63]. Поэтому, хотя экономическое и торговое сотрудничество Китая и экспорт капитала в Латинскую Америку растут, этого недостаточно, чтобы поколебать особую роль США в экономическом развитии Латинской Америки.

Приход к власти в США администрации Д. Трампа в 2017 году, несомненно, сыграл свою роль в конкурентной борьбе Китая и США за латиноамериканский регион. Так, из-за недальновидной политики вновь пришедшей администрации, в 2017 году были введены пошлины на импорт биотоплива. Аргентина, тем самым, лишилась важнейшего для себя американского рынка. С 2018 года повысились тарифы на китайские товары (стали и алюминия), что привело к введению Пекином своих ответных санкций, в рамках которых КНР отказалась от закупок американских сои, свинины, фруктов и стала заключать контракты в Бразилии и Аргентине [10, с. 201]. Кроме того, в период с 2016 по 2020 г. в ряде стран к власти пришли проамериканские правительства, как, например, в Бразилии и Панаме, отменившие или заморозившие китайские проекты, принятые предыдущими администрациями [8, с. 177]. Помимо этого, Д.Трамп оказывал давление на несколько правительств (Бразилии, Чили, Эквадора, Панамы, Доминиканской Республики), чтобы заставить их не внедрять китайские сети 5G [1, с. 472].

В настоящее время прямая экономическая конкуренция между Китаем и Соединенными Штатами в Латинской Америке не столь заметна, но все еще существуют неизбежные торговые противоречия. Китай придает большое значение торговле оптовыми товарами со странами Латинской Америки, особенно нефтью, новыми источниками энергии и сельскохозяйственной продукцией. Китай, так же, осуществляет поставку товаров широкого потребления [3, с. 109]. В то же время экспорт капитала в Латинской Америке также в основном сосредоточен в таких инвестиционных областях, как создание инфраструктуры, горнодобывающая промышленность и развивающаяся энергетика, однако горнодобывающая промышленность и строительство инфраструктуры больше не находятся в центре внимания зарубежных инвестиций США из-за корректировки глобальной стратегии США, продолжающегося спада и медленного восстановления мировой экономики, а также политического хаоса в некоторых странах Латинской Америки. (Подъем Китая в Латинской Америке с точки зрения Америки // Sohu.com. - 08.01.2016. URL: <http://mt.sohu.com/20160108/n433930904.shtml> (дата обращения 3.10.2022.)).

Подводя итог данной главы, необходимо отметить, что снижение влияния Соединенных Штатов в Латинской Америке и закономерное увеличение влияния Китая в данном регионе были обусловлены в следствии проведения недальновидной политики администрацией Д. Трампа. В связи с этим, в по соображениям национальной безопасности и политической стабильности и для предотвращения экономического проникновения Китая в Латинскую Америку, Соединенные Штаты намерены продолжать уделять внимание китайско-латиноамериканским отношениям в сфере экономического и торгового сотрудничества. В следующей главе, авторы приводят сравнительный анализ торгово-экономических показателей США и Китая со странами Латинской Америки

Сравнение показателей торгово-экономических связей Китая и США со странами Латинской Америки и Карибского бассейна

Для того, чтобы определить степень влияния Китая и США на латиноамериканский регион в торгово-экономической сфере, авторы данной статьи представили показатели с сайта исследовательского проекта «США vs. КНР: контуры глобальной конкуренции»

(США vs. КНР: контуры глобальной конкуренции. URL: <https://g2.rudn.ru/ru/> (дата обращения 25.10.2022)).

Табл. 1. Показатели торговой зависимости стран Латинской Америки с Китаем и США за 2019.

Страна	Торговая зависимость
Куба	14%
Уругвай	13%
Боливарианская Республика Венесуэла	13%
Чили	11%
Перу	9%
Бразилия	9%
Аргентина	3%
Панама	1%
Боливия (Многонациональное Государство)	1%
Парагвай	-3%
Суринам	-3%
Эквадор	-10%
Колумбия	-12%
Гайана	-13%
Сент-Винсент и Гренадины	-16%
Барбадос	-23%
Белиз	-23%
Сальвадор	-24%
Антигуа и Барбуда	-25%
Багамские острова	-25%
Гватемала	-26%
Сент-Люсия	-28%
Тринидад и Тобаго	-29%
Коста-Рика	-31%
Гренада	-31%
Ямайка	-32%
Никарагуа	-36%
Гаити	-38%
Доминиканская Республика	-40%
Гондурас	-40%
Доминика	-47%
Мексика	-57%
Сент-Китс и Невис	-58%

По показателям торговой зависимости на 2019 год (Табл. 1.), мы видим, что страны Латинской Америки с коэффициентом + 0% больше тяготеют к Китаю (страны выделенные красным цветом), в свою очередь, страны с коэффициентом – 0% тяготеют больше к Соединенным Штатам (страны выделенные синим цветом), и, на первый взгляд

можно заметить что большая часть латиноамериканских стран находятся в торговой зависимости от США, однако в списке стран тяготеющих к Китаю находятся большая часть ведущих стран Южной Америки такие как Бразилия, Чили, Перу и Аргентина. Так, например, отношения между Китаем и Бразилией развиты в рамках сотрудничества «Юг-Юг». Это сотрудничество основано на равноправии и направлено на создание взаимовыгодного и беспроигрышного сотрудничества. Особенность сотрудничества «Юг-Юг» предусматривает преобладание технической помощи, передачу экспертизы по тем или иным направлениям экономического и научно-технического развития [5, с. 190]. В последние годы одним из ключевых направлений КНР по закреплению собственного влияния в регионе стал процесс институционализации отношений с латиноамериканскими странами. Основываясь на успешном опыте сотрудничества в Африке, Китай в ЛКА продолжает развивать похожую модель многостороннего сотрудничества. Еще в 2014 г. для лучшей координации и углубления отношений во всех областях был создан Форум Китай – СЕЛАК, что само по себе стало свидетельством растущего значения Латинской Америки в глобальной экономической дипломатии Китая [2]. При этом, нужно отметить, что страны Южной Америки в своем большинстве (кроме Венесуэлы) начали активно попадать в зону влияния лишь после 2018 г., с ними КНР предпочитает выстраивать торгово-экономические отношения, основанные на высоких объемах импорта продукции этих стран, тем самым обеспечивая себе весомую, а в некоторых случаях даже лидирующую позицию в качестве торгового партнера [6].

Если изучить данные на графике экспорта Китая в страны Латинской Америки (Рис. 1.) То можно заметить, что на протяжении пяти лет с 2017 по 2022 годы экспорт имел тенденцию к росту и достиг своего пика в июле этого года, после чего экспорт пошел на спад. (Trading Economics. Китай - Экспорт в Латинской Америке. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/china/exports-to-latin-america> (дата обращения 3.11.2022.))

Рис. 1. График экспорта Китая в страны Латинской Америки (2017-2022).

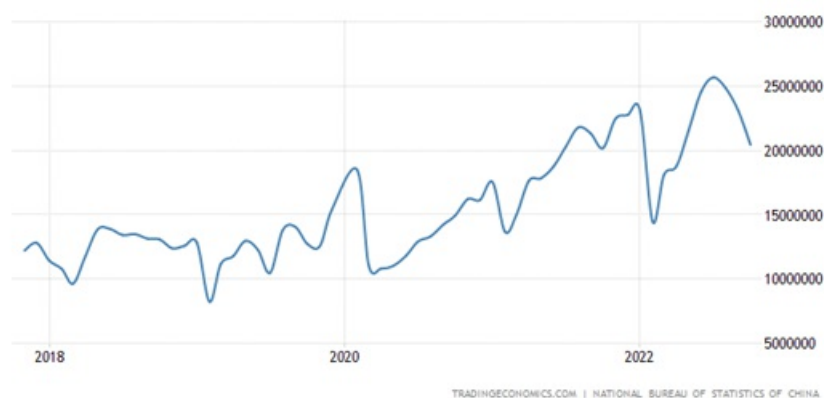

Табл. 2. Экспорт и импорт Китая в страны Латинской Америки за 2019-2020 гг.

Доля товаров в экспорте Китая в 2019 году		Доля товаров в экспорте Китая в 2020 году
Радиовещательное оборудование	5.56%	5.59%
Запчасти для офисного оборудования	4.4%	4.05%
Компьютеры	3.46%	3.93%

Компьютеры	3.18%	3.24%
Телефонные аппараты	3.18%	3.24%
Интегральные микросхемы	2.52%	2.26%
Итого: \$184 млрд.		Итого: \$174млрд.
Доля товаров в импорте Китая в 2019 году		Доля товаров в импорте Китая в 2020 году
Сырая нефть	18%	10.7%
Соевые бобы	17.9%	17.3%
Медная руда	15.7%	17%
Железная руда	11.5%	16%
Рафинированная медь	5.59%	6.43%
Замороженное мясо крупного рогатого скота	4.49%	5.05%
Сульфат, Химическая древесная целлюлоза	3.78%	3.37%
Ракообразные	1.98%	1.66%
Свиное мясо	0.68%	1.52%
Фрукты без косточек	1.19%	1.13%
Итого: \$133млрд.		Итого: \$133 млрд.

Говоря о процентной доле товаров в экспорте и импорте Китая и США, то можно сделать вывод, что наиболее высоки процентный показатель в доле экспорта Китая за 2019 и 2020 годы (Табл. 2.) имеет отрасль машиностроения (вещательное оборудование 5,56%-5,97%, офисная аппаратура 4,4%-4,05%, компьютеры 3,46%-3,93%, телефоны 3,18%-3,24%, микросхемы 2,52%-2,26% и т.д.). Смотри на импорт, можно выделить полезные ископаемые, такие как медь, железная руда и сырая нефть. Также стоит отметить значительный процент импорта зернобобовых культур, т.к. соя-17,9%-17,3%. (The Observatory of Economic Complexity. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/chn/atg. (дата обращения: 28.11.2022)).

Табл. 3. Экспорт и импорт США в страны Латинской Америки за 2019-2020 гг.

Доля товаров в экспорте США в 2019 году		Доля товаров в экспорте США в 2020 году
Переработанная нефть	16.2%	13.1%
Запчасти и принадлежности для автотранспорта	4.72%	4.39%
Запчасти для офисной техники	3.26%	2.83%
Нефтяной газ	2,77%	3.21%
Интегральные микросхемы	2.26%	3.17%
Автомобили	1.25%	1.02%

Кукуруза	1.24%	1.59%
Медицинские инструменты	1.21%	1.29%
Сырая нефть	1.2%	0.98%
Этилен	1%	1.2%
Итого: \$374 млрд.		Итого: \$310млрд.
Доля товаров в импорте США в 2019 году		Доля товаров в импорте США в 2020 году
Автомобиль	8.25%	7.06%
Компьютеры	6.25%	6.93%
Запчасти и аксессуары для автотранспорта	5.73%	5.63%
Нефть сырая	5.66%	3.72%
Грузовики для доставки	5.31%	5.32%
Изолированный провод	2.93%	2.87%
Видеодисплеи	2.34%	2.73%
Медицинские инструменты	2.24%	2.62%
Тракторы	2.11%	1.51%
Сиденья	1.34%	1.27%
Итого: \$463 млрд.		Итого: \$412 млрд.

Данные экспорта и импорта продукции США за 2019-2020 гг. (Табл. 3 .) свидетельствуют о том, что основная процентная доля экспорта составляет очищенная нефть 16,2%-13,1%, товары электротехнического машиностроения (офисное компьютерное оборудование 3,26%-2,83%, микросхемы-2,26%-3,17%), товары автомобильного машиностроения (запчасти 4,73%-4,39%, автомобили 1,25%-1,02%). Из Латинской Америки Соединенные Штаты в основном импортируют товары электротехнического машиностроения (компьютеры – 6,25%-6,93%, провода 2,93%-2,87%, дисплеи 2,34%-2,73%), товары автомобилестроения (автомобили 5,72-7,06, автозапчасти, грузовые автомашины 5,31-5,32), сырая нефть 5,66-3,72, а также медицинское оборудование. (The Observatory of Economic Complexity. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/chn/atg. (дата обращения: 28.11.2022)).

Рис. 2. График экспорта США в страны Латинской Америки (2017-2021)

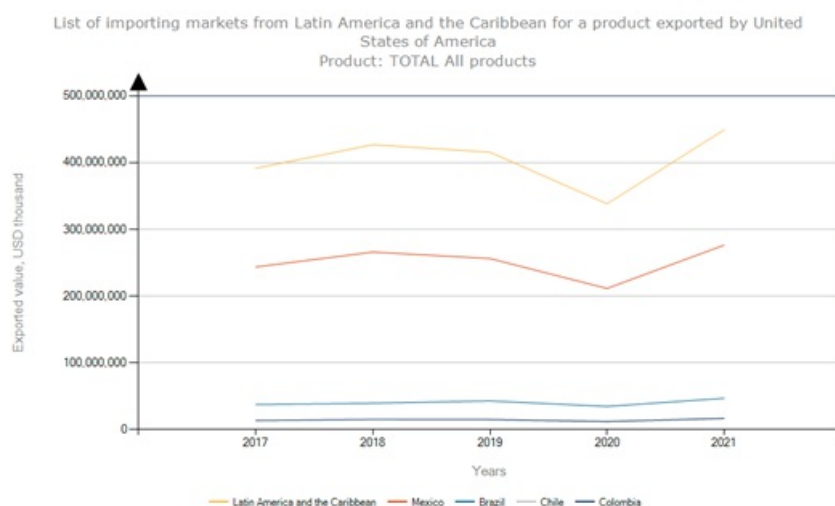
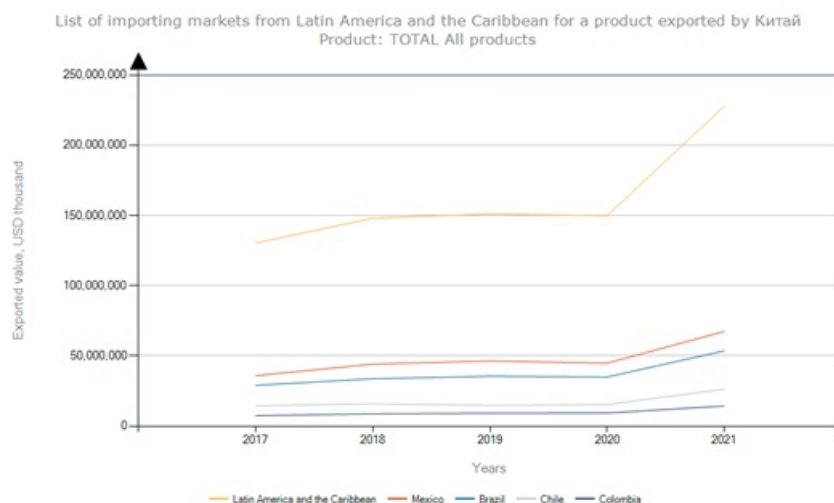

Рис. 3. График экспорта Китая в страны Латинской Америки (2017-2021)

На рисунках 2 и 3 показаны данные с сайта International Trade Center по экспорту Китая и США в страны Латинской Америки за период с 2017 по 2021 гг. На данных графиках мы видим, что экспорт США и Китая находится на стабильном уровне, не смотря на снижение экспорта в 2020 году в связи с эпидемией коронавируса, эпидемия которого, стала вызовом для всего латиноамериканского региона [7]. Также, мы видим, что на 2021 год экспорт находится на высоком уровне. Сравнивая данные показатели, можно заметить, что на 2021 год США по экспорту намного опережают аналогичным показателям Китая, однако, если учитывать темп роста товарооборота Китая со странами Латинской Америки, мы наблюдаем резкий рост экспорта товаров в страны Латинской Америки. (ITC. Trade map. URL: https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS_Graph.aspx?nvpm (дата обращения: 30.11.2022)). По сравнению с 2020 годом, экспорт Китая в ЛА увеличился на 52%. Юэ Юнься, директор Департамента экономики Латиноамериканского института Китайской академии общественных наук, сказал, что двусторонняя торговля в 2021 году имела «выдающиеся показатели». По словам Юэ, можно выделить основные две причины роста товарообмена: с одной стороны, увеличение китайского импорта сельскохозяйственной продукции, такой как соевые бобы или говядина, а также увеличение экспорта полезных ископаемых из Латинской Америки, а с другой стороны, рост цен на сырье. (Товарооборот между Китаем и Латинской Америкой в 2021 году вырос на 41%./ИА Красная Весна, - 25.01.2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/0da87199> (дата обращения: 27.11.2022)).

Надо сказать, что в прошлом году также произошло несколько важных событий в экономической дипломатии Китая в ЛАК: в декабре 2021 года Никарагуа объявила о разрыве дипломатических отношений с Тайванем, признании политики "одного Китая" и установлении дипломатических отношений с Китаем ("Comunicado Conjunto" 2021). Хотя полные детали соглашения еще не объявлены, Китай уже передал Никарагуа первые 200 000 доз национальной вакцины Xinguan, что составляет в общей сложности один миллион доз (Медина 2021).

Вскоре после этого, в январе 2022 года, две страны подписали Меморандум о взаимопонимании (МОВ) о присоединении Никарагуа к инициативе "Пояс и путь", что открывает возможность увеличения инвестиций и финансирования со стороны Китая ("Китай и Никарагуа", 2022). Никарагуа присоединяется к Коста-Рике, Сальвадору, Панаме и десяти другим странам Карибского бассейна в качестве не входящего в АБР участника инициативы "Пояс и путь". В 2021 году две страны Латинской Америки и Карибского бассейна становятся полноправными членами АБР - Аргентина в марте 2021

года и Чили в июле 2021 года; Перу присоединяется к АБР в январе 2022 года. Аргентина и Чили внесли капитал в размере 5 млн. долларов США и 10 млн. долларов США соответственно, а общий оплаченный капитал Перу составляет чуть более 156 млн. долларов США. В 2020 году АБР предоставил кредит Эквадорской национальной финансовой корпорации, который остается единственным одобренным кредитом для страны ЛАК, совместно финансируемым Фондом восстановления кризиса "Новая корона" АБР и Всемирным банком, для облегчения ограничений ликвидности и поддержки МСП ("Эквадор: Финансовая корпорация"). (Экономическая бюллетень Китая, Латинской Америки и Карибского бассейна. 2022 г. URL: <https%3A%2F%2Fwww.bu.edu%2Fgdp%2Ffile> (дата обращения 27.11.2022)).

После Эквадора и Уругвая, Чили и Перу стали третьим и четвертым "членами-побратимами" "Пояса и пути" и АБР в регионе ЛАК ("Аргентина присоединяется" 2022). В 2022 году Аргентина подписала Меморандум о взаимопонимании с Китаем о финансировании более 23 млрд долларов США, в основном на инфраструктурные проекты, из которых 14 млрд долларов США будут направлены на проекты в рамках Стратегического диалога по экономическому сотрудничеству и координации (Дессе), а с 2017 года финансирует железнодорожные, гидроэнергетические и атомные объекты и другие крупные проекты ("El Gobierno"). "El Gobierno anuncia" 2022 "Tercer Diálogo" 2017). Оставшиеся 9,7 млрд. долларов США будут находиться в распоряжении новых специальных рабочих групп для финансирования проектов в области энергетики, водоснабжения и санитарии, транспорта и жилищного строительства. (Экономическая бюллетень Китая, Латинской Америки и Карибского бассейна. 2022 г. URL: <https%3A%2F%2Fwww.bu.edu%2Fgdp%2Ffile> (дата обращения 27.11.2022)).

Если говорить об общих интересах США в регионе, очевидно, что Вашингтон крайне заинтересован переустановить свое влияние в Латинской Америке. Снова сделать из нее свой «задний двор», чтобы контролировать политические процессы, ангажировать голоса в ООН для своих целей, иметь доступ к природным и людским ресурсам, а также не допустить роста сотрудничества стран с Россией и Китаем. Правительство Соединенных Штатов Америки, в свою очередь, пытаются сохранить свое влияние в данном регионе посредством ослабления некоторых экономических ограничений. Так, например, администрация Байдена может ослабить санкции против Каракаса в обмен на возобновление работы Chevron на венесуэльских месторождениях. США хотят возобновить доступ к нефти хотя бы в краткосрочной перспективе. Предварительно в рамках «жеста доброй воли» в США освободили осужденных племянников президента Мадуро, а Венесуэла в ответ выпустила из тюрьмы семерых граждан США. «Уолл стрит Джорнал» сообщает, что правительство Мадуро согласилось возобновить переговоры с оппозицией по условиям проведения «свободных и справедливых» выборов в 2024 году. Обсуждается и дополнительное соглашение об освобождении сотен миллионов долларов на замороженных венесуэльских счетах в США. (США «перезагружают» Латинскую Америку//Katehon.com. – 14.10.2022 URL: <https://katehon.com/ru/article/ssha-perezagruzhayut-latinskuyu-ameriku> (дата обращения 22.12.2022)).

Основываясь на вышеперечисленных данных, мы приходим к следующему выводу. Хотя США и имеют высокий суммарный объем экспорта и импорта товаров в Латинской Америке, множественные внешнеполитические просчеты и возрастающая роль Китая в странах Латинской Америки с наиболее развитой экономикой (таких как Бразилия), как в торгово-экономическом, так и в политическом плане. Из этого следует, что США, хоть и не в ближайшем, но в обозримом будущем, в рамках «властного транзита», рискуют утратить влияние в данном регионе. При этом период «властного транзита», который

начался в 2010—2020 гг., завершится после того, как мощь КНР достигнет 120 % от американской [4, с. 211].

Заключение

В заключении статьи, авторы приходят к следующим выводам. Надлежащее поддержание дипломатических отношений с Соединенными Штатами и Латинской Америкой является неизбежной областью дипломатии Тихоокеанского региона Китая. Условно говоря, китайско-американские отношения являются наиболее определяющим и важным фактором, который определяет и влияет на вектр внешней политики двух держав в отношении Латинской Америки. Это также показывает, что Китай и США имеют разные политические и экономические взгляды на Латинскую Америку, и, в то же время, у Китая и Соединенных Штатов имеются разные позиции и роли в Латинской Америке. Несмотря на недальновидную внешнюю политику администрации Д. Трампа в отношении Латинской Америки, Соединенные Штаты по-прежнему являются внешней силой, которую нельзя игнорировать в латиноамериканских международных отношениях.

В латиноамериканских странах за процессом американо-китайского соперничества на глобальном уровне наблюдают с вниманием, настороженностью и опасениями. Это связано не только с текущей ситуацией, но и с динамикой отношений Вашингтона и Пекина, нарастанием противоречий на глобальном и региональном уровне. Латиноамериканцы не без оснований считают, что развязывание торговых войн и других видов американо-китайского противостояния может навредить развитию мировой экономики и нанести ущерб интересам региона, который критически зависит от международных торговых и финансовых рынков. Учитывая то, что экспорт Китая растет со значительной скоростью, у Китая есть все шансы на постепенное вытеснение США с внешнего рынка в Латинской Америке благодаря своим экономическим проектам с внедрением ведущих латиноамериканских стран в сфере экономики. Соединенные Штаты Америки, в свою очередь, пытаются сохранить свои позиции в данном регионе путем ослаблений своих экономических и финансовых ограничений и, тем самым, склоняя политическое руководство стран Латинской Америки на свою сторону.

Библиография

1. Берналь-Меза Р. Динамика и перспективы отношений Китая и Латинской Америки в работах латиноамериканских исследователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, No 3. С. 464—477. Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-464-477>
2. Борзова А. Ю., Торкунова Ю. А., Агаев Ю. И. (2018) Китай – CELAC: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. № 7. С. 32–46. Режим доступа: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0000022-3>.
3. Бросович Ф.Д. Борьба за мировую гегемонию в Латинской Америке. Как Китаю удалось сместить гегемонию США в Латиноамериканском регионе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021;11(5):106-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-106-110
4. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210—231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
5. Ежов В.В. Китайско-бразильское энергетическое сотрудничество // Международные отношения. 2018. №2. С. 188-192. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.26267

6. Еремин А. А., Дубровский И. Р., Петрович-Белкин О. К. (2021) Латиноамериканский вектор внешней политики КНР в 1991–2020 гг. // Вопросы истории. Т. 3. № 11. С. 256–267. Режим доступа: [https:// doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi91](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi91).
7. Еремин А. А., Медина Гонзалес В. (2021) Латинская Америка в условиях пандемии COVID-19 в 2020 г. Социальный и политический аспекты. На примере Эквадора // Латинская Америка. № 3. С. 20–32. Режим доступа: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0013516-6>.
8. Каткова Е.Ю., Еремин А.А. Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 164–188 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-02-07
9. Лавут А.А. Новый этап развития китайско-латиноамериканских отношений // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 59–73. DOI: 10.31857/S0044748X0002316-6
10. Пиреш М., Насименту Л. (2020) Доктрина Монро 2.0 и трехсторонние отношения США, Китая и Латинской Америки // Вестник международных организаций. Т. 15. № 3. С. 202–222 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08
11. Эдуардо Даниэль Овьедо и Рэмбо. Реальность и развитие отношений между Китаем и странами Латинской Америки // Журнал Педагогического университета Цзянсу (издание философии и социальных наук), № 3, 2018 г., С. 12-20.
12. Яковлев П.П. Латинская Америка на мировой геополитической карте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 20–28.
13. Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 47–58. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58.
14. 高奇琦 = Гао Цици.《中美拉三边关系的影响因素及其战略应对》= Факторы, влияющие на трехсторонние отношения Китая, США и Латинской Америки, и их стратегические ответы《国际观察》, 2019年第5期, 第132~144页。= International Observer, № 5, 2019 г., С. 132–144.
15. 范和生、唐惠敏=Фань Хэшэн и Тан Хуйминь.《全球化背景下中拉共同体关系研究》= Исследование отношений между Китаем и латиноамериканскими и карибскими сообществами в контексте глобализации《太平洋学报》, 2019年第11期, 第78~87页。= Journal of the Pacific, № 11, 2019 г. С. 78-87.
16. 朱鸿博=Чжу Хунбо.《中、美、拉三边关系互动与中国的拉美政策》=Взаимодействие Китая, США и Латинской Америки и латиноамериканская политика Китая《拉丁美洲研究》, 2019年第4期, 第59~64页。=Латиноамериканские исследования, № 4, 2019 г., стр. 59-64.
17. 乔丽荣、陈红娟=Цяо Лижун и Чен Хунцзюань.《中拉经贸关系发展的四大趋势》=Четыре тенденции в развитии китайско-латиноамериканских торгово-экономических отношений //《经济纵横》, 2018年第2期, 第87~90页。= Экономический ландшафт. № 2, 2018 г., С. 87-90.
18. 周志伟、岳云霞=Чжоу Чживэй и Юэ Юнься.《中拉整体合作:机遇、挑战与政策思路》=Общее сотрудничество Китая и Латинской Америки: возможности, вызовы и политические идеи《世界经济与政治论坛》, 2018年第5期, 第122~135页。= Всемирный экономический и политический форум, № 5, 2018 г., С. 122-135.
19. 王晓梅=Ван Сяомэй.《美国对中国加强与拉美合作的认识与政策》=Понимание и политика Америки по укреплению сотрудничества между Китаем и Латинской Америкой《教学与研究》, 2017年第2期, 第78~84页。=Обучение и исследования, № 2, 2017 г. С. 78-84.

20. 王友明=Ван Юмин.《构建中拉整体合作机制:机遇、挑战及思路》=Построение общего механизма сотрудничества между Китаем и Латинской Америкой: возможности, вызовы и идеи 《国际问题研究》, 2018年第3期, 第105~117、132页=Международные исследования, № 3, 2018 г. С. 105-132

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является торгово-экономическое соперничество КНР и США в Латиноамериканском регионе. Учитывая отмечаемый многими исследователями рост международного влияния Китая, а также увеличение его присутствия во всех регионах мира, актуальность выбранной авторами статьи темы для исследования трудно переоценить. Вполне адекватным представляется и теоретико-методологический выбор авторов: в качестве концептуальной рамки исследования послужила концепция «передачи власти» (Power Transition Theory), описывающая мировую политику в терминах иерархий, а основным методом – компаративный анализ торгово-экономических показателей США и КНР со странами Латинской Америки. Отдельно следует отметить неплохую эмпирическую базу исследования. Всё это позволило получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, внимания заслуживает обоснование вывода об уменьшении влияния США в исследуемом регионе в пользу Китая. Интересен также вывод о связанных с этим процессом изменениях в структуре внешней политики латиноамериканских стран. Наконец, любопытен авторский прогноз повышения конфликтного потенциала в регионе. В структурном плане работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где формулируется научная проблема, обосновывается её актуальность, ставятся задачи исследования, аргументируется теоретико-методологический выбор; - «Исторический процесс и особенности двусторонних отношений Китая и США со странами Латинской Америки» – несмотря на ошибку в заголовке, раздел довольно содержательный – и посвящён он истории торгово-экономических отношений КНР и США со странами исследуемого региона; - «Перехват лидерства Китаем в торгово-экономических отношениях со странами Латинской Америки», где описывается процесс возвышения Китая в исследуемом регионе; - «Сравнение показателей торгово-экономических связей Китая и США со странами Латинской Америки», где приводится богатый эмпирический материал с целью подтверждения вывода о перехвате Китаем инициативы у США в регионе Латинской Америки; - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования и делаются выводы. А в стилистическом плане работа крайне уязвима. В тексте встречается избыточное количество стилистических (например, странное выражение «полностью показывает» в предложении «Это также полностью показывает, что Китай и США имеют разные...»; или неудачно сформулированные предложения вроде «...Авторы собираются проследить... тенденцию... и, исходя из Power Transtion Theory, в 2010–2020 гг. начался период "властного транзита", который...»; или другой пример нагромождения придаточных предложений: «...Авторы применили сравнительный анализ, с целью сопоставления..., которые включают в себя..., внешняя торговля и товарооборот..., опираясь на данные с сайта...» и др.) и грамматических (например, пропущенная буква в слове «страны»: «...Товарооборот США и КНР со станами

Латинской Америки...»; или раздельное написание прилагательного «вышеперечисленный» в предложении «Из всех выше перечисленных данных, можно сделать вывод, что...»; или избыточные запятые как в приведённом выше предложении; или несогласованные предложения: «Основной проблемой и задачей данной статьи заключается в том, чтобы...»; «...Авторы собираются на основе торгово-экономических показателях проследить...»; «Данное исследование выполнен на базе...»; «...Использована информация и данные из научных статье...»; «Приход в США к власти администрации Д. Трампа в 2017 году... сыгралО свою роль...»; неоконченные предложения: «...Сравнение влияния США и КНР на страны мира в рамках политической и экономической [чего? – примеч. рецензента]» и др.) погрешностей. И несмотря на то, что текст написан на неплохом языке и с корректным использованием научной терминологии, обилие стилистических и грамматических ошибок не позволяет рекомендовать работу к публикации. Тем не менее, нельзя не отметить ещё один положительный момент: в статье использовано большое количество иллюстративного материала – три таблицы и три графика, – в наглядной форме представляющего уровень и качество торгово-экономических связей Китая и США со странами Латинской Америки. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на китайском языке, и в должной мере отражает состояние исследований по теме статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении теоретико-методологического выбора авторов статьи.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene», а полученные авторами результаты будут интересны политологам, политическим социологам, конфликтологам, специалистам в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. В числе положительных моментов нужно отметить, что в рецензируемой статье содержится богатый эмпирический материал; умелое оперирование историческими фактами придаёт дополнительный вес авторским выводам; сами эти выводы обладают некоторыми признаками научной новизны. Но в рецензируемой работе есть один существенный недостаток, не позволяющий рекомендовать её к публикации: очень неряшливо написанный текст. В связи с этим авторам статьи предлагается тщательно вычитать текст и устранить все стилистические и грамматические ошибки. После этого статью можно будет рекомендовать к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Опираясь на заголовок представленных на рецензирование материалов, они должны быть посвящены соперничеству США и Китая в торгово-экономических отношениях со странами Латинской Америки. Ознакомление с содержанием статьи позволяет сделать вывод о частичном соответствии содержания заявленной теме.

Методология исследования. Автором частично раскрыты исторические аспекты поднимаемых вопросов, осуществлен анализ числовых данных, позволяющих судить о торгово-экономических связях Китая и США со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. При доработке статьи рекомендуется усилить качество

используемой методологии, в том числе осуществить прогноз на ближайший и отдаленный период.

Актуальность исследования экономических отношений США, Китая и стран Латинской Америки определяется тем, что они могут иметь влияние на развитие Российской Федерации. Более того, учёт ситуации (в том числе проблемных зон) позволит обеспечить продуманные межгосударственные связи между Российской Федерацией и другими странами (включая Китай, США и страны Латинской Америки). Для отдельных научных исследователей, Министерства экономического развития Российской Федерации и Министерства иностранных дел Российской Федерации исследование данных вопросов может представлять определенный интерес, в том числе в контексте достижения национальной цели 4.4, определенной Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020

Научная новизна в рецензируемых материалах частично содержится и может быть связана с определением факторов, оказывающих влияние на развитие межгосударственных связей между США/Китаем и странами Латинской Америки (но при этом, данный аспект требует более детального раскрытия – рекомендуется не только текстом описать, но и графически представить). При доработке статьи рекомендуется более четко её обозначить.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения научный. Разговорного и публицистического стиля не выявлено. Структура статьи автором четко выстроена, в целом, корректно. При этом, с точки зрения содержания во введении автору рекомендуется более четко обозначить цель и методологию исследования, а также четко поставить исследуемую проблему. Несмотря на то, что автором сделаны выводы о ключевых торговых партнерах Китая и США в странах Латинской Америки, не осталось ясным на решение какой научной проблемы направлено данное исследование. При доработке статьи следует её обосновать, а также сформировать комплекс аргументированных рекомендаций по решению. Особое внимание необходимо обратить на устранение имеющихся в тексте статьи опечаток.

Библиография. Автором подготовлен библиографический список из 20 наименований, состоящий из отечественных и зарубежных изданий. При этом, отсутствуют источники раскрытия официальной статистической информации, использованной при подготовке данного научного материала.

Апелляция к оппонентам. Несмотря на наличие сформированного библиографического списка, какой-либо научной дискуссии не осуществлено. Автору рекомендуется при доработке статьи обсудить полученные результаты с итогами исследований, проведенных другими авторами.

Выводы, интерес читательской аудитории. С учётом всего вышеизложенного, статья может быть опубликована исключительно после осуществления доработки и проведения повторного рецензирования. Статья по выбранной теме при качественном раскрытии будет иметь читательскую аудиторию, но она крайне ограниченная.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Соперничество США и Китая в торгово-экономических отношениях со странами Латинской Америки" посвящена актуальной международно-политической проблеме междержавной конкуренции за сферы влияния и применения ими различных инструментов влияния. В фокусе рецензируемой статьи находится конкуренция США и Китая в торгово-экономической сфере в регионе Латинской Америки.

Регион традиционно являлся сферой влияния Соединённых Штатов, в то время как с начала 21 в. после "левого поворота" и последовавшего разворота латиноамериканских стран к партнерам в других регионах мира в регионе произошли значительные сдвиги, а Китай превратился в ведущего торгово-экономического партнера латиноамериканских стран.

Ценно, что автор(ы) при рассмотрении данной проблемы опираются на нечасто применяемую в российском сегменте научных исследований Power Transition Theory. Концепция обладает несомненной эвристичностью и позволяет оценить влияние и соотношение сил (балансирование) ведущих держав.

Этим обусловлена и новизна исследования, усиленная также рассмотрением свежих статистических данных, критическим анализом работ крупных исследователей, работавших над проблемой междержавной конкуренции в регионе Латинской Америки. Автором учтены мнения ведущих российских латиноамериканистов из Института Латинской Америки РАН.

Статья логически структурирована, а сама структура статьи позволяет охватить широкие хронологические рамки и представить различные аспекты проблемы.

Авторы показывают, как эволюционировало влияние гегемона США в регионе на протяжении последнего полувека, а также нараставшее влияние Китая. Сделано это логично, четко, без излишнего нагромождения исторических фактов и "передергиваний".

Особенно ценно, что авторы проработали большой статистический материал и представили его в виде таблиц, графиков и схем. Такая визуализация позволяет эффективно обобщить массив статистических данных.

Стиль статьи соответствует всем требованиям к научному тексту.

Содержание статьи соответствует ее названию.

Источники, использованные в работе, релевантны.

Поставленная задача решена.

Упущены несколько интересных и значимых сюжетов. Например, отношения КНР и Парагвая. Представляется, что в контексте исторического развития события их отношения (в том числе проблема признания и сотрудничества в эпоху COVID) иллюстративны, хотя и не являются чрезвычайно значимыми для решения исследовательской задачи.

Второе упущение. При использовании концепции Power Transition Theory как основы исследования авторы затем утратили с ней связь, к концу статьи данная концепция перестала просматриваться в логике изложения. Читатель, конечно, может "достроить" композицию, но хотелось бы, чтобы методология лучше просматривалась в тексте.

Авторы делят статью на "главы", упоминая в тексте. Лучше использовать слово "раздел".

Статья требует некоторой языковой редактуры и корректуры.

Данные незначительные замечания ни в коей мере не умаляют достоинств статьи.

Статья будет интересна исследователям-латиноамериканистам, политологам, международникам, экономистам, студентам гуманитарных факультетов.

Учитывая вышесказанное, статья может быть рекомендована к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Горбиль П.Р., Коростелева Е.И., Раад Ф. — Женский терроризм на Кавказе // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39814 EDN: IRNPUG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39814

Женский терроризм на Кавказе

Горбиль Павел Романович

ORCID: 0000-0002-8392-5652

соискатель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, .

✉ paherono@mail.ru

Коростелева Елизавета Игоревна

ORCID: 0000-0002-7594-1214

соискатель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, .

✉ liza.korosteleva.99@mail.ru

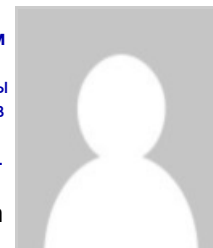

Раад Ферас-Адам

соискатель, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, .

✉ ferasss1998@gmail.com

[Статья из рубрики "Новые вызовы и угрозы безопасности современных государств"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39814

EDN:

IRNPUG

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2023

Дата публикации:

28-02-2023

Аннотация: Феномен терроризма на протяжении всей истории своего существования претерпел изменения в методах, подходах и средствах проявления, однако, в

современном мире терроризм становится глобальной угрозой человечеству. Объектом исследования в данной статье выступает женский терроризм на Кавказе. Многонациональный регион Кавказа побуждает населяющие его народы бороться за независимость с целью сохранить свою идентичность и право на самоопределение. В статье подробно изучена история терроризма на Кавказе, роль женщины в террористической деятельности, выявлены истоки зарождения терроризма в период существования Российской Империи, и приведены причины возникновения терроризма в постсоветское время на территории данного региона. Актуальность темы исследования определена тем, что женский терроризм, как и любое проявление террористической деятельности, представляет трудно прогнозируемую угрозу, а для искоренения проблемы терроризма необходимо её изучать и тем самым предотвращать. На протяжении своей истории Кавказ всегда оставался одним из самых нестабильных регионов и отличался высокой террористической активностью. Этому способствуют различные факторы, которые привели к широкому развитию террористической деятельности на территории данного региона. Два первоначальных фактора – этнический и конфессиональный. Научная новизна исследования обусловлена изучением участия женщин в террористической деятельности в кавказском регионе, выявлением причин их участия. В данном исследовании авторы использовали исторический метод, а также метод ситуационного анализа, который был направлен на поиск взаимосвязи участия женщин в террористической деятельности на Кавказе. В статье были рассмотрены Россия и страны Кавказского региона: Грузия, Армения, Азербайджан. На основе сопоставительного анализа в статье выявлены характерные черты террористической деятельности и место женского терроризма на территориях вышеупомянутых стран.

Ключевые слова:

Женский терроризм, Терроризм, Кавказ, Постсоветские исследования, Россия, Армения, Грузия, Азербайджан, Северный Кавказ, Анализ

Введение

Общество — самоорганизующаяся, саморазвивающаяся, самодостаточная социальная система [\[13\]](#). Являясь её неотъемлемой частью, региональный порядок отражает атрибутивное свойство системы сохранять свою целостность при возможном изменении её характеристик [\[10\]](#). Таким образом, у социальной системы и у регионального порядка есть одно общее свойство — сохранять свою целостность при том, что изменения внутри каждой структуры допустимы.

Терроризм может быть одновременно способом как изменения социальной системы, так и регионального порядка. В первом случае это может проявляться в виде революционной борьбы за изменения существующих социальных устоев, а причиной применения террористических методов во втором случае могут стать попытки изменить ситуацию в регионе.

Многогранность современных политических процессов, бесконечная борьба за сферы влияния, существование угроз глобального характера – всё это указывает на то, что международные отношения – динамически развивающаяся система, акторы которой непосредственно влияют не только на её комплексное развитие, но и на появление проблем и угроз, принимающих глобальный характер. Согласно конструктивистской

теории, терроризм является не просто социальным феноменом, но и своим происхождением напрямую связан с такими когнитивными факторами, как идеологическое и религиозное мировоззрения [7]. Сторонники конструктивизма считают, что идеологические и конфессиональные разногласия, а также другие аспекты, сложившиеся в рамках исторического развития социума, могут стать причиной конфликта для государств [13].

В данной статье рассматриваются особенности проявления терроризма с участием женского населения, а также тенденции и аспекты использования гендерного терроризма.

Обратимся к истории и отметим, что можно найти не одно подтверждение революционной и террористической деятельности женщин. Например, долгое время фактически руководителем баскской группировки ЭТА являлась женщина, а женское крыло сапатистского движения в Мексике управлялось Командантой Рамоной. И если такое участие женщин в леворадикальных организациях можно объяснить подъемом движений, борющихся за феминистские идеи, то в случае Кавказа женский сепаратизм возникает в связи с тем же гендерным неравенством, но скорее объясняется не борьбой женщин за свои права, а их дискриминацией и использованием женщин в качестве инструмента в борьбе за идеологические взгляды.

В России терроризм возник как метод революции и освободительной борьбы народа аналогичный подходу, который пропагандировал Карло Пизакане, утверждая, что применение насилия необходимо не только для привлечения внимания общества или предания огласке идеи, но ради просвещения, обучения и, наконец, сплочения народа во имя революции [15]. В Российской империи «Народная воля» и «Партия социалистов-революционеров» были организациями, которые осуществляли террористические акты, руководствуясь принципами Пизакане. В имперские времена все террористические акты были основаны на революционных идеях, которые в основном проявлялись социально-революционным терроризмом [8].

Согласно О. Будницкому, одним из вдохновителей создателей террористической организации «Народная воля», которая впоследствии убила российского императора Александра II, была Вера Засулич – первая русская террористка, стрелявшая в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова и оправданная судом присяжных. Помимо этого, О. Будницкий считает, что женщины участвовали в подготовке террористических актов наравне с мужчинами, приводя в пример Софью Перовскую, руководившую подготовкой к убийству российского правителя; Веру Фигнер, которая участвовала почти во всех террористических актах; Марию Кутитонскую, покушавшуюся на губернатора Забайкалья и Марию Калюжную, стрелявшую в начальника жандармского управления в Одессе и участницу Карийской трагедии [5].

Партия социалистов-революционеров (эсеров) считала себя преемницей «Народной воли». Ещё до начала Первой русской революции 1905-1907 гг. эсеры совершили 233 террористических операций [8], после количество терактов уменьшилось, но всё же партия продолжила существование, оставаясь демонстрацией несогласия с существовавшей формой власти. Легитимизация партии и её проявление в появившемся парламенте (Государственной Думе) стало одной из причин роста популярности среди населения империи.

На Северном Кавказе, как и в других регионах, местные власти боялись сообщать

местному населению о Февральской революции сразу, так как опасались их реакции, которая могла привести к хаосу. Однако, изменения этот регион всё же затронули. Уже в начале Гражданской войны была провозглашена Закавказская демократическая федеративная республика, которая затем распалась на Армению, Грузию и Азербайджан. Стоит отметить, что в ходе делимитации границ некоторые территориальные вопросы между странами не были решены, что приводит к их актуализации и на современном этапе. После установления советской власти в регионе периодически проявлялись разногласия между народами и существовали сепаратистские движения. Помимо этого, и на Северном Кавказе, который был в составе РСФСР также возникали этнические разногласия. Нерешенные этнические конфликты, депортация народов из их родных мест в другие части Советского Союза и советская пропаганда атеизма стали предпосылками радикализации кавказского населения, что впоследствии привело к росту террористических угроз, о которых мы расскажем далее более подробно.

Кавказский регион до сих пор считается одним из самых нестабильных. В связи с этническим и конфессиональным разнообразием регион становится точкой столкновения взглядов различных групп населения. Преследуя цель дезорганизации общества, террористические группировки находят регион Кавказа в качестве объекта своей подрывной деятельности.

Стоит отметить, что в регионе широко развит радикальный исламизм, что определяет преобладающий вид терроризма на Кавказе и характер проведения терактов.

Первая волна террористических актов в Кавказском регионе выпала на период с 1985 года по 1991 год, что было обусловлено политической нестабильностью между республиками и столкновением их интересов. Территориальные претензии Армении и Азербайджана на Нагорный Карабах привели к обострению конфликта и использованию террористических актов для его решения. Конфликт 1988 года вокруг Южной Осетии и Абхазии привел Грузинскую ССР к региональной нестабильности и использованию различных методов террористической активности на её территории.

Данные территории стали местом проведения значительного количества террористических актов и подтолкнули к идее сепаратизма и отделения и другие советские республики. Таким образом, последние годы существования Советского Союза и период после его распада стали отправной точкой в увеличении уровня применения террористических методов и трансформации подходов к осуществлению террористической деятельности.

Весь кавказский регион входил в состав Советского Союза и был важным регионом, так как является регионом с выходом к Азовскому, Черному, Каспийскому морям, а также является пограничным регионом между Европой и Центральной Азией. Для России важно, чтобы Кавказ был стабильным регионом, хотя на сегодняшний день его главными проблемами остаются этнические конфликты и распространение терроризма. Дестабилизация региона с конца прошлого века негативно сказывается не только на местном населении, но и на России в целом.

Стоит отметить, что Кавказ неоднороден не только этническим составом, среди которого более 50 национальностей, но и религиозным составом: две преобладающие религии – ислам, с представителями и суннитского и шиитского течения, и христианство, которое в свою очередь тоже делится на русскую православную, грузинскую православную, армянскую апостольскую церкви.

На сегодняшний день Кавказский регион не достиг решения всех исторически сложившихся вопросов, в регионе также остаются этнические конфликты и территориальные споры, которые в свою очередь становятся факторами, влияющими на распространение терроризма. В том числе в данном регионе нашел отражение и феномен женского терроризма. Примечательно, что на Кавказе женщины становятся не руководителями движений, а «живым оружием», которое используется с целью воплощения идей террористических группировок. С конца прошлого века женщины-смертницы или «живые бомбы», как их еще называют, стали новой тенденцией в развитии терроризма на Кавказе.

Анализ биографий женщин-смертниц показывает, что кавказские женщины становились смертницами по разным причинам, к ним можно отнести: психологические проблемы, уязвимость отдельных групп населения, потеря близких людей и желание мести (вдовы погибших боевиков), влияние родственников, которые уже были членами террористических группировок. На основе этих причин проводилась психологическая обработка и специальная подготовка, после чего будущая террористка должна была «совершить свою миссию» [\[2\]](#).

Кавказский регион охватывает территории России, Грузии, Азербайджана, Армении и территории непризнанных/частично-признанных стран: Абхазию, Южную Осетию и Нагорно-Карабахскую республику. В рамках исследования, основанного на методе ситуационного анализа, мы рассмотрим постсоветские конфликты на территории Кавказа. Гипотеза исследования заключается в том, что существует связь между этносом, религией и присутствием женщин в террористической деятельности на Кавказе. В данном исследовании рассмотрено три конфликта в регионе и отмечено в них участие женского населения:

- 1) Между Арменией и Азербайджаном
- 2) Между Грузией и народами в Грузии
- 3) Между Россией и народами Северного Кавказа

Армения и Азербайджан

Армянский терроризм появился ещё в Османской империи, самые известные террористические группировки – это Арменакан, Гнчак, Дашнакцутюн. Все три организации использовали террористические методы для достижения своих целей. Целями же было поднятие армянского самосознания, избавление от гнёта османов, борьба за независимость Армении и её объединение (территории находились и в Российской, и в Османской империях). Так, например, среди основателей Гнчак была одна женщина – Мариам Варданян. Одной из видимых деятелей Дашнакцутюна была Сосе Майрик (Варданян). Однако, стоит отметить, что эти организации не действовали после создания Советского Союза на его территории.

Этнические конфликты между армянами и азербайджанцами начались ещё в советское время, и во время перестройки проявились столкновения между двумя народами. С обеих сторон использовались террористические методы борьбы, а ситуацию усугубило и то, что союзный центр потерял контроль над ситуацией [\[6\]](#).

Следует отделять террористическую деятельность и военную, если рассматривать то, что Карабахская война длилась в период с 1992-1996 гг. и в 2021 году, то теракты были, но прямого участия женщин в них не было обнаружено, кроме теракта 1994 в Бакинском

метро. Взрывы внутри метро Баку хоть и были в военное время, но взрывы в нём являются терактом, армянина по происхождению Камо Саакова. Его жена Елена Саакова была признана виновной в подготовке данного теракта, мужчину приговорили к смертной казни, судьба женщины неизвестна.

В случае рассмотрения религиозного терроризма стоит сказать, что некоторые азербайджанцы из региона Квемо-Картли состоят в ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая в РФ) [\[4\]](#). Вербовка в Исламское государство происходит преимущественно через Интернет – пропаганду в социальных сетях, через вербовщиков, психологически воздействующих на уязвимые слои населения (включая в том числе женщин и детей) [\[1\]](#).

Итогом анализа является отсутствие большого участия женщин в активной террористической деятельности в указанных странах, что не означает их отсутствия в террористических ячейках. При этом вербовка осуществляется преимущественно среди женщин-мусульманок.

Грузия и народы в Грузии

Этнические столкновения в Южной Осетии и Абхазии так же, как и между армянами и азербайджанцами начались в последние годы существования Советского Союза. За период 1988-1991 гг. в Грузинской ССР было совершено более 40 террористических актов, целью которых являлась дестабилизация отношений центра с регионами, что в итоге привело к двум войнам [\[6\]](#).

Говоря о религиозном терроризме в Грузии, стоит отметить, что среди ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая в РФ) находят сотни грузинских граждан, но несмотря на появление такого рода информации, официальное руководство страны отрицает участие своих граждан в действиях на стороне Исламского государства [\[4\]](#).

В период чеченского конфликта Грузия стала убежищем для чеченских боевиков, которые в дальнейшем продолжили свою подрывную деятельность в других странах. В 2019 году Зелимхан Хангошвили боевик грузино-чеченского происхождения был застрелен в Германии, что привело к обострению двусторонних отношений между Россией и Германией и ответной высылкой дипломатов из стран. По некоторым данным в Панкисском ущелье, месте убежища боевиков, первоначально скрывались порядка 1000 чеченцев, там же держали и пленных. Лишь в 2002 году в связи с усилением влияния России на правительство Шеварднадзе Грузия признала факт расположения чеченских боевиков на своей территории [\[11\]](#).

Конфликт Грузии с Россией в 2008 году привлек на территорию Грузии не только чеченских боевиков, но и группы террористов, воевавших на стороне ИГИЛ в Сирии и Ираке. Несмотря на то, что после судьбоносных терактов 11 сентября 2001 года страны начали предпринимать серьезные меры по противодействию террористическим угрозам, правительство Грузии было готово поощрять любую антироссийскую деятельность.

В Грузии действует закон о борьбе с терроризмом, однако не все действия грузинских правоохранительных органов могут продемонстрировать его исполнение. Так, в случае с террористом Ахмедом Чатаевым, который воевал на стороне ИГИЛ в Сирии, а затем работал над организацией взрыва в аэропорту Стамбула, грузинские власти заявили о том, что ничего не знали о пребывании на их территории члена международной террористической организации.

Стоит сказать, что женский терроризм в Грузии не получил широкого распространения. Однако, по некоторым сведениям, террористка-смертница, совершившая теракт в Тушино в Москве, прибыла из Грузии.

В Грузии, как и в других государствах, отмечена вербовка в ИГИЛ и другие формирования террористического и экстремистского толка. Объектом вербовки женщин наиболее часто встречаются русские женщины, проживавшие в Чечне, есть гражданки Азербайджана, жительницы Дагестана, Грузии и Турции. Но в случае с Грузией отмечается низкий показатель женщин, ступивших на сторону шахидизма. По большей степени это объясняется устойчивым конфессиональным фактором, в Грузии более 91% жителей исповедуют православие, большая часть которых относит себя к Грузинской православной церкви. Нельзя не отметить лояльное отношение грузинского правительства к боевикам. При свободном ведении дел террористическими группировками, не возникает необходимости проведения активной вербовки населения.

Россия и народы Северного Кавказа

Северный Кавказ – регион, в котором преобладает ислам, и главной предпосылкой возникновения терроризма является то, что среди народов, исповедующих ислам, в период перестройки усиленно продвигалась идея всеобщей исламизации населения. Противопоставление между существовавшим социалистическим строем и законами Аллаха спровоцировало радикализацию населения, которое переросло в появление и распространение терроризма в данном регионе.

В последнее десятилетие двадцатого века была создана террористическая организация «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», начали своё распространение Аль-Каида, Братья-Мусульмане (все организации являются запрещенными в Российской Федерации).

Исламский радикализм привёл к появлению нового вида женского терроризма – террористок-смертниц. Террористки-смертницы – вид терроризма, в котором женщины, жертвуя собой, совершают теракт с целью устрашения, запугивания населения, руководствуясь тем, что совершают это во имя Аллаха. Первыми женщинами террористками-смертницами в России были Хава Ждансуркаева (Бараева) и Луиза Магомадова, в июне 2000 года они в начиненном взрывчаткой автомобиле въехали в военную комендатуру, унеся жизни 27 военнослужащих [\[9\]](#).

В 2001 году по инициативе Шамиля Басаева была создана террористическая организация, состоящая из одних женщин, под названием «Чёрные вдовы». Общей чертой женщин, принимавших участие в террористических актах данной организации, и послужившей базой для создания данной группы террористок, было то, что они являлись жёнами боевиков. Смертницы совершили ряд терактов на территории России, включая теракт в Норд-Осте, в теракте на рок-концерте в Тушино, взрывы общественного транспорта как в Москве, так и в других регионах России.

При этом существует плохая тенденция, к тому, что мусульмане, проживающие на Северном Кавказе, мигрируя на Ближний Восток, присоединяются там к террористическим группировкам. Среди мусульман нередко бывают и женщины, которые вместе своими мужьями становятся боевиками и планируют совершить Джихад [\[16\]](#).

Выводы

Женский терроризм появился ещё в Российской Империи, но тогда имел форму социально-революционного терроризма, однако терактов на Кавказе, совершенных

только женщинами, не было, хотя они могли принимать в них участие. С момента начала перестройки резко обострилась проблема Кавказа, так как произошла пропаганда радикального ислама среди мусульманского населения, а неразрешенные этнические конфликты способствовали дестабилизации в регионе. Кавказский регион является мишенью для террористических группировок из-за своего стратегического расположения и геополитического значения.

Главными причинами возникновения женского терроризма на Кавказе являются: пропаганда радикального ислама, социальное неблагополучие, гендерное неравенство, жажда мести. Таким образом, женщины подвергались психологическому воздействию или вербовке, что в итоге делало их субъектами террористической деятельности.

Проведенный авторами анализ кейс-стади дал следующие результаты:

1. В Армении и Азербайджане не было совершено отдельных терактов женщинами или с участием женщин, при этом женщины принимали участие в Карабахской войне в роли боевиков.
2. В Грузии было зарегистрировано мало случаев причастности женщин к терроризму, также в случае с Грузией процент завербованных женщин крайне невелик.
3. На Северном Кавказе, который находится под контролем России, проблема терроризма была очень актуальна с момента перестройки. Проблема «чёрных вдов» в России давно не проявляла себя, последний теракт, совершённый террористкой в России, был в 2013 году, в 2016 году женщина-мусульманка убила ребёнка, но эксперт-криминалист заявил, что это не являлось преднамеренным терактом. Можно сделать вывод, что антитеррористическая политика России показала себя успешно.
4. Гипотеза исследования подтверждена частично. Авторам не удалось обнаружить взаимосвязь между этнической составляющей и участием женщин в террористической деятельности, при этом можно отметить влияние конфессионального фактора, так как абсолютное большинство кавказских женщин, причастных к терроризму, являются мусульманками.

Российская Федерация продолжает считать весь Кавказ зоной своей сферы влияния и считает важным, чтобы регион был стабильным, несмотря на существующие противоречия. Для поддержания регионального порядка необходима профилактика терроризма и экстремизма для предотвращения развития террористической деятельности, и это является актуальным направлением деятельности не только в Российской Федерации [\[12\]](#), но и в других кавказских странах.

Библиография

1. Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курылев К.П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 17 (4). С. 738-748. DOI. 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748.
2. Адамова М. А. Особенности и тенденции развития современного терроризма на Северном Кавказе // Kant. №. 3 (12). С. 112-115.
3. Ахмедшин, Р.Л. Феномен терроризма: криминологическая и криминалистическая природа, история, понятие // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 232-240. DOI: 10.17223/15617793/453/28.
4. Бардина К.В. Терроризм на территории Закавказья (на примере Грузии) //

- Постсоветские исследования. 2020. №6. С. 501-506. DOI. 10.24411/2618-7426-2020-00034.
5. Будницкий О. В. (ред.). Женщины-террористки в России. – Феникс, 1996.
 6. Гикашвили Г. Терроризм на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2019. №5. С. 1292-1304. DOI: 10.24411/2618-7426-2019-00047.
 7. Курылев К. П., Курбанов Р. М. Понятие "международный терроризм" согласно конструктивистской школе международных отношений // Журнал политических исследований. 2019. №. 3 (1). С. 76-82.
 8. Маньков А.В. Революционный терроризм партии эсеров: возникновение и периодизация // История в подробностях. 2012. № 12 (30). С. 64-71.
 9. Пащенко, И.В. Феномен «женского суицидального терроризма» на Северном Кавказе: генезис и трансформация // Новое прошлое / TheNewPast. 2018. № 3. С. 90-102. DOI: 10.23683/2500-3224-2018-3-90-102.
 10. Рамич М.С., Горбиль П.Р., Коростелева Е.И. Трансформация американоцентричной системы региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе 2012-2020 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 81-95. DOI: 10.31857/S013128120018313-5.
 11. Рау И. Проблема Панкисского ущелья в отношениях России и Грузии времен чеченских войн (1996-2002 гг.) // Современная научная мысль. 2020. № 1. С. 127-137.
 12. Рахимов К.Х. Правовое регулирование противодействия терроризму и экстремизму в государствах Шанхайской организации сотрудничества // Евразийский юридический журнал. 2019. №2 (129). С. 67-70.
 13. Хасан Д. Н. Политический ислам, терроризм и безопасность на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО. 2017. №5 (56). С. 183-198.
 14. Шкаратан, О. И. Общество как социальная система // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 116-143.
 15. Hoffman B. Inside Terrorism: Columbia University Press. N.Y., 1998.
 16. Kvakhadze A. Gender and Jihad: Women from the Caucasus in the Syrian Conflict // Perspectives on Terrorism. 2020, No. 14 (2). Pp. 69-79.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает участие женщин в террористической деятельности. Актуальность данной темы трудно переоценить в условиях не стихающей террористической активности различных группировок. Однако автор не смог до конца реализовать свой замысел. И причина этого – отсутствие теоретико-методологической рефлексии. Из контекста можно сделать вывод о некоторых методах, которые использовались, но не декларировались и не аргументировались автором. Кроме общенаучных аналитических методов можно выделить исторический метод и case study. Однако отсутствие рефлексии привело автора к смещению фокуса его внимания с одного предмета исследования на другой. Научная новизна не совпадает с декларированным автором предметом исследования – женским терроризмом на Кавказе. На протяжении практически всей работы автор говорит об истории терроризма вообще, истории кавказского региона и лишь несколько раз

останавливается на собственно женском терроризме. Первый из полученных автором выводов отрицательный: «Итогом анализа является отсутствие большого участия женщин в активной террористической деятельности в Армении и Азербайджане». Второй вывод: «...Женский терроризм в Грузии не получил широкого распространения». И только применительно к Северному Кавказу автор уделяет несколько абзацев, посвящённых женскому терроризму. При этом новизны в выводах автора, подобных этому: «Главными причинами возникновения женского терроризма на Кавказе является пропаганда радикального ислама, социальное неблагополучие, жажда мести за причинённые страдания», не прослеживается. Указанное смещение предмета не могло не сказаться на структуре работы. Если бы предметом выступал терроризм на Кавказе, структура работы вполне соответствовала бы такой задумке. Но поскольку статья посвящена вполне конкретной частной теме женского терроризма, то её логика не совсем понятна. Во введении автор описывает научную проблему, которую планирует исследовать, её актуальность и т. д. Далее следует описание истории терроризма вообще, и женского терроризма, в частности. Это описание периодически перемежается историей кавказского региона. Затем без объяснения причин выделяются три кейса для исследования: - армяно-азербайджанский конфликт; - грузино-южноосетинский и грузино-абхазский конфликты; - конфликты на Северном Кавказе. Учитывая, что в первых двух кейсах, по признанию автора, обнаружить женский терроризм не удалось, причины выбора именно этих кейсов остались загадкой. В принципе, если бы автор провёл соответствующую теоретико-методологическую рефлексию, то он нашёл бы основание для сравнения именно этих трёх выбранных кейсов. Так, одна из разновидностей довольно популярного метода *case study*, которая называется «методом крайних случаев» (*"extreme case study"*), неплохо соответствует логике автора. Этот метод на основе анализа максимально отличающихся друг от друга по одной переменной, но совпадающих по остальным переменным кейсов проверять существующие гипотезы и строить новые. Если гипотезой автора (кстати, её описание также отсутствует) было влияние религиозного фактора на «женское лицо террора», тогда вполне логичным было бы выбор трёх кейсов, в которых имеет место широкое применение террористических актов, но которые различаются по критерию религии. Однако автор подобной теоретико-методологической рефлексии не сделал. Из-за чего все его выводы «повисли в воздухе». В плане стиля к работе также множество вопросов. В тексте встречается недопустимо большое количество стилистических (например, повтор слова «бояться», которое легко можно заменить синонимом «опасаться», «остерегаться» и т. д. в предложении: «...Местные власти боялись говорить о Февральской революции сразу, боясь реакции населения...»; несочетаемое слово «момент» применительно к процессу: «С момента Гражданской войны...» («С момента НАЧАЛА Гражданской войны»? – рец.); и др.) и грамматических (например, лишние запятые в предложениях «...Возможны изменения внутри, как социальной системы, так и регионального порядка»; «Терроризм может быть одновременно способом, как и изменения социальной системы, так и регионального порядка»; «...В регионе были сильные, как монархические взгляды, так и левые течения...»; или недостаток запятых: «...На Северном Кавказе, который был в составе РСФСР также возникали этнические разногласия»; «...Был важным регионом так как является регионом с выходом к...»; «Для России важно чтобы Кавказ...»; или несогласованные предложения «...Всё это указывает на то, что международные отношения...»; «...Закавказская демократическая федеративная республика, которая распалась на Армению, Грузию и Азербайджан и после установления там советской власти периодически проявлялись разногласия между народами и сепаратистские движения»; «Для России важно чтобы Кавказ был стабильным регионом, и главными проблемами являются этнические конфликты и

распространение терроризма»; или опечатки и пропущенные буквы: «...Долгое время фактически руководителем баскской группировки ЭТА...»;) погрешностей. Имеет место и некоторая терминологическая небрежность. Например, автор, судя по контексту, не очень чётко понимает значение термина «фактор» в выражении «...Международные отношения – динамически развивающаяся система, осложнённая множеством факторов...». Станным выглядит также перечисление через запятую явлений разного порядка: «...Идеология, национализм и религия». Разве национализм не является одной из идеологий? Явление более общего порядка перечислять через запятую с явлением частного порядка не совсем корректно. И если в отношении религии ещё можно допустить различные интерпретации (К. Маркс и Ф. Энгельс, например, считали религию одной из форм идеологии; однако сегодня эта точка зрения не является «мейнстримом»), то существенных расхождений в трактовке национализма как политической идеологии в современной теории идеологий не наблюдается. Нет подобной терминологической аберрации и в статье К.П. Курылёва и Р.М. Курбанова, на которую ссылается автор. Не менее странным выглядит противопоставление подъёма феминистских движений практикам гендерного неравенства: «И если такое участие женщин в организации террористических актов можно объяснить подъёмом движений, борющихся за феминистские идеи, то в случае Кавказа женский сепаратизм скорее объясняется гендерным неравенством». Так и напрашивается вопрос автору: а отмеченный им подъём феминизма был вызван не наблюдаемым гендерным неравенством, а какими-то другими факторами? В чём смысл данного противопоставления? Фактически не верно и утверждение автора о том, что «Современное понятие терроризма возникло из теории "пропаганды действия" Карло Пиказане...». В зависимости от того, что считать «современным понятием терроризма», истоки этого явления, а также его теоретической рефлексии можно обнаружить в трудах и практиках якобинцев конца XVIII в. или революционеров XIX в. (анархистов, народников и т. д.), хотя сам по себе феномен терроризма, конечно же, гораздо более древний. В статье Р.Л. Ахмедшина, на которую автор ссылается для подтверждения своих выводов, упоминание фамилии Пиказане вообще отсутствует. Как нет такового упоминания и в книге Б. Хоффмана, на которую ниже ссылается автор, связывая практики народников и эсеров в России с «пропагандой действия» К. Пиказане. Ничего об этом не говорит и один из ведущих российских специалистов в области исследования терроризма О.В. Будницкий, одну из работ которого также можно обнаружить в библиографическом списке, прилагаемом к рецензируемой статье. Крайне смутным является употребляемый автором термин «конфессиональное множество» в выражении «этническое разнообразие и конфессиональное множество». И т. д., и т. п. В таком виде публиковать текст нельзя. Как минимум, необходимо тщательно его вычитать и устранить все грамматические ошибки. Библиография 15 наименований и в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть значительно усилена за счёт использования источников на иностранных языках. Кроме того, при оформлении библиографии также допущено довольно много погрешностей. Прежде всего, оформление не следует единому стандарту, имеют место различные стили цитирования (например, в одних местах статья цитируется следующим образом: «Kant. – 2014. – №. 3 (12). – С. 112-115.», а в других иначе: «TheNewPast. 2018. № 3. С. 90-102.»). Встречаются остаточные переносы в разорванных словах (например: «Перспективы терроризма»; «согласно кон-структивистской школе»; «Журнал политических исследова-ний» и др.). Апелляция к оппонентам отсутствует в силу отсутствия теоретико-методологической рефлексии.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе её подготовки можно квалифицировать в качестве научной работы, лишь частично

соответствующей требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Несмотря на выбранную автором крайне интересную и актуальную тему, которая вполне могла бы вызвать интерес политологов, социологов, конфликтологов, а также студентов перечисленных специальностей, реализовать замысел во всей его полноте автору не удалось. Как минимум, нужно вычитать весь текст, устранив стилистические и грамматические ошибки. Поработать над корректностью терминологического аппарата. Провести теоретико-методологическую рефлексию, описав и аргументировав свой методологический выбор. Исправить ошибки в оформлении библиографического списка. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». После устранения отмеченных недостатков статью можно будет рекомендовать к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня многочисленные специалисты – философы, социологи, политологи, – все чаще говорят о происходящих на наших глазах драматичных переменах в социально-экономическом и геополитическом плане, обусловленных прежде всего трансформацией монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором ведущие позиции помимо Вашингтона будет занимать целый ряд акторов, среди которых Москва, Пекин, Нью-Дели, Тегеран. Однако переходный период всегда отличается повышенной конфликтогенностью, что и обуславливает как расширение зон локальных военных конфликтов, так и усиление деятельности различных экстремистских и радикальных организаций. Все это вызывает важность изучения актуальных проблем террористических угроз и социальной составляющей феномена терроризма.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является женский терроризм на Кавказе. Автор ставит своими задачами проанализировать особенности проявления терроризма с участием женского населения, а также определить тенденции и аспекты использования гендерного терроризма.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В рамках исследования автор также использует метод кейс-студи.

Научная новизна статьи определяется самой постановкой темы: автор стремится охарактеризовать феномен женского терроризма на Кавказе, находящемся в центре внимания ведущих геополитических игроков. Научная новизна определяется также возможностью использования собранного материала в рамках профилактики террористической деятельности.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 16 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором трудов отметим теоретические работы Р.Л. Ахмедшина, К.П. Курылева, Р.М. Курбанова, в центре внимания которых дефиниция терроризма, а также прикладные работы К.В. Бардиной, Г. Гикашвили, И.В. Пашенко, посвященные региональным аспектам терроризма на Кавказе. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование

различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как террористическими угрозами, в целом, так и гендерными особенностями терроризма, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что среди влиятельных членов таких организаций, как «Народная воля» были Вера Засулич, Софья Перовская и др. Рассматривая ситуацию в перестроечный и постперестроечный период, автор обращает внимание на то, что «нерешенные этнические конфликты, депортация народов из их родных мест в другие части Советского Союза и советская пропаганда атеизма стали предпосылками радикализации кавказского населения, что впоследствии привело к росту террористических угроз». Говоря о феномене смертников, автор справедливо указывает, что «на Кавказе женщины становятся не руководителями движений, а «живым оружием», которое используется с целью воплощения идей террористических группировок».

Примечательно, что в ходе исследования «не удалось обнаружить взаимосвязь между этнической составляющей и участием женщин в террористической деятельности, при этом можно отметить влияние конфессионального фактора».

Главным выводом статьи является то, что «причинами возникновения женского терроризма на Кавказе являются: пропаганда радикального ислама, социальное неблагополучие, гендерное неравенство, жажда мести».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках профилактики терроризма.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Крыжко Л.А. — Суэцкий кризис во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке: риски и перспективы // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39816 EDN: GOSRGB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39816

Суэцкий кризис во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке: риски и перспективы

Крыжко Лидия Анатольевна

кандидат исторических наук

старший преподаватель, кафедра археологии и всеобщей истории, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

✉ lidochka12345@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39816

EDN:

GOSRGB

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2023

Дата публикации:

09-03-2023

Аннотация: Статья посвящена внешней политике США в период одного из самых острых кризисов периода «холодной войны». Вопрос выбора администрацией Д. Эйзенхауэра стратегии сдерживания и невмешательства в военную акцию союзников по НАТО представляется дискуссионным и актуальным как исторический опыт выработки геостратегических установок США. Целью статьи является обозначить основные риски и открывающиеся перспективы для США во внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке в условиях развития Суэцкого кризиса. Методологической базой исследования является историко-генетический метод, который призван проследить качественные изменения политики США в отношении ближневосточного региона в процессе развития конфликта; историко-сравнительный метод, направленный на выявление значимости внешнеполитических задач во взаимоотношениях с союзниками и оппонентами; историко-типологический метод, позволяющий выявить типологию подходов США к тем или иным вопросам в переговорных процессах. Установлено, что причины, побудившие США сформировать соответствующую стратегию включали в себя мотивы геополитического и экономического характера: желание занять лидирующие позиции на

Ближнем Востоке, продемонстрировав альтернативу Великобритании и Франции; стремление завоевать доверие со стороны Египта, имеющего потенциал лидера в регионе и военно-стратегические контакты с СССР; готовность присоединиться к экономическим санкциям против Египта с потенциальной возможностью получения экономико-политических дивидендов и конкурентных преимуществ; предпочтение сохранить возможность балансирования между сторонами в арабо-израильском противостоянии. Автор приходит к выводу о том, что в ходе Суэцкого кризиса 1956 г. США действовали рационально, но в условиях текущего момента, сосредоточив усилия на минимизацию рисков, в соответствии с перевесом значимости открывающихся перспектив по усилению позиций в регионе над оценками возможных рисков потери доверия со стороны союзников.

Ключевые слова:

Суэцкий кризис, США, СССР, Великобритания, Франция, Египет, Израиль, Ближний Восток, холодная война, НАТО

Суэцкий кризис 1956 г. – один из самых острых конфликтов времен «холодной войны». Объявленная президентом Египта 26 июля 1956 г. национализация Суэцкого канала предопределила новый внешнеполитический и социально-экономический курс Г. А. Насера, потенциального лидера арабского мира. Его уверенные действия нивелировали региональное лидерство Великобритании и Франции, создавая прецедент для остававшихся в политической и экономической зависимости государств региона, но в то же время открыли его для новых акторов – США и СССР. В июле 1956 г. Соединенные Штаты столкнулись с новыми геополитическими условиями на Ближнем Востоке, в рамках которых предстояла выработка и отстаивание собственной позиции.

Формируя стратегию в условиях нарастания военного конфликта на Ближнем Востоке, США отказались от использования военных сил, в отличие от основных держателей акций Суэцкого канала – Великобритании и Франции [\[1\]](#). Однако проявление такой дипломатической позиции столкнулось, с одной стороны, со стремлением западноевропейских союзников военным путем вернуть контроль над каналом, а с другой – желанием не допустить возможности уступить лидерство в регионе Советскому Союзу.

В отечественной и зарубежной историографии остаются дискуссионными вопросы, касающиеся рациональности и предусмотрительности Вашингтона, который не поддержал военную акцию ведущих европейских союзников по НАТО и вынужден был в согласии с Москвой выступить за прекращение военных действий. Так, в работах исследователей отмечается, что избранная стратегия сдерживания привела США к конфронтации с союзниками и поставила под угрозу сам Североатлантический альянс [\[2, p.50\]](#). Впервые после Второй мировой войны проявились разногласия в действиях между США и Великобританией [\[3, p. 1307\]](#). При этом Суэцкий кризис отмечается также как уникальное событие в истории «холодной войны», когда две сверхдержавы разделяли общие взгляды относительно осуждения войны и настаивали на выводе войск агрессоров. В то же время исследователи подчеркивают и целесообразность действий американской дипломатии, что связано было с реализацией задачи по укреплению позиций в регионе [\[4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12\]](#). В условиях биполярности и растущей международной активности Советского Союза, Соединенные Штаты были склонны к поддержке новых национальных

режимов, в первую очередь в Египте [\[2, p.51\]](#). Поэтому, несмотря на то, что в истории дипломатии США был заложен прецедент, когда они оказались в «странной компании», политика США в разгар Суэцкого кризиса определяется как верный выигрыш, резко отличающийся от той авантюры, на которую пошли британцы и французы [\[13, p. 133\]](#). В этой связи представляется необходимым, детально проанализировав дипломатическую деятельность США в период Суэцкого кризиса, выделить позиции в их внешнеполитической стратегии, определяемые как риски, а также показать возможные перспективы продвижения влияния в регионе в условиях «холодной войны».

Первая реакция администрации США на национализацию Суэцкого канала внешне не отличалась от позиций Великобритании и Франции. 1 августа 1956 г. госсекретарь США в Лондоне заявлял, что контроль одной нации над Суэцким каналом является неприемлемым, особенно если эта нация – Египет, и, если потребуется, необходимо предпринять военную операцию [\[6, с. 479\]](#). Однако последующие действия администрации США продемонстрировали выбор в пользу дипломатии.

Напряженность на Ближнем Востоке совпала с президентскими выборами в США. Шла избирательная кампания, на второй президентский срок выдвигался Д. Эйзенхауэр, которому не хотелось на партийных съездах допустить обвинений в политике нажима на Египет и в эскалации Суэцкого кризиса [\[10, с. 89\]](#). На данном этапе Вашингтон ближайшей задачей поставил отодвинуть как можно дальше Лондон и Париж от реализации военного сценария. В ходе консультаций с лидерами конгресса на встрече в Белом доме 12 августа 1956 г. Д. Эйзенхауэр согласился с тем, что нельзя допустить, «чтобы все это сошло Насеру с рук», но в то же время у Великобритании и Франции не должно возникнуть впечатление, что Вашингтон будет поддерживать все их инициативы. Было решено использовать давление международной общественности; исследовать возможность международного управления Суэцким каналом; своих союзников, решивших применить силу, поддержать морально [Там же, с. 89–90].

Стоит отметить, что позиция Д. Эйзенхауэра объяснялась не только электоральными соображениями, но и параллельно проходившими событиями в Венгрии, связанными с подавлением антисоветского мятежа. На фоне венгерского эпизода вопрос военного вторжения в Египет возник в особенно неподходящий момент, усилив опасения по поводу «холодной войны» [\[3, p. 1304\]](#). Два международных кризиса на Ближнем Востоке и в Восточной Европе совпали хронологически и развивались независимо друг от друга, но оба они способствовали росту напряженности в международной обстановке. При этом США использовали фактор англо-франко-израильской агрессии против Египта как помеху для успешных действий американской дипломатии, нацеленной на «отбрасывание коммунизма» в Венгрии [\[14\]](#).

Д. Эйзенхауэр был привержен стратегии сдерживания и обеспокоен возможностью сотрудничества Египта и СССР. Участие в военных действиях безвозвратно квалифицировалась бы как открытое противостояние с Г. А. Насером. Но в то же время, президент США был обеспокоен общей функцией НАТО, в рамках которой стояла необходимость одновременной поддержки интересов США и управление ролями Великобритании и Франции [\[2, p. 53\]](#).

Открытое разногласие внутри Североатлантического альянса было продемонстрировано ходе обсуждения проблем контроля и использования Суэцкого канала между представителями США, Великобритании и Франции в Лондоне с 29 июля по 2 августа 1956 г.: американская сторона возражала против военных приготовлений и настаивала

на созыве конференции пользователей канала с участием СССР [Ibid, p.51–52]. В данных обстоятельствах Вашингтон включается в мирные инициативы с предложением создать международную конференцию, в рамках которой продвинуть проект Ассоциации пользователей Суэцкого канала (АПСК).

Наибольшую активность в ходе реализации АПСК проявил ее автор – госсекретарь США Дж. Ф. Даллес. Он действовал крайне прямолинейно и жестко в отношении союзников по НАТО, пытаясь показать Египту и региону в целом отсутствие связей между администрацией США и британской и французской колониальной политикой [Ibid, p. 52]. В рамках проекта предлагалась эксплуатация канала посредством таможенных постов на кораблях за пределами территориальных вод Египта. Считалось, что доходы от эксплуатации канала шли бы все равно мимо казны Египта с наличием или без согласия Г. А. Насера [\[15, с. 6\]](#). Министр иностранных дел Великобритании С. Ллойд назвал план США «хитроумным маневром, изобретенным Даллесом для того, чтобы оттянуть время и не дать разразиться событиям в разгар президентских выборов в США» [\[16, p. 131-132\]](#). В Великобритании воспринимали план США как временную альтернативу, связанную с избирательной кампанией. Президентские выборы существенным образом сказались на сдержанности дипломатии США в Суэцком кризисе, но при этом позиция США подкреплялась более дальновидными приоритетами.

Пытаясь оказать воздействие на Д. Эйзенхауэра, французская и британская сторона активно включились в поиски обоснования и правового оправдания для Соединенных Штатов необходимости участия в военной акции против Египта.

В первую очередь премьер-министр Великобритании Э. Иден и премьер-министр Франции Г. Молле сформулировали проблему с точки зрения западного престижа и авторитета в регионе, были обеспокоены защитой своих колониальных интересов и доступом к запасам нефти. Они пытались представить Г. Насера как современного А. Гитлера и, прибегая к историческим аналогиям, призывали не умиротворять его требования, что, как утверждалось, приведет к большим потерям в регионе [\[13, p.147\]](#).

Национализация представлялась также как угроза жизненно важным интересам европейской экономики – беспрепятственной поставки нефти в Европу. Оценивая экономические последствия для западных держав от закрытия Суэцкого канала, Трансарабских трубопроводов и трубопроводов Иракской нефтяной компании объединенный комитет начальников штабов отмечал, что возникнет немедленная нехватка примерно 3,1 млн баррелей в сутки, которая частично может быть обеспечена нормированием и дополнительным производством из других источников: «добыча сырой нефти должна быть увеличена в США и Канаде на 1,3 миллиона баррелей в день, в Карибском бассейне на 200 000 баррелей в день и в Персидском заливе на 500 000 баррелей в день для поддержания нынешнего спроса в Западной Европе» [\[17\]](#). При этом следует отметить риски в случае затягивания конфликта: Соединенные Штаты и страны Карибского бассейна могли обеспечить рост добычи сырой нефти в течение первых 90 дней, а увеличение производства на более длительный период несло угрозу быстрого истощения запасов нефти в Западном полушарии. Тем не менее, находясь в стороне от общих экономических проблем европейского континента, США могли позволить себе более сдержанную позицию.

Жесткие действия Великобритании и Франции исходили также из соображений финансовых потерь: на момент национализации Франции принадлежало 52 % акций Суэцкого канала, Великобритании – 44 % [\[11, с. 23\]](#). И в этом отношении США тоже

получали относительно меньший удар, не являясь основными держателями акций. К тому же Д. Эйзенхауэр, трезво оценив ситуацию, был убежден, что египтяне могут управлять Суэцким каналом также эффективно и действенно, как британцы или французы. В США понимали, что в условиях, когда Египет выплачивает справедливую компенсацию за захваченное им имущество и разрешает свободный и открытый доступ к использованию канала, ни у одного другого государства нет законных оснований для проведения против него военной кампании [\[13, p.145–146\]](#).

Великобритания настаивала на том, чтобы США призвали прекратить дальнейшие платежи по использованию канала Египту. Это, по мнению Э. Идена и С. Ллойда заставит Г. А. Насера в конечном итоге остановить транзиты, что обоснует вооруженную акцию против Египта союзных сил. Однако Дж. Ф. Даллес дал жесткий отпор давлению на позицию Вашингтона, обозначив, что «США заморозили более пятидесяти миллионов долларов средств египетского правительства, что более чем достаточно для покрытия любых дорожных сборов, которые в настоящее время уплачиваются на канале» [\[18\]](#). Госсекретарь выразил непонимание в отношении того как США могут отдавать приказы частным компаниям не продолжать оплату в обычном порядке.

Не давая прямого ответа в отношении военной акции против Египта, в начале августа 1956 г. госсекретарь Дж. Ф. Даллес утверждал, что Д. Эйзенхауэр предполагал прямое участие в боевых действиях только в том случае, если Советский Союз вступит в эту войну. То есть, чтобы гарантировано заручиться военной поддержкой США британцам и французам необходимо было спровоцировать Советский Союз на вступление в конфликт [\[13, p.155\]](#). Однако перспектива вмешательства Советского Союза повлияла на процесс принятия решений Д. Эйзенхауэром больше, чем давление со стороны западных союзников.

Изначально для Великобритании и Франции позиция Соединенных Штатов представлялась как затягивание процесса принятия решений в силу внутривнутриполитических причин и фактора «холодной войны». Но поиск правовых обоснований, оправдывающих участие в военной акции против Египта, не дал западноевропейским союзникам искомого решения от США. Ход развития конфликта показал, что такая политика американской стороны носила более обстоятельные причины, связанные с желанием заменить собой бывших лидеров колониальной эпохи в регионе.

Великобритания и Франция видели главной целью военной операции против Египта устранение Г. А. Насера. В расчеты США такой исход событий не входил: считалось, что действия против президента Египта «подольют масла в огонь арабского национализма», что в итоге может привести к потере западного влияния в регионе на долгое время – примерно на жизнь одного поколения, а это «гораздо более мрачный сценарий, чем потеря контроля над каналом» [\[6, с. 480\]](#). Д. Эйзенхауэр считал, что вопрос о канале не является тем, в отношении которого следует пытаться подорвать позиции Г. А. Насера, он понимал, что у президента Египта есть высокий потенциал арабского лидерства [\[19\]](#). Доводя до Г. А. Насера свою позицию, администрация США объясняла, что не намерена осуждать открыто военные приготовления Великобритании и Франции, но делают это по конфиденциальным каналам [\[9, с. 48\]](#). Ситуация преддверия военных действий требовала от американского руководства лавирования в диалоге между западноевропейскими союзниками и Египтом.

Оценивая риски присоединения к военной акции против Египта, объединенный комитет начальников штабов отмечал следующие возможные последствия для положения США на

Ближнем Востоке: снижение престижа Запада и потеря баз США на Ближнем Востоке и в Северной Африке; восстание против французов в Северной Африке получит новый импульс; правительства и лидеры стран Ближнего Востока, идентифицировавшие себя с политикой США, будут серьезно ослаблены; мусульманские правительства столкнутся с растущим желанием экспроприации западных инвестиций в нефтяные месторождения и трубопроводы; ускорение советской экспансии и консолидация советской власти на всем Ближнем Востоке; вероятность военных действий арабов против Израиля значительно возрастет; участие Ирака в Багдадском пакте может стать настолько незначительным, что Пакт был бы серьезно ослаблен [\[17\]](#). При этом стоит учитывать насколько важное стратегическое значение придавали в Вашингтоне попыткам сформировать оборонительное соглашение с участием государств региона, направленное на сдерживание Москвы (проект «средневосточное командование», Багдадский пакт – Л. К.) [\[20\]](#).

Позиция в отношении Египта и его лидера была оправдана. Так, накануне тройственной агрессии после получения оружия от СССР и в ходе военной операции Г. А. Насер продолжал демонстрировать ставку на дипломатическую поддержку со стороны США: «... теперь всем ясно, наша главная надежда – Соединенные Штаты» [\[9, с. 50\]](#).

Отвернувшись от военно-стратегических планов Великобритании и Франции, США продолжали быть активными участниками переговорного процесса с ними по вопросу о возможных вариантах экономического давления на Египет. Решающее значение в рамках обсуждения экономических мер против Египта являлся расчет на то, что Египет будет отказываться в проходе через канал без оплаты. В этой связи исследовалась возможность обхода танкеров Соединенных Штатов вокруг мыса Доброй Надежды. Но при этом справедливо высказывались сомнения: кто больше пострадает от этого – Г. А. Насер или Западная Европа? Но в любом случае «Соединенные Штаты фактически выиграют от увеличения спроса на американскую нефть. Соединенное Королевство и Европа должны были решить, хотят ли они, чтобы танкеры обходили мыс с соответствующим нормированием и долларовой стоимостью нефти» [\[21\]](#). Американская сторона предлагала также демпинг египетского хлопка как еще один способ давления, на что Великобритания высказала сомнения относительно соотношения «ущерба Египту и нам самим» [Ibid].

Коммерческое присутствие США на Ближнем Востоке стало особенно заметным во время Суэцкого кризиса. В процессе принятия решений правительство Соединенных Штатов обращалось за советом к бизнес-лидерам через ряд комитетов, которые оно спонсировало. В основном, это были комитеты руководителей нефтяных компаний. Они начали оказывать определенное влияние на внешнюю политику, в том числе в вопросах Ближнего Востока [\[12, p. 223\]](#). На протяжении всего периода попыток разрешить Суэцкий кризис дипломатическим путем, Соединенные Штаты исследовали существующие возможности стать бенефициаром экономических мер давления на Египет или последствий от блокады Суэцкого канала.

Предложенный американской стороной проект АПСК также был направлен на получение контроля над прибылью от его использования. США удалось подключить к своей инициативе Великобританию и Францию. Так, в период активного обсуждения Суэцкого кризиса на заседаниях Совета Безопасности ООН с 5 по 13 октября 1956 г., представители Франции и Великобритании вынесли предложение, полностью повторяющее план госсекретаря США [\[22\]](#). Именно отказ Египта принять иницируемую

США программу по использованию канала являлся уже к середине сентября обоснованием для Э. Идена «предпринять дальнейшие шаги для утверждения своих прав» [\[23, p. 333-334\]](#).

Таким образом, по завершению всех раундов дипломатической игры накануне начала военных действий США продолжали проявлять наибольшее внимание в отношении реализации своей идеи международной ассоциации пользователей канала, а также экономической стороны последствий от временного его закрытия. Тем не менее, Великобритания и Франция продолжали настаивать на применении силы в отношении Египта даже в условиях отказа от участия в этом США.

В действительности правительство США не исключало возможности использования силы, если не дадут эффекта все другие средства [\[8, с. 25\]](#). По итогам конференции в Лондоне в августе 1956 г. администрация США пришла к пониманию, что вооруженный сценарий Суэцкого кризиса будет реализован в ближайшее время. Поэтому важным представлялось обозначить все возможные варианты развития событий. В случае неизбежности своего военного вмешательства США готовились задействовать любые силы для успешного завершения акции [\[17\]](#).

В этой связи, делая вывод о масштабах и характере мер по поддержке Великобритании и Франции, объединенный комитет начальников штабов, отмечал, что Соединенные Штаты могли бы оказать поддержку, публично поддержав военные действия в Суэце и безоговорочно обязавшись вмешаться военными средствами в случае, если третьи стороны придут на помощь Египту. Американская сторона была готова предоставить определенное необходимое сырье для Соединенного Королевства и Франции на период времени, пока Суэцкий канал будет закрыт; увеличить экономическую поддержку и финансовую помощь западноевропейским странам; предоставить им военные материалы и оборудование, чтобы гарантировать успешный захват и удержание территории канала; прекратить экономическую помощь Египту и заморозить все дополнительные египетские активы, которые находятся в Соединенных Штатах; оказывать более активную поддержку Багдадскому пакту, включая присоединение к нему, чтобы противостоять росту арабского национализма [\[Ibid\]](#). Как видно, в перечне возможных мер по поддержке союзников участие вооружённых сил США представлен как наименее реалистичный вариант развития событий.

Г. Киссинджер указывает, что для Д. Эйзенхауэра Суэцкий кризис был не настолько угрожающим, чтобы удостоиться применения силы: будучи страстным противником войны, каким может быть только опытный военный, Д. Эйзенхауэр считал, что «даже если на Ближнем и Среднем Востоке в долгосрочном плане и существовала опасность для глобального равновесия, то <...> Америка достаточно сильна, чтобы отразить ее на более позднем этапе, причем задолго до того, как встанет вопрос выживания» [\[6, с. 485\]](#). При этом Г. Киссинджер подчеркивает, что именно дипломатия Дж. Ф. Даллеса вынудила Францию и Великобританию рискнуть всем: его лавирование между решительным Д. Эйзенхауэром и европейскими союзниками привело к тому, что они так и не поняли, до какой степени президент США был убежденным противником применения силы. Такая дипломатическая ловкость оставляла за США возможность в случае непредвиденных обстоятельств изменить точку зрения.

В то же время не следует исключать, что тройственная агрессия против Египта во многом была спровоцирована американской дипломатией. Так, Дж. Ф. Даллес в Лондоне отмечал: «Следует также признать, что даже при том, что США могут не соглашаться с

определенными взглядами Великобритании и Франции, если эти страны в конечном итоге будут вовлечены, они могут рассчитывать на моральную поддержку США и, возможно, больше, чем на моральную поддержку» [24]. Таким образом, госсекретарь США оставлял для западноевропейских союзников впечатление о возможном изменении позиции Вашингтона в зависимости от того, как будут разворачиваться события. Эти дипломатические маневры сыграли ключевую роль в подкреплении решимости Великобритании, Франции и Израиля начать войну против Египта.

Не принимая прямого участия в военных действиях, США были заинтересованы в успехе военной операции своих союзников. В процессе военно-стратегической подготовки Израиля к войне наряду с Великобританией и Францией большую роль сыграли также и США, на деньги которых Израиль вооружал свою армию, развивал производство и накопление военной техники. Государства НАТО поставляли Израилю танки, самолеты, орудия и стрелковое вооружение. США не были исключением в ряду стран, где проходили подготовку сотни израильских офицеров всех родов войск [5, с. 169]. В условиях активизации египетско-израильских пограничных столкновений позиция Израиля по транзиту стратегических грузов через канал стала определяющей в вопросе разработки англо-французского плана вторжения в Египет. При этом американская военно-стратегическая помощь израильской стороне была призвана усилить ее боевой потенциал, одновременно дав импульс к развитию военно-промышленного комплекса США.

Внешне создавая эффект отмежевания от своих союзников, на деле Вашингтон оказывал им не только политическую, но и экономическую поддержку: в ходе кризиса снабжал Лондон и Париж нефтью и предоставил Великобритании заем в 500 млн долл [8, с. 39].

Двойственность и противоречивость политики США стала явной с началом военных действий. Сыграв роль подстрекателя, в момент кульминации кризиса США сочли для себя более выгодным отмежеваться от своих союзников [Там же, с. 38–39]. Получив сообщение от 30 октября 1956 г. о принятом решении по высадке британских и французских войск в районе Суэцкого канала, президент Д. Эйзенхауэр прокомментировал, что вполне может быть обозначена позиция Соединенных Штатов «руки прочь» и высказал необходимость публично заявить, «что мы не были и не являемся связанными в своей деятельности с французами и англичанами» [25]. В отношении обеспокоенности возможностью вмешательства СССР на стороне Египта в США считали, что блокада со стороны британцев может быть единственным и эффективным способом предотвратить проникновение Советского Союза в этот регион.

С началом военных действий 30 октября 1956 г. представитель США в СБ ООН внес проект резолюции, в котором выражалось осуждение вооруженных действий Израиля против Египта, а также содержался призыв всех членов ООН воздерживаться от применения силы или угрозы применения силы в данном районе [26].

Кульминационным моментом в конфликте для дипломатии США явилось письмо председателя совета министров Н. А. Булганина президенту Д. Эйзенхауэру от 5 ноября 1956 г., в котором предлагалось, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз объединили свои силы в рамках ООН для прекращения агрессии против Египта: «США имеют в районе Средиземного моря сильный военно-морской флот. Советский Союз также имеет сильный военно-морской флот и мощную авиацию. Совместное и срочное применение этих средств со стороны США и Советского Союза в соответствии с решением ООН явилось бы надежной гарантией прекращения агрессии против египетского народа,

против стран арабского Востока» [\[27\]](#). Представитель Советского Союза подкрепил намерения, сославшись на опасность перерастания регионального конфликта в третью мировую войну, если СССР и США не займут общую позицию по прекращению военных действий.

Заявление Н. А. Булганина являлось беспрецедентным и грозило обрушить ракеты на государства-участников агрессии против Египта, также высказана была готовность выезда советских добровольцев в Египет [\[9, с. 49\]](#). И в США, и в СССР понимали, что вероятность осуществления этой угрозы была очень низка и представляла собой скорее меры психологического характера [\[6, с. 490; 9, с. 49\]](#), тем не менее, оказалась действенной.

2 ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, требующую немедленного прекращения огня и отвода всех войск за линию перемирия [\[28\]](#). Соединенные Штаты проявили солидарность с Советским Союзом в голосовании за текст резолюции, осуждающей вторжение в Египет.

Придерживаясь заявленной линии по необходимости прекращения военных действий, США, тем не менее, были готовы к любому развитию событий. Так, начальник главного разведывательного управления СССР С. М. Штеменко докладывал министру обороны Г. К. Жукову 8 ноября 1956 г.: «Корабли 6 флота США, маневрируя в районе 100 120 миль южнее о. Родос, отрабатывали задачи боевой подготовки. Утром 7.11.56 к кораблям 6 флота присоединилась вторая противолодочная группа из состава Атлантического флота США (тяжелый авианосец, шесть сторожевых кораблей и две подводные лодки). <...> Авианосец «Форрестол» после участия в учении «Лантфибекс», запланированном еще до событий в Египте, намечалось направить в состав 6 флота США. По данным радиоразведки КВФ, указанные корабли, предположительно, следуют на Средиземное море. Производится переброска специального оружия на некоторые тяжелые авианосцы Атлантического флота» [\[29, с. 558\]](#).

Стоит отметить, что кульминация Суэцкого кризиса создавала для США реальные риски по потере авторитета со стороны Египта. Ключевую роль в этой связи играл СССР. Так, советская сторона высказывала предупреждения Египту относительно искренности позиции США, проявленной в Суэцком кризисе: «последние шаги США, в частности поддержка ими предложения англичан о том, чтобы ООН послала международные полицейские силы для поддержания мира на Среднем Востоке до достижения постоянного урегулирования, явно показывают их желание ввести свои войска в зону Суэцкого канала, что, разумеется, не облегчит положения Египта, но позволит США фактически участвовать в оккупации египетской территории» [\[30, с. 551\]](#). Такая информация от советской стороны поступала в Египет регулярно, однако не смогла окончательно нарушить американско-египетские отношения, поскольку представлялась как не более чем попытка вытеснения геостратегического противника.

В Суэцком кризисе Великобритания и Франция шли на большой риск и впоследствии терпели большие убытки. В частности, британцы пережили падение своего кабинета, острую нехватку нефти и почти полный крах своей банковской системы в результате их военного вмешательства в Суэц [\[13, p. 134\]](#). Д. Эйзенхауэр продемонстрировал стойкость принятого решения не удовлетворять просьбу своих союзников, что в итоге нивелировало возможные внутривосточные и экономические риски для американской стороны. Более того, в условиях послевоенных потрясений союзников по НАТО, США оказались в положении конкурентного преимущества в регионе по сравнению с

западноевропейскими странами.

Но вместе с этим, категоричная позиция президента США по отказу от участия в войне несла в себе риск потери функциональности НАТО. В письме Э. Идену Д. Эйзенхауэр давал понять, что «односторонние британские действия могут повлечь за собой пересмотр готовности Америки сохранять членство в НАТО, что, соответственно, обрекало бы союзников Америки надеяться на милость Москвы» [\[6, с. 481\]](#). Дж. Ф. Даллес толковал статью 1 договора о создании НАТО именно как требующую от всех договаривающихся сторон отказаться от применения силы и разрешать все свои споры мирным путем. Г. Киссинджер в этом отношении отмечал: «Никто до этого еще не интерпретировал статью 1 договора о Североатлантическом пакте столь пацифистски; никто этого не делал и после» [Там же, с. 491]. Разъясняя исключение возможности привлечения НАТО для разрешения Суэцкого кризиса, американская сторона настаивала, что Ближний Восток является тем регионом, который имеет отношение к проблеме колониализма и поэтому не входит в границы действия Североатлантического пакта [Там же, с. 484]. Как видим, американская сторона позволила себе не быть солидарными с союзниками по НАТО. Оценивая указанные риски, США не поставили их выше собственных интересов в регионе.

Для британцев неудачи премьер-министра были символом снижения их роли в международных отношениях. Однако преемник Э. Идена Г. Макмиллан смог спасти «особые отношения» между Соединенными Штатами и Соединенным Королевством, тем самым укрепив англо-саксонские отношения. Франция же, униженная Суэцкими событиями, после 1956 г. приняла совершенно иное направление в своих внешнеполитических действиях, что в 1966 г. привело к ее выходу из военной структуры НАТО [\[2, p.62\]](#), однако у этого решения были иные причины. Отношения между союзниками по НАТО после Суэцкого кризиса частично потеряли доверительный тон. Однако эти издержки для США носили ограниченный характер и не стали прецедентом потери лидерства в Североатлантическом альянсе.

В ходе Суэцкого кризиса для США также существовал риск потери дружественных отношений с Израилем. Несмотря на помощь вооружением и подготовкой специалистов, напряженность между сторонами возникла после присоединения Соединенных Штатов к Советскому Союзу, который настаивал на необходимости вывода войск Израиля из зоны Суэцкого канала. Помимо требований прекратить американскую помощь, звучали призывы введения санкций ООН и возможное исключение Израиля из ее состава. Смягчить напряженность удалось благодаря заверениям США поддерживать свободу навигации в Тиранском проливе. Это было возможно путем участия в составе сил быстрого реагирования ООН, вводившихся в зону разграничения между Египтом и Израилем [\[31, с. 64\]](#). Также следует отметить, что в условиях избирательной кампании антиизраильский курс Д. Эйзенхауэра не повлиял на итог выборов, что подтверждает минимизацию рисков для США со стороны отношений с Израилем. После Суэцкого кризиса Вашингтон проявил активность в процессе восстановления американско-израильских связей [\[4, с. 28\]](#). Позже президент США выражал сожаление в отношении того, что ему пришлось занять столь жесткую позицию по вопросу вывода войск Израиля из территории Египта. Но вместе с этим Суэцкий кризис заложил основу в налаживании механизмов взаимодействия между властными структурами США и еврейской общиной [\[32, с. 20\]](#)

Таким образом, выделяется следующее соотношение рисков и перспектив для Соединенных Штатов в Суэцком кризисе. Участие в военных действиях против Египта

совместно с Великобританией и Францией давало возможность быстрого достижения задачи по управлению и контролю над Суэцким каналом. Это могло способствовать консолидации стран Запада, навязывало их инициативу в послевоенном положении в регионе. Но в этом отношении для Соединенных Штатов превалирующим оказался риск потери позитивного диалога с арабским лидером в лице Египта, а также угроза потенциально спровоцировать войну с Советским Союзом. К тому же лидерство по управлению каналом и в регионе в целом пришлось бы делить еще и с Великобританией и Францией.

Проект госсекретаря Дж. Ф. Даллеса Ассоциации пользователей Суэцкого канала с надзорными функциями и соответствующими доходами США не получил одобрения со стороны Египта. Следующая попытка навязать эту инициативу Г. А. Насеру была возможна в послевоенных условиях, при этом важным являлось не ассоциироваться с колониальными странами и учитывать дипломатические усилия СССР по отрыву Египта от США.

Представленные возможности получения экономических дивидендов от блокады канала и санкций против Египта не получили широкого развития, носили временный эффект и содержали в себе риск истощения запасов нефти в Западной полушарии в случае долгой блокады и потери контроля над нефтедобывающими странами региона и путями доставки нефти.

В этой связи было принято решение рискнуть отказаться от совместных действий с союзниками по НАТО и получить перспективу относительно стабильного региона. Отказ от эмоциональных и жестких действий позволил сохранить потенциал влияния на Г. А. Насера и сочувствующие ему режимы. При этом США не желали потерять влияние на израильскую сторону и не отказались от вооруженной и финансовой помощи воюющим странам, стимулируя при этом развитие своего военно-промышленного комплекса.

Во внешнеполитической стратегии на Ближнем Востоке во время Суэцкого кризиса администрация США действовала рационально и сообразно с тщательной оценкой значимости открывающихся перспектив и возможных рисков. Несмотря на негативные впечатления от несвойственной Соединенным Штатам совместной позиции с Советским Союзом, последствия Суэцкого кризиса для США оказались наиболее лучшим из возможных вариантов развития событий. Выходящий из старой колониальной системы геополитики регион Ближнего Востока остался в сфере действий Вашингтона, в нем не произошло открытой конфронтации с Москвой. США показали себя отличными от старых колониальных режимов, освободились от западноевропейских конкурентов. Д. Эйзенхауэр, победив на выборах, приступил к выработке новой доктрины, в которой главной задачей стала борьба с коммунистической угрозой. Общее негативное впечатление от временного расхождения позиций было сглажено необходимостью сосредоточения на общем враге – Советском Союзе. После Суэцкого кризиса СССР открыто занимает проарабские позиции в арабо-израильском конфликте, а США оставили для себя возможность балансирования, пытались получить посреднические функции.

При этом стоит отметить, что после Суэцкого кризиса в регионе существенно повысился авторитет президента Египта, который не руководствовался чувством благодарности за позицию США, а наоборот, вселил уверенность в успехе борьбы с наследниками колониального режима. Ведь именно США вынуждены были принять на себя роль бывших стратегических позиций Великобритании и Франции. В условиях Суэцкого кризиса Вашингтон смог добиться возможностей, открывающихся в момент конфликта. Но они не давали долгосрочной перспективы. Дальнейшую стратегию предстояло выработать после

военных событий и продления полномочий президента. Выводы из Суэцкого кризиса отразились в «доктрине Эйзенхауэра», насколько она оказалась действенной – предмет отдельного исследования.

Библиография

1. Крыжко Л. А. Формирование позиции США в отношении военной операции против Египта накануне Суэцкого кризиса 1956 года // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 1 (74). С. 86–94. doi:10.37724/RSU.2022.74.1.008.
2. McLaughlin C. The Suez Crisis: Security Implications for the Transatlantic Relationship and the Shift in Global Power // Review of International Studies. Carlisle: Dickinson College, 2016. P.47–65.
3. Lahav P. The Suez Crisis of 1956 and Its Aftermath. A Comparative Study of Constitutions, Use of Force, Diplomacy and International Relations // Boston University Law Review. Vol. 95. № 4. 2015. P. 1297–1354.
4. Белоусова К. А. Преемственность политики американских президентов на Ближнем Востоке: от Рузвельта до Кеннеди // Личность и общество в историческом процессе: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 09–10 апреля 2020 года / Под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань, 2020. С. 24–31.
5. Государства НАТО и военные конфликты. Военно-исторический очерк / Под ред. П. А. Жилина, Р. Брюля, К. Собчака. М.: Наука, 1987. 312 с.
6. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова / Послесл. Г. А. Арбатова. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. 848 с.
7. Крыжко Л. А., Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Египет в политике США на Ближнем Востоке в начале 1950-х гг // Конфликтология / nota bene. 2022. № 2. С. 40–50. doi:10.7256/2454-0617.2022.2.38065
8. Медведко Л. И. К востоку и западу от Суэца: (Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке). М.: Политиздат, 1980. 368 с.
9. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). Москва: «Российская газета», 2016. 384 с.
10. Румянцев В.П. Линдон Б. Джонсон и Суэцкий кризис, 1956–1957 гг // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С.87–96. DOI: 10.17223/19988613/71/13
11. Юрченко В. П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. 312 с.
12. Copeland M. The Game of Nations: The Amorality of Power Politics. New York: Simon and Schuster, 1970. 318 p.
13. McDermott R. Risk-Taking in International Politics: Prospect Theory in American Foreign Policy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. 240 p.
14. Румянцев В. П. Венгерский мятеж и Суэцкий кризис 1956 г.: пределы и возможности американской дипломатии // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. № 5 (109). С. 69–76. doi: 10.14258/izvasu(2019)5-11.
15. Белоусова К. А. Роль Джона Фостера Даллеса в эскалации Суэцкого кризиса // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории МПГУ. Москва, 2019. С. 4–12.

16. Lloyd S. Suez 1956: A Personal Account. London: Jonathan Cape, 1978. 282 p.
17. Memorandum From the Acting Executive Secretary of the National Security Council (Boggs) to the National Security Council, Washington, August 22, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d118> (accessed: 19.02.2023).
18. Memorandum of a Conversation, Ambassador's Residence, London, August 19, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d99> (accessed: 19.02.2023).
19. Memorandum of a Conversation Between the President and the Secretary of State, White House, Washington, October 2, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d291> (accessed: 19.02.2023).
20. Крыжко Л. А., Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Политика Египта в контексте трансформации геостратегических подходов США на Ближнем Востоке в 1953–1956 гг // Конфликтология / nota bene. 2022. № 3. С. 33–41. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38207 (дата обращения: 19.02.2023). doi:10.7256/2454-0617.2022.3.38207
21. Memorandum of a Conversation, Lancaster House, London, August 23, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d123> (accessed: 19.02.2023).
22. United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 743rd meeting: 13 Octobre. New York: UN, 1956. 19 p.
23. The Suez Canal Problem. July 26 – September 22, 1956. A Documentary Publication. Washington, 1956. 370 p.
24. Memorandum of a Conversation, Soviet Embassy, London, August 18, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d93> (accessed: 19.02.2023).
25. Memorandum of a Conference With the President, White House, Washington, October 30, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d419> (accessed: 19.02.2023).
26. United Nations. Security Council. Letter Dated 29 October 1956 From the Representative of the United States of America, Addressed to the President of the Security Council, Concerning: «The Palestine Question: Steps for the Military Action of the Israel in Egypt». S/3710. 30 October 1956. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_3710.pdf (accessed: 19.02.2023).
27. Letter from Prime Minister Bulganin to President Eisenhower. Moscow, November 5, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d505> (accessed: 19.02.2023).

28. United Nations. General Assembly. Resolution 997 (ES-I). URL: https://digitallibrary.un.org/record/208414/files/A_RES_997%28ES-I%29-EN.pdf?ln=ru (accessed: 19.02.2023).
29. Докладная записка начальника главного разведывательного управления С. М. Штеменко министру обороны СССР Г. К. Жукову. 8 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В. В. Наумкин. М.: МФД, 2003. С. 557–559.
30. Телеграмма министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова послу СССР в Египте Е. Д. Киселеву. 3 ноября 1956 г. // Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2-х т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В. В. Наумкин. М.: МФД, 2003. С. 550–551.
31. Бард М. Мифы и факты. Путеводитель по арабо-израильскому конфликту: пер. [с англ.] А. Курицкого. М.: Еврейское слово, 2007. 480 с.
32. Румянцев В. П. Еврейская община США и Суэцкий кризис, 1956–1957 гг // Уральское востоковедение. 2021. № 11. С. 6–22

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает внешнеполитическая стратегия США на Ближнем Востоке на примере Суэцкого кризиса 1956–57 гг. Учитывая претензии США на мировое лидерство, от которых в ближайшем будущем Вашингтон не намерен отказываться, актуальность анализа связанных с этим рисков и перспектив его внешнеполитической доктрины трудно переоценить. Опыт вполне прагматического взаимодействия США со своими геополитическими противниками с целью урегулирования военных конфликтов может представлять также практический интерес. К сожалению, автор не дал себе труда описать и аргументировать собственный методологический выбор, что для научной работы является существенным недостатком. Однако из контекста можно установить, что кроме традиционных общенаучных аналитических инструментов использовались исторический и институциональный методы, а также некоторые элементы контент-анализа официальных документов и заявлений. Вполне корректное применение описанной методологии позволило автору получить результаты, не лишённые признаков научной новизны. Прежде всего, определённый интерес представляет выявленное на эмпирическом материале «Тройственной агрессии» соотношение рисков и перспектив внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке, а также найденный Вашингтоном баланс между ними. Интересна также выявленная связь между опытом США совместно с СССР в урегулировании Суэцкого кризиса и антикоммунистическим содержанием разработанной в 1956 г. Д. Эйзенхауэром новой внешнеполитической доктрины США. Широко известен факт наличия связи между упомянутой доктриной и Суэцким кризисом, однако причины её антикоммунистической интенции нередко остаются в тени. Любопытен также вывод об отсутствии влияния антиизраильской позиции Д. Эйзенхауэра в исследуемом конфликте на итог президентских выборов в США, по результатам которых Д. Эйзенхауэр был переизбран на второй срок. В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: несмотря на досадное отсутствие рубрики, логика статьи последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В

тексте условно можно выделить следующие разделы: - вводная часть, где ставится научная проблема, аргументируется её актуальность, формулируется цель работы, но отсутствует описание и обоснование методологии исследования; - предыстория и основные факторы напряжённости вокруг Суэцкого канала, национализированного в 1956 г. правительством Египта; - описание диспозиций в конфликте основных акторов – США, Великобритании, Франции, Израиля и СССР; - анализ ключевых рисков и перспектив во внешнеполитической стратегии США на Ближнем Востоке, проявившихся в контексте Суэцкого кризиса; - заключительная часть, где резюмируются основные результаты проведённого исследования. К стилю рецензируемой статьи также нет никаких претензий. В тексте практически отсутствуют грамматические ошибки, хотя и встречаются редкие погрешности в оформлении (например, отсутствие пробела после точки между предложениями «...Выступить за прекращение военных действий.Так, в работах...»). За исключением нескольких мелких огрехов, текст написан очень грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 32 наименования, в том числе источники на иностранных языках, и в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении дискуссионных вопросов участия США в урегулировании Суэцкого кризиса.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, вполне соответствующей требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты имеют признаки научной новизны и представляют интерес для политологов, политических социологов, конфликтологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Некоторые из выводов автора могут быть полезны для действующих политиков. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Фархетдинова Э.Т. — Современное геополитическое положение Республики Корея: на стыке интересов США и КНР // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.37776 EDN: AWSJZX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37776

Современное геополитическое положение Республики Корея: на стыке интересов США и КНР

Фархетдинова Эльмира Тагировна

аспирант, кафедра американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Набережная, 7-9

✉ farhetdinova14@mail.ru

[Статья из рубрики "Политические конфликты в мировой политике и международных отношениях"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.37776

EDN:

AW SJZX

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2022

Дата публикации:

26-03-2023

Аннотация: Статья направлена на выявление современных внешнеполитических приоритетов Республики Корея с учетом фактора ее особенного геополитического положения, а именно, нахождения на стыке интересов и усиливающегося соперничества двух мировых великих держав – США и Китая. Определение приоритетов и целей внешней политики Республика Корея проводится в статье с опорой на концепцию «геополитического кода», используемую в политической географии. В статье раскрывается понятие «геополитический код», прослеживается эволюция геополитического кода РК и характеризуются его современные особенности. В статье демонстрируется сложный процесс балансирования Республики Корея между США и КНР на протяжении первых двух десятилетий 21 в., на первоначальном этапе вызванный разными позициями и интересами сторон в урегулировании северокорейской ракетно-ядерной проблемы, а на текущем этапе – нарастающим региональным (в АТР) и глобальным соперничеством двух мировых великих держав. В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что Республика Корея стремится к поддержанию баланса в своих отношениях с великими державами и осуществлению

независимой от великих держав внешней политики, что, однако, осложняется необходимостью сохранения тесной военно-политической координации с Вашингтоном ввиду нерешенной северокорейской ракетно-ядерной проблемы и неослабевающим ростом влияния Китая на сферу экономики Республики Корея. Сохранение центральной роли альянса с США и укрепление экономических отношений с КНР как второй мировой экономикой мира – сохраняющаяся реальность Республики Корея.

Ключевые слова:

Республика Корея, США, КНР, геополитический код, безопасность, сфера экономики, проблема Корейского полуострова, Мун Чжэ Ин, система ПРО ТНААД, внешнеполитическая стратегия

Введение

На протяжении почти всей своей истории, начиная от древних корейских государств (Древний Чосон, государства Силла, Пэкче и Когуре) до настоящего времени, Республика Корея в реализации своей внешней политики испытывала большое влияние со стороны крупных держав. В 1948 г. произошел раскол Кореи, апогеем которого стала Корейская война 1950-1953 гг., приведшая к образованию двух новых государств – Республики Корея и КНДР. В результате произошедшего раскола Республика Корея лишилась границы с крупным соседом – КНР, приобрела соседство с КНДР и сохранила выход в Желтое, Японское и Восточно-Китайское моря.

На современном этапе особенности геополитического положения, соседство с КНДР, прямая вовлеченность в процесс урегулирования северокорейской ракетно-ядерной проблемы, значительный экономический и технологический потенциал усиливают интерес к Республике Корея со стороны двух великих мировых держав, уже очевидно вступивших в противоборство за влияние как в АТР, так и в мире – США и Китая. Данная статья нацелена на выявление современных внешнеполитических приоритетов Республики Корея (РК) с учетом фактора ее особенного геополитического положения, а именно, нахождения на стыке интересов и соперничества двух мировых великих держав – США и Китая. Соседство РК с КНДР, от которой исходит ракетно-ядерная угроза, опосредованное соседство (непосредственное соседство в прошлом и общая история на определенных временных этапах) с КНР, размещение американских военных баз на своей территории и тесные союзнические отношения с США неизбежно предопределяют положение РК на стыке соперничества США и Китая.

Концепция геополитического кода и ее имплементация применительно к Республике Корея

При анализе внешнеполитических приоритетов Республики Корея инструментальной можно считать концепцию геополитического кода, описанную в трудах политических географов К. Флинта и П.Тейлора [\[1, с.52\]](#). Эти ученые ввели в научный оборот понятие геополитического кода и сформулировали пять вопросов-маркеров для определения геополитического кода государства. Представления ученых нашло развитие и в работах российского исследователя – И. Окунева. Он, в частности, охарактеризовал геополитический код как важнейшую характеристику, отражающую положение государства на международной арене и тенденции ее политики во взаимодействии с другими международными акторами [\[2\]](#). Геополитический код – это основа

позиционирования страны в мире, способная изменяться под текущее политическое положение государства и мировой политики.

Согласно К. Флинту, для раскрытия геополитического кода государства необходимо ответить на следующие вопросы: кто является текущими и потенциальными союзниками; кто текущие и потенциальные враги; как можно поддерживать текущих союзников и потенциальных; как можно противостоять нынешним врагам и возникающим угрозам; как можно растолковать четыре положения выше для собственного населения и глобального сообщества? [\[2, с.68-69\]](#)

Применяя методологию К.Флинта можно выделить следующие характеристики геополитического кода РК. В части текущих и потенциальных союзников: единственным военно-политическим союзником Республики Корея с момента заключения союзного договора в 1953 г. оставались США. Как неоднократно подчеркивалось в Белых дипломатических книгах Республики Корея, страны поддерживают союзнические отношения в сфере экономики, политики и безопасности [\[3, с.84-97\]](#). Кроме того, в Белых книгах также указывается, что США являются гарантом безопасности на Корейском полуострове, сдерживающим северокорейскую угрозу, и размещают свои войска на территории Республики Корея [\[3, с.84-85\]](#). Начиная с мая 2022 г. США, РК и Япония активно участвуют в развитии трехстороннего диалога, что позволит углубить сотрудничество в области безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе перед лицом угроз, исходящих от Китая и Северной Кореи [\[4\]](#). Важно подчеркнуть, что по мере интенсификации двусторонней торговли между РК и США, заинтересованность Сеула в США уже не ограничивается сферой безопасности, но и включает торгово-экономическую сферу. Но одновременно усилился и интерес Сеула к КНР как крупнейшей торговой державе, второй после США мировой экономике и страны, находящейся в центре многих региональных и глобальных производственно-сбытовых цепочек. На начало 2023 г. КНР – крупнейший торговый партнер РК (товарооборот государств – 244 млрд долл.). Обе страны входят в интеграционный блок ВРЭП, на половину товарооборота действуют нулевые ставки ввозных таможенных пошлин, что содействует их торговле. Более того, китайские инвестиции имеют огромное значение для функционирования крупных южнокорейских предприятий [\[5\]](#). Не имея союзнических отношений с КНР, Республика Корея тем не менее на протяжении по меньшей мере двух десятилетий сохраняет высокую заинтересованность в развитии торговых отношений с КНР.

В части текущих и потенциальных врагов РК: КНДР всегда остается угрозой безопасности РК. После завершения Корейской войны в 1953 г. Республике Корея и КНДР не удалось подписать мирный договор, страны ограничились перемирием, тем самым на настоящий момент два корейских государства формально все еще находятся в состоянии войны. Президент Республики Корея Мун Чжэ Ин обозначил улучшение отношений с КНДР и решение корейского вопроса одним из важнейших целей своего президентства [\[6\]](#). Однако добиться потепления отношений удалось лишь на короткий срок, КНДР продолжили расширять баллистические ракетные подразделения и наращивать учения по нанесению ударов по объектам Республики Корея, что и было отражено в Белых книгах по обороне Республики Корея: КНДР неоднократно именовались «угрозой национальной безопасности» [\[7\]](#). Впервые за шесть лет КНДР была названа врагом РК в Белой книге по обороне 2022 года, где указаны нарушения северокорейской стороной межкорейского военного соглашения 2018 года и назван факт увеличения общего запаса плутония для использования в ядерном оружии [\[8\]](#).

К Японии, государству в близи границ Республики Корея, традиционно относились настороженно, принимая во внимание исторический фундамент в виде военной оккупации, непризнания военных преступлений японской армии и «женщин для утешения» [\[9\]](#). Территориальный спор относительно принадлежности островов Токто в Республике Корея или Такэсима в Японии, усиливающийся национализм также негативно влияют на двусторонние отношения. Однако несмотря на это, Япония – необходимое звено в треугольнике безопасности «США-Южная Корея-Япония» в Тихоокеанском регионе и активный торговый партнер Республики Корея [\[10, с. 80\]](#). Важно отметить, что в 2021 г. в «Белой дипломатической книге Республики Корея» Япония второй год подряд фигурирует в качестве ближайшего соседа, с которым необходимо развивать двусторонние отношения, сообщая разрешая исторические проблемы [\[3, с.98\]](#).

Республика Корея может поддерживать нынешних и потенциальных союзников, а также противостоять нынешним врагам и возникающим угрозам путем регулярного проведения дипломатических диалогов и участия в многосторонних встречах для решения региональных и глобальных проблем. Активное участие в поддержании региональной безопасности в рамках альянса с США, в том числе путем участия в совместных военных учениях США и Японии, способствует укреплению союза РК и США [\[4\]](#). Важно отметить, что РК расширяет число потенциальных союзников с помощью своих инструментов мягкой силы, таких как к-поп и туризм, что способствует большему культурному обмену и укреплению отношений. В рамках внешнеэкономической политики РК может увеличить объем оказываемой помощи и инвестиций нуждающимся странам, одновременно укрепляя экономические отношения с КНР и странами АТР, АСЕАН, что соответствуют ее интересам в расширении рынка экспорта корейских товаров [\[11, с.243-244\]](#).

Рассмотрим последний пункт в определении геополитического кода по К. Флинту – толкование положений выше для собственного населения и глобального сообщества. Правительство РК публикует в открытый доступ различные официальные документы, в которых изложены цели внешней политики страны, определены дружеские страны и угрозы безопасности государства. В стратегии национальной безопасности излагаются цели национальной безопасности, включая ее подход к решению различных проблем безопасности, таких как северокорейское ядерное оружие и региональная нестабильность. В ежегодной Белой книге по внешней политике представлен обзор геополитических приоритетов РК, а также отношений РК с соседними странами, роль страны в международных организациях [\[3\]](#). В Белой книге по обороне кратко излагаются политика и стратегии национальной обороны РК, включая ее усилия по укреплению военного потенциала, укреплению региональной стабильности и сдерживанию потенциальных угроз [\[8\]](#). Следует отметить, что в корейском общественном мнении преобладает настороженное отношение по отношению к КНР. По итогам опроса населения в 2020 г. «возвышение Китая как великой державы» заняло пятое место (41,7%) среди основных предполагаемых угроз национальным интересам Южной Кореи в следующем десятилетии. На вопрос, какую же позицию должен занять Сеул в развивающемся противоборстве между США и КНР, лишь 11,1% населения выступило за укрепление отношений с КНР, 24,9% – за сближение с США, а большинство (63,9%) заняло нейтральную позицию, полагая, что необходимо поддерживать тесные отношения как с США, так и с КНР [\[12\]](#).

К факторам, повлиявшим на формирование геополитического кода Республики Корея, можно отнести следующие. Во-первых, это особенности исторического фона: оккупация корейского полуострова Японией (1910-1945 гг.), Корейская война (1950-1953 гг.), где

поддержку Сеулу оказали объединенные миротворческие войска ООН с участием США, южнокорейское экономическое чудо, ставшее возможным в том числе благодаря США, ядерная угроза со стороны КНДР. Во-вторых, это наличие инстинкта национального самосохранения и стремление к объединению корейского народа в рамках одного государства (РК), приверженность традициям конфуцианства, национализма, основанного на этнической однородности. Согласно представлениям южных корейцев и политической элиты РК, объединение корейского народа и мирное сосуществование на корейском полуострове – одна из важнейших целей политики Республики Корея.

Согласно И. Окуневу, традиционные переменные геополитического кода – масштаб и ориентация. Масштаб указывает на локальный, региональный и глобальный уровень национальных интересов и влияния в мире. Ориентация – глобальный ориентир страны (Европа, США, Россия, Китай и другие).

Применительно к РК, масштаб концентрируется на локальном уровне, т.к. на первом плане стоят проблема Корейского полуострова и отношения с соседними государствами. Эти установки, в частности, зафиксированы в Белой дипломатической книге [\[3, с.5\]](#). РК позиционирует себя как открытое и неконфликтное государство, приверженное применению мягкой силы. Быстрый экономический рост Республики Корея, региональные и глобальные изменения поставили южных корейцев перед дилеммой выбора: национализм или глобализм, либеральная демократия или авторитаризм. Эти противоречивые ценности и идеи также оказали большое влияние на внешнюю политику Республики Корея [\[13\]](#). У Республики Корея есть потенциал и стремление к становлению региональным лидером. Ярким подтверждением этого является инициатива – Новая Южная политика, предложенная президентом Мун Чжэ Ином в 2017 году, направленная на укрепление связей со странами АСЕАН и Индией. Укрепление отношений с АСЕАН и Индией вызвано стремлением развить торгово-экономические связи, тем самым снижая чрезмерную опору на американскую и китайскую экономики с целью минимизировать риски давления со стороны США и Китая в будущем. Примечательно, что Новая Северная политика, выдвинута Мун Чжэ Ином также в 2017 году – инициатива укрепления отношений с Россией, странами Центральной Азии, Монголии и Восточной Европы, не получила дальнейшего развития, в отличие от Южной [\[14\]](#).

Республика Корея в контексте конфликта интересов США и КНР

История формирования союзнических отношений между РК и США возвращает нас к событиям уже далекого прошлого: в 1953 г. произошло подписание послевоенного Договора о безопасности 1953 г., а в 1978 г. был заключен Договор о создании Объединенных войск. В послевоенный период развивалась политическая и экономическая зависимость РК от США, что, во многом, предопределило западно-либеральную модель развития Республики Корея. При этом важно отметить, что с течением времени, благодаря постепенному укреплению южнокорейской экономики, что позволило претендовать на большую автономию в альянсе с США, стали происходить изменения в геополитическом коде Республики Корея. Особенно это стало заметно при президентах Ким Джэ Чжуне (1998-2003 гг.) и Но Му Хёне (2003-2008 гг.).

Вместе с тем, противоположные факторы также оказывали влияние на эволюцию геополитического кода РК. Так, по мере усиления угрозы региональной безопасности со стороны КНДР: в 2010 г. произошел открытый военный конфликт между Республикой Корея и КНДР (затопление южнокорейского военного корабля Чхонан и обстрел острова Ёнпхендо), Сеул вернулся к прежней зависимости от Вашингтона. Президенты-

консерваторы Ли Мен Бак (2008-2013 гг.) и Пак Кын Хе (2013-2017 гг.) в тесном сотрудничестве с США пришли к жесткому подходу по отношению к Пхеньяну [\[13, с. 12-13\]](#). Но опять стало проявляться влияние разнонаправленных факторов. Так, ухудшение отношений с КНДР и переговоры 2008 года об условиях Торгового соглашения с США негативно повлияли на репутацию Ли Мен Бака и общественное мнение по отношению к США (споры о ввозе «небезопасной» говядины из США, протекционистские настроения) [\[15, с.84\]](#).

Что касается отношений с КНР, то с момента их официального установления в 1992 г., они последовательно укреплялись за счет невероятного роста торгово-экономического сотрудничества. В 2004 г. товарооборот с КНР превысил показатели США, что положило начало расхождения интересов РК в экономической сфере и сфере безопасности [\[13, с.215\]](#). Это и сформировало следующее свойство геополитического кода Республики Корея: постоянный поиск баланса во внешних отношениях между США как союзником и КНР как важным торговым партнером. В годы президентства Пак Кын Хе подписание договора о свободной торговле с КНР в 2015 году способствовало дальнейшей интенсификации южнокорейско-китайских отношений.

Вместе с тем, раздражающим фактором в китайско-южнокорейских отношениях всегда оставался факт близких союзнических отношений РК с США и нахождение американских военных баз в РК. Так, наиболее остро эта проблематика проявилась в ходе конфликта между КНР и РК в связи с размещением американского противоракетного комплекса THAAD (Terminal High Altitude Area Defense) на территории РК в 2016 году. Под сильным давлением США, в том числе под угрозой пересмотра предыдущих договоренностей, включая Соглашение о свободной торговле, а также ввиду обострения северокорейской ядерно-ракетной проблемы, Сеул в 2017 г. дал согласие на размещение американского комплекса ПРО [\[16\]](#). Пекин расценил факт размещения американской ПРО как «нацеленное на сдерживание КНР» и незамедлительно отреагировал, введены комплексные ограничительные меры против южнокорейских товаропроизводителей и шоу-бизнеса. Эта ситуация стала катализатором ухудшения двусторонних отношений, и вместе с тем настолько явная слабость перед КНР усилила недовольство южнокорейского населения. Конфликт с размещением ПРО THAAD косвенно выразил следующее свойство геополитического кода РК: локальный уровень национальных интересов и влияния РК ввиду зависимости от внешнеполитических решений США и КНР.

Вопрос урегулирования межкорейского конфликта часто ставил Республику Корея перед выбором: придерживаться ли позиции КНР, крупнейшего экономического союзника КНДР, или же позиции США, союзника и партнёра по альянсу. В 2005 году КНДР официально заявили о наличии ядерного оружия, что вызвало жесткую реакцию со стороны США, однако Сеул на шестисторонних переговорах принял позицию РФ и КНР, выразив твердую приверженность процессу сокращения напряженности и сокращения вооружений в рамках процесса диалога [\[17, с.51-53\]](#). Но Му Хён (2003-2008 гг.) стремился достичь баланса между альянсом с США и многосторонним сотрудничеством с другими государствами (включая КНР), между глобализацией и национальной целостностью. Эта балансирующая политика – стратегия, которая стремится избежать чрезмерного отклонения дипломатической стратегии в сторону одного конкретного государства, и в это время же придерживается гибкой дипломатической позиции в межгосударственных отношениях. В годы президентства Но Му Хёна в геополитическом коде Южной Кореи отчетливо появилось следующее свойство: желание к автономии и более ответственной оборонительной роли на полуострове. Под руководством Обамы и южнокорейских

президентов Ли Мён Бака и Пак Кын Хе США и Южная Корея фактически приняли план совместных действий в конфликте с КНДР, называемый «стратегическим терпением». Одним из основных компонентов которого является полная готовность для шестисторонних переговоров по ядерной программе Северной Кореи, куда входили и КНР. Китай играл незаменимую роль в урегулировании межкорейского конфликта как крупнейший экономический и политический партнер КНДР, обладавший рычагами давления на КНДР.

Однако после ядерных испытаний КНДР в январе 2016 года США и Республика Корея подтолкнули СБ ООН к принятию резолюций (Резолюция СБ ООН № 2270 в марте 2016 года и СБ ООН 2321 в ноябре 2016 года), расширяющих международные санкции [\[18, с.10\]](#). Пекин не поддерживал политику строгих санкций против КНДР, не раз высказываясь о том, что международные санкции направлены на мирное население и вводят в тупик переговоры по ядерному оружию. Изначально Мун Чжэ Ин придерживался той же позиции и пытался добиться перемирия и денуклеаризации Северной Кореи путем диалога и мирных переговоров. Несмотря на инициативу Мун Чжэ Ина по улучшению отношений с КНДР ему не удалось реализовать запланированные экономические и гуманитарные проекты. В итоге, новые испытания вооружений со стороны Северной Кореи побудили правительство Республики Корея сосредоточиться на укреплении безопасности Корейского полуострова и альянса с США. Кроме регулярных совместных учений с США, сотрудничества с Четырёхсторонним диалогом по безопасности (QUAD), в 2021 г. Мун Чжэ Ин и Джо Байден подписали совместное заявление по сотрудничеству и будущему альянса, где Китай и их действия в Тайване подвергаются резкой критике [\[19\]](#). Важно отметить, что президент Юн Сок Ёль придерживается своих предвыборных обещаний, что союз между США и Республикой Корея станет более тесным, альянс будет работать сообща против северокорейской и китайской угрозы [\[20\]](#).

США и КНР не могут оставаться в стороне от проблемы на Корейском острове и позволить Южной Корее самостоятельно разрешать данную проблему. Пекин опасается из-за территориальной близости КНДР и «эффекта домино», так наращивание ядерного потенциала КНДР может привести к появлению ядерного оружия в регионе: Сеуле, Токио и возможно даже на Тайване. Вашингтон не может игнорировать проблему с КНДР из-за значимости самого региона, который стал стержнем политики США в АТР. Существует мнение специалистов о том, что США искусственно подогревает корейский конфликт с целью сдержать возвышение Китая в регионе [\[21\]](#). Американские СМИ открыто рассуждали, что растущая напряженность отношений с КНДР создает возможности для продвижения американских военно-политических интересов в регионе. Защита от возможного нападения Северной Кореи – отличный повод для наращивания гонки вооружений [\[13, с.112-114\]](#).

Начавшееся при администрации Дональда Трампа и продолжившееся при Джо Байдене нарастание противостояния между США и КНР сопровождается повышением давления со стороны этих двух стран на Республику Корея [\[22, с.25\]](#). Давление происходит по нескольким направлениям: со стороны США, и Китая с попытками каждой из стран «переманить» на свою сторону Республику Корея.

Решение к присоединению или неучастию в региональных международных организациях также составляющая геополитического кода государства. В этой связи анализа заслуживают вопросы участия РК в таких объединениях и инициативах, как QUAD, «Пояс

и путь», Транстихоокеанское партнерство и ВРЭП. Так, вопрос присоединения к QUAD (Четырехсторонний диалог по безопасности) разгорелся с новой силой с вступлением в должность Юн Сок Ёля и его заявлениями о заинтересованности в развертывании новых систем американского вооружения. Негласная цель организации, включающей США, Австралию, Индию и Японию, это сдерживание возвышения Китая. Для Пекина данная организация – «Индо-Тихоокеанское НАТО» и скрытая угроза для безопасности региона [23, с.231]. Однако Республика Корея пока еще не намерена вступать во враждебную организацию своего крупнейшего экономического партнера. Несмотря на то, что сближение с Японией имеет смысл в рамках безопасности в регионе, исторические вопросы и память о военной оккупации Японией до сих пор не забыты.

Примечательно, что предложенная КНР в 2013 г. инициатива «Пояс и путь» получила поддержку со стороны администрации Пак Кын Хе, однако в связи с конфликтом вокруг американского ПРО ТНААД все сопряженные с «Поясом и путем» соглашения были заморожены. Во время президентства Мун Чжэ Ина (2017-2022 гг.) стороны договорились о пересмотре Меморандума о взаимопонимании по южнокорейской Евразийской инициативе и инициативе «Пояс и путь». Инициатива КНР согласуется с южнокорейскими инициативами, направленными на укрепление отношений со странами Евразии («Новая Северная политика») и странами АСЕАН и Индии («Новая Южной политика»). Причина участия Республики Корея в данном проекте – преодоление барьера в лице КНДР, выход на новые рынки и включение в крупные инфраструктурные и инвестиционные проекты [24]. Для США китайская инициатива – серьезная угроза уменьшению влияния и присутствия в странах Центральной Азии и других регионах. Первоначально положительные реакции администрации Трампа сменились на жесткую критику и торговую войну. Республика Корея вновь вынуждена осторожно выбирать позицию к данной инициативе. С одной стороны, в Республике Корея возникают обоснованные опасения о еще большей экономической зависимости от КНР, подкрепленные антикитайскими настроениями, вызванные экономическим давлением Пекина в 2016-2017 гг. С другой стороны, Республика Корея рассматривает это как возможность реализации масштабных проектов корейского бизнеса и даже как шаг к национальному воссоединению, при будущем открытии рынка КНДР.

Транстихоокеанское партнерство, созданное под эгидой США и направленное на интеграцию экономик стран АТР, заинтересовало Республику Корея, однако вступление в данную организацию до сих пор не произошло. Можно назвать несколько причин. Во-первых, Сеул уже имеет двусторонние соглашения о свободной торговле практически со всеми участниками партнерства. Согласно Корейскому институту международной экономической политики присоединение к ТТП не несет геополитических и экономических выгод [25]. Во-вторых, президент Ли Мен Бак опасаясь нарастания антиамериканских настроений в обществе, возникших после подписания торгового соглашения с США, не решился на вступление в ТТП. В-третьих, во время президентства Пак Кын Хе предпочтение было отдано заключению торговой сделки с КНР, что замедлило рассмотрение других соглашений. При администрации Мун Чжэ Ина, выход США из ТТП, возможная конкуренция с Японией при вступлении в организацию привело к откладыванию сделки.

В ноябре 2020 г. Республика Корея подписала соглашение о свободной торговле ВРЭП (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство), что обеспечило РК выход на рынки Китая, стран АСЕАН и АТР. Важно отметить, что вступлением в данную организацию РК добилась не только диверсификации внешней торговли, но и сближения с Китаем и Японией в рамках соглашения о свободной торговли.

В целом, на современном этапе нагнетания соперничества между США и КНР, находясь в одном из ключевых регионов с точки зрения обеспечения безопасности США и будучи географически близкой к КНР страной, Республика Корея невольно оказалась в центре соперничества США и Китая, где необходимо принимать чью-либо сторону, иногда и в ущерб собственным интересам. Ярким примером, где на Республику Корея, оказывалось давление со стороны соперничающих государств является развертывание комплексов противоракетной обороны THAAD, что, с одной стороны, привело к серьезным китайско-южнокорейским трениям, а, с другой, к угрозам пересмотра прошлых соглашений со стороны США.

Заключение

Проведенный анализ продемонстрировал то, что Республика Корея стремится к поддержанию баланса в своих отношениях с великими державами, презентует себя в качестве дружественной страны и не использует явно выраженную вражескую риторику по отношению к каким-либо государствам. На протяжении последних двух десятилетий, РК была вынуждена балансировать между США и КНР, сохранять деликатный баланс между двумя державами. При этом, если на первоначальном этапе необходимость балансирования между США и КНР была вызвана разными позициями и интересами сторон в урегулировании северокорейской ракетно-ядерной проблемы, на текущем этапе она обусловлена и нарастающим региональным (в АТР) и глобальным соперничеством США и КНР. Вместе с тем, Сеул строго придерживался вплоть до недавнего момента стремления осуществлять независимую от великих держав (и, в первую очередь, это касается США как союзника, традиционно оказывавшего большое влияние на РК) внешнюю политику. Внешняя политика Республики Корея нацелена на движение в сторону к автономии, на продвижение своих интересов в мировой экономике и международной торговле, на национальное объединение.

Сохраняются и серьезные ограничители к полной автономии внешней политики Сеула – поскольку северокорейский вопрос не теряет своей актуальности, и вопросы безопасности занимают важную нишу во внешнеполитической стратегии РК, потребность в поддержании тесных союзнических отношений с США и сохранении гарантий безопасности сохраняется. На данный момент приоритетом внешней политики РК является смягчение напряженности с Северной Кореей (Сеул заинтересован в соответствующей, умеренной политике Вашингтона в этом направлении, что, кстати, не соответствует взятому Байденом курсу в отношении КНДР), создание основы для мирного сосуществования с КНДР, сохранение крепких отношений с КНР в сфере экономики, а также укрепление роли Республики Корея в качестве одного из региональных лидеров. Однако, стоит подчеркнуть, что несмотря на претензии на автономию во внешней политике, Сеул все еще слаб перед давлением крупных держав в сфере безопасности и экономики. Республика Корея долгое время придерживается достаточно явной проамериканской позиции, что прослеживается по внешнеполитическим решениям государства, несмотря на обещания отхода от американского покровительства в инаугурационных речах некоторых президентов. «Рука Вашингтона» проявляется и в реакции Сеула на СВО России на Украине. Более того, есть основания полагать, что с учетом меняющейся геополитической картины мира на фоне усиления конфронтации между США и Россией и соответственно, формирования лагеря «альянса демократий» (куда очевидно входит РК) против недемократий (куда относятся не только Россия, но и Китай), проамериканский крен во внешней политике РК может быть усилен.

Библиография

1. Flint C. Introduction to Geopolitics. London: Routledge, 2016. 334 p.
2. Okunev I. The New Dimensions of Russia's Geopolitical Code // Turkish Policy Quarterly. 2013. Vol. 12, No. 1. Pp. 67-75.
3. The 2021 Diplomatic White Paper. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20211231112239035.pdf&rs=/viewer/result/202204> (дата обращения: 03.01.2022).
4. Joint Statement on the U.S.-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-ministerial-meeting-2/> (дата обращения: 14.02.2023).
5. Statistics Korea. URL: <https://kostat.go.kr/> (дата обращения: 12.03.2022).
6. 문재인대통령취임사[Инаугурационная речь Мун Чжэ Ина] // The JOONGANG ILBO. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/21558717> (дата обращения: 06.11.2021).
7. 국방백서 (국방부, 2020). [Белая книга по вопросам обороны Республики Корея за 2020 год]. URL: https://www.mnd.go.kr/user/mnd/upload/pblicitn/PBLICTNEBOOK_202102040549325290.pdf (дата обращения: 01.12.2021).
8. 국방백서 (국방부, 2022). [Белая книга по вопросам обороны Республики Корея за 2022 год]. URL: https://www.korea.kr/archive/expDocView.do?docId=40357&call_from=rsslink (дата обращения: 17.02.2023).
9. Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (дата обращения: 12.12.2021).
10. Лексютина Я.В., Михалевич Е.А., Нго Хыонг Лан. Характер межгосударственных отношений, межгосударственные противоречия и вызовы информационно-психологической безопасности в Северо-Восточной Азии // Россия и Китая: история и перспективы сотрудничества: материалы XI международной научно-практической конференции (Благовещенск, 11-12 мая 2021 г.). Выпуск 11. Часть 4 / Отв. ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2021. С. 76-83.
11. Youngho Park, Yejin Kim. The Strategic Value of Africa as the New Market and Korea's Economic Cooperation with Africa // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. №11(5). С. 236-248.
12. Sea Young Kim, Sook Jong Lee. South Korean Perception of the United States and China: United States, a More Favorable Partner than China // East Asia Institute. URL: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19850&board=eng_issuebriefing (дата обращения: 12.03.2022).
13. Snyder Scott A. South Korea at the Crossroads. New York: Columbia University Press, 2018. 355 p.
14. South Korea Beyond Northeast Asia: How Seoul Is Deepening Ties With India and ASEAN. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/10/19/south-korea-beyond-northeast-asia-how-seoul-is-deepening-ties-with-india-and-asean-pub-85572> (дата обращения: 20.01.2023).
15. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М.: Просвещение, 2021. 448 с.
16. Асмолов К. Выбор из зол. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vybor-iz-zol/> (дата обращения: 20.01.2023).
17. Асмолов К.В., Соловьев А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? // Международная

аналитика. 2021. №12(2). С. 49-73.

18. Толорая Г.Д., Коргун И.А., Горбачева В.О. Санкции в отношении КНДР: анализ последствий и уроки. М.: Институт экономики РАН, 2020. 46 с.
19. U.S.-ROK Leaders' Joint Statement. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/> (дата обращения: 01.10.2021).
20. Snyder Scott A. How South Korea's Foreign Policy Could Change Under the New President // Council on Foreign relations. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/south-korea-election-new-president-yoon-foreign-policy> (дата обращения: 01.12.2021).
21. Толорая Г.Д. Что ждет Корейский полуостров после Олимпиады? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-zhdet-koreyskiy-poluostrov-posle-olimpiady/> (дата обращения: 01.12.2022).
22. Лексютина Я.В. «Китайская мечта» или «американский кошмар»: к чему пришли американо-китайские отношения за три десятилетия // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 2. С. 12-30.
23. Асмолов К. Южная Корея между США и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. №26. С. 227-241.
24. Пугачева О., Пятачкова А. Политика Южной Кореи в отношении китайской инициативы "Пояс и Путь" // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 81-90.
25. The Truth About South Korea's TPP Shift. URL: <https://thediplomat.com/2015/10/the-truth-about-south-koreas-tpp-shift/> (дата обращения: 01.02.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена интересному и актуальному кейсу - столкновению интересов ведущих мировых лидеров на Корейском полуострове. Вопрос относится к проблематике современных международных отношений и международной безопасности.

Непонятна цель статьи. Это не ясно как из введения, так и самого текста, представляющего собой мозаику разрозненных данных.

Статья теоретически не фундирована. Описывается концепция "геополитического кода", но дальше это никак не применяется. С заключительными выводами это никак не связано. Работа теряет теоретическое значение.

Некоторые фразы не несут смысла, спорны или сформулированы некорректно.

Например:

- "Географическое положение и соседство с КНДР усиливает интерес к Республике Корея со стороны США и Китая, ведущих борьбу за влияние не только в Азиатском регионе, но и по всему миру." (это все причины актуализации борьбы за влияние со стороны США и КНР?)

- "В результате, на сегодняшний день Республика Корея – это государство, расположенное в Восточной Азии на Корейском полуострове" (а на завтрашний день может быть по-другому?)

- "КНДР продолжили расширять баллистические ракетные подразделения" (??? непонятная фраза)
- сериал называется "Игра В кальмара"
- "масштаб Республики Корея на данный момент региональный" (имеется в виду, что это региональная держава? так ли это? или что означает эта фраза?)
- "обещания отхода" (стиль, таких "огрех", к сожалению, много)
- млрд пишется без точки в конце
- для русскоязычного читателя следует расшифровать THAAD.

Мягкая сила также является частью "геополитического кода", описываемого автора? Это необходимо дополнительно обосновать, описать.

По тексту много упущений, которые очень важны для понимания связей Кореи с КНР и США. При этом дается беглая оценка связям с Японией и КНДР, хотя это не является задачей статьи.

В разделе, где описываются отношения Кореи и Японии следует упомянуть территориальный спор. Почему РК осталась в стороне от Транстихоокеанского партнерства? Какую позицию она занимает по поводу Пояса и Пути? Как это отражается на отношениях с США и Китаем? Есть ли расхождение интересов у Кореи с США и КНР по поводу межкорейских отношений и ядерной программы КНДР? Эти и другие очень важные сюжеты остались вне анализа.

Статья не совсем логична, упускает много важных данных, слаба с точки зрения анализа, не содержит новых выводов, гипотез, интересных аналитических конструкций.

Автор не опирается на авторитетных авторов по теме (Торкунов, Толорая, Ланцова и т.д.)

В связи с вышесказанным, представляется, что статья не может быть опубликована в научном журнале и требует фундаментальной переработки, теоретической базы и структуризации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

1. Тема статьи «Современное геополитическое положение Республики Корея: на стыке интересов США и КНР» (далее - Произведение) актуальна и релевантна специализации журнала Конфликтология / nota bene (далее - Журнал).

2. Содержание Произведения полностью соответствует заявленной в названии теме. Подробно точно и ясно изложены предмет, задачи, методология и основные результаты исследования. Поставленная во введении задача «выявление современных внешнеполитических приоритетов Республики Корея (РК) с учетом фактора ее особенного геополитического положения», решена посредством концепции геополитического кода. Выбор методологии исследования полностью оправдан.

3. Качество выводов и научной аргументации в Произведении соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Несомненна научная новизна Произведения в связи с усиливающейся геополитической напряженностью в регионе, обусловленной, в т.ч., противостоянием США и КНР. Основные тезисы и выводы базируются на скрупулезно приводимых автором данных и солидных источниках за авторством признанных специалистов по теме исследования. Значимость, логичность, обоснованность, достоверность выводов подтверждена современным и объемным ссылочным аппаратом.

4. В Произведении дается историческая ретроспектива формирования геополитического кода РК, подробный анализ текущего состояния и степень исследования проблемы, анализ и критика полученных результатов с апелляцией к оппонентам. В заключении автор Произведения дает развернутые, обоснованные выводы, значимость которых соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет освещение в Произведении поиска РК баланса во внешних отношениях между США как союзником и КНР как важным торговым партнером.

5. Научная литература и источники, использованные автором Произведения, с точки зрения их релевантности, полностью соответствуют проблематике исследования, актуальности, и достаточны для решения поставленных в Произведении задач. Библиографический список состоит из 25 источников на русском, английском и корейском языках, среди которых достаточный объем современных рецензируемых научных источников, и соответствует требованиям Журнала.

6. Оформление работы полностью соответствует требованиям, предъявляемым к подготовке академических журнальных статей: присутствуют все необходимые структурные элементы, а именно, посвященные актуальности темы исследования, анализу состояния вопроса, постановке решаемой задачи, методике исследования, полученным результатам, критическому анализу результатов, выводам. Объем текста соответствует требованиям Журнала и достаточен для реализации заявленной цели.

Стиль изложения Произведения академический, лингвостилистические характеристики научные, текст информационно насыщенный. Оформление текста, ссылочного аппарата и библиографического списка соответствует требованиям Журнала.

При всех достоинствах Произведения, в тексте присутствуют недочеты, в общем, не влияющие на общий высокий уровень Произведения. А именно:

- в тексте имеются повторы: «история формирования союзнических отношений между РК и США возвращает нас к событиям уже далекого прошлого: в 1953 г. произошло подписание послевоенного Договора о безопасности 1953 г...», «при этом важно отметить, ЧТО с течением времени, благодаря постепенному укреплению южнокорейской экономики, ЧТО позволило претендовать на большую автономию в альянсе с США...»;
- оформление требуется привести к единому стилю: «2008 года» и «2010 г.»
- не везде при упоминании в тексте политических деятелей (президентов и т.п.), указываются годы нахождения у власти: «время президенства Пак Кын Хе предпочтение было отдано...», при администрации Мун Чжэ Ина, выход США из ТТП...», «вопрос присоединения к QUAD ...разгорелся с новой силой с вступлением в должность Юн Сок Ёля». В последнем случае словосочетание «вопрос...разгорелся» неудачное, необходимо заменить формулировку;
- в фразе «под руководством Обамы..» будет полезно указать должность и годы нахождения в должности;
- в некоторых местах не проставлены запятые: «президент Ли Мен Бак опасаясь нарастания антиамериканских настроений», «ярким примером, где на Республику Корея, оказывалось давление со стороны соперничающих государств является развертывание

комплексов противоракетной обороны THAAD...» и др.

Как было указано выше, указанные недочеты не влияют на общий высокий уровень Произведения.

8. Произведение имеет высокую степень научной новизны. Содержание Произведения основано на глубоком и профессиональном научном исследовании на актуальную тему современных внешнеполитических приоритетов Республики Корея «с учетом фактора ее особенного геополитического положения, а именно, нахождения на стыке интересов и соперничества двух мировых великих держав – США и Китая». Результаты исследования имеют несомненную практическую значимость и представляют интерес не только для научного сообщества с точки зрения вклада в развитие науки, но и для широкого круга читателей.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Дианов С.А. — Политологическое образование в образовательной среде передового вуза: ценностно-смысловые основания // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39902 EDN: AEIGEV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39902

Политологическое образование в образовательной среде передового вуза: ценностно-смысловые основания

Дианов Сергей Александрович

доктор исторических наук

профессор, кафедра государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; профессор, кафедра частного права, Пермский институт ФСИН России

614990, Россия, Пермский край, г. Пермь, ул. Комсомольский Проспект, 29

✉ sadianov@gmail.com

[Статья из рубрики "Профилактика конфликта"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39902

EDN:

AEIGEV

Дата направления статьи в редакцию:

05-03-2023

Дата публикации:

30-03-2023

Аннотация: Политологическое образование за последние тридцать лет стало важнейшим элементом гуманитарной сферы российского вуза. При этом в научно-педагогическом сообществе продолжается дискуссия о статусе политологического образования в профессиональной подготовке востребованных для страны специалистов, магистров и преподавателей-исследователей. Один из главных вопросов, постулированных в экспертной среде, заключается в определении роли науки о политике в предупреждении возникновения конфликтных ситуаций в образовательном пространстве вуза на почве «политизации» мировоззренческих позиций участников образовательных отношений. Переход в 2010 – 2020 годах на компетентностную модель реализации основных профессиональных образовательных программ и внедрение проектных технологий в образовательный процесс привели к серьезной трансформации архитектуры образования и воспитания в вузе. В статье приведены аргументы в пользу авторской гипотезы о необходимости внедрения в передовых университетах программ политико-правового просвещения для всех участников образовательного процесса.

Автор приходит к выводу о том, что апробация таких программ позволит качественно обновить содержание просветительской работы педагогов-новаторов и методологически укрепить культуротворческую компоненту в профессиональном мировоззрении обучающихся. Подчёркивается и воспитательная составляющая. В содержании программ должны быть предусмотрены дидактические материалы, содержащие рекомендации по способам оперативного реагирования на типовые конфликтные ситуации по основаниям несовпадения политических ориентаций в молодёжной среде. Материалы, содержащиеся в статье, адресованы аспирантам, молодым специалистам и научным сотрудникам высшей школы.

Ключевые слова:

политологическое образование, социализация молодёжи, образовательная среда, университет, конфликтные ситуации, правовое просвещение, личностно-профессиональное развитие, наставничество, профилактика конфликтов, молодёжные группы

Введение. В 1990-е годы в российских образовательных организациях начался процесс формирования системы политологического образования. В это время складывались теоретические, дидактические и методические подходы к обучению школьников и студентов, формированию у них основ политической грамотности и представлений об ответственном гражданском поведении. Осуществляя в трудовую деятельность в МОУ Лицей № 7 г. Перми, мы констатируем состоявшееся внедрение в учебный процесс профильных классов уроков политологии (социальный, художественно-эстетический профили). Кроме основ политических знаний, лицеисты осваивали такие дисциплины, как «Граждановедение» и «Права человека» [\[1\]](#). Поступая в учреждения высшего образования, абитуриент на вступительных экзаменах имел возможность продемонстрировать базовые знания о политической системе общества, владение навыками работы с различными источниками информации. Кроме того, абитуриент имел представления об основных типах конфликтных ситуаций, имеющих политическую природу. Таким образом, процесс адаптации к уровню гуманитарного образования в высшей школе по времени существенно сокращался.

В 2000-е годы в большинстве институтов и университетов учебные планы подготовки специалистов предусматривали обучение по дисциплинам «Политология», «Основы социологии и политологии». На учебных занятиях студенты осваивали комплексы знаний о политических процессах и технологиях, об административно-государственном устройстве страны и формах полезной политической активности гражданина. В пермских вузах, из-за нехватки преподавателей с учёной степенью кандидата политических наук, лекционные и семинарские занятия проводили историки, философы, экономисты, юристы. В торгово-экономических и фармацевтических институтах студентам адресовались дисциплины «Основы социального государства» и «История политических и правовых учений». В рассматриваемый период времени в методику обучения активно внедрялись информационно-компьютерные и мультимедийные технологии. Процессы информатизации обусловили их доступность профессорско-преподавательскому составу [\[2\]](#). Можно констатировать, что в рассматриваемый период времени доминировали целевые установки по созданию условий для реализации процесса политической социализации студентов [\[3\]](#).

Политология в образовательной среде вуза. В начале XXI в. в фокусе внимания преподавателей-практиков оказались отнюдь непростые вопросы о том, из чего должны складываться показатели результативности политологического образования в вузе, и какие моменты следует учитывать при формулировании критериев эффективности методик гражданского-правового просвещения, используемых на занятиях со студентами. Особое внимание обращалось на цели преподавания политологии в студенческой группе. «На занятиях по политологии студенты получают уникальную возможность почувствовать себя носителями определённых социальных знаний, посмотреть на различные жизненные ситуации с разных сторон, поучиться грамотно отстаивать свою позицию», – писала И.Н. Баранова [4, с. 18]. В статье Л.В. Королевой, доцента городского педагогического университета (г. Москва), подчёркивалась важность формирования у обучающихся базовых основ политической грамотности: «Роль политического знания в гуманитарном образовании студентов может заключаться в привитии молодому поколению мысли о том, что «политика - это не только борьба, война одного с другим, да и просто «грязное дело». Но и то, что политика есть лишь форма общения между людьми и государством и от каждого из нас зависит, каким будет это общение» [5, с. 284]. В данном случае подчёркивалось, что в политологическом образовании ключевое значение имеет воспитательная компонента. В правоохранительных вузах России ведущие исследователи также подчёркивали особую значимость преподавания политологии и других смежных дисциплин для курсантов. Так В.Ю. Бельский и А.Н. Сацуга высказали мнение, что политология является не просто одной из многих гуманитарных и социально-экономических учебных дисциплин. Её теоретико-методологическое, образовательное, воспитательное и практическое-прикладное значение «сегодня не подвергается сомнению, как за рубежом, так и в России» [6, с. 212]. При этом исследователи уже обратили внимание на то обстоятельство, что само по себе наличие практики преподавания в вузе политологии отнюдь не свидетельствовало об органичном включении обучающихся в процесс политической социализации. В 2010-е гг. проводились специальные исследования степени вовлеченности студентов в различные формы аудиторной и внеаудиторной работы.

В 2010 г. Н.С. Мари, основываясь на результатах проведённого социологического исследования в Курганском государственном университете, выдвинула гипотезу, согласно которой большинство студентов данного вуза, посещающие занятия по политологии демонстрировали «слабую заинтересованность в изучении политических наук» по причине своего разочарования как в качестве преподавания, так и в степени интересности и полезности науки. Главная причина виделась в применении на учебных занятиях «педагогически неадаптированной политической идеологии, которая лишь декларирует превращение учащегося в субъект воспитания» [7, с. 94]. В свою очередь можно предположить, что причины такого явления возникали вследствие использования преподавателями преимущественно традиционных методов обучения, которые скорее всего подавляли искренние желания студентов к соучастию в обсуждениях политической событийности новейшего времени.

Положительно оцениваем проявившуюся в среде педагогов-новаторов тех лет тенденцию признания политологии как «живой», органичной учебной дисциплины [8]. В настоящее время многие участники образовательного процесса осознают важность отказа от практики «схоластического теоретизирования» [9]. В случае, когда руководители структурных подразделений университета отводят политическим наукам только роль ознакомления обучающихся с общей картиной политических процессов, протекающих в России и за рубежом, это неизбежно приводит к «нулевому» результату в деле политико-

правовой социализации молодёжи. Отсутствие на учебном занятии приёмов и средств развития критического мышления не только обнуляет результативность обучения, но мотивирует студентов искать альтернативные пути для своего гражданского политического просвещения. Погружаясь в массовые медиа, молодой человек не всегда подвергает различные новостные сообщения фильтрации на предмет их достоверности. Соответственно студент может и не осознавать те высокие риски, с которыми он сталкивался в социальных сетях при демонстрации личностных оценок даже в шуточной форме.

Политическое и правовое просвещение: из авторского опыта. Процессы политической социализации, конечно, включают не только политическое, но и правовое просвещение, правовую грамотность обучающихся вуза. Имея в виду данное обстоятельство, следует признать успешность применения в 2000-х гг. в образовательной среде российских вузов ряда мер по повышению уровня правового сознания, воспитания у студентов непримиримого отношения к формам делинквентного поведения. В учебные планы образовательных институций включались и новые учебные дисциплины: «Образовательное право», «Нормативно-правовое обеспечение образования» [\[10\]](#). Освоение дисциплин синхронно с изучением курса «Правоведение», безусловно, закладывало в мировоззрение учащейся молодёжи сумму представлений о социальном портрете выпускника вуза. Факторы результативности правового просвещения и его прямой связи с политическим просветительством не составляло особого труда определить по следующим параметрам:

- факты применения студентами индивидуально или в группе действий по восстановлению своих нарушенных прав (со стороны администрации вуза, педагогов и других лиц);
- разрешение конфликтных ситуаций при участии субъектов системы студенческого самоуправления;
- виды и формы участия студентов в профсоюзном движении, в студенческом самоуправлении, членство в правозащитных организациях;
- количество выявленных фактов участия студентов конкретного вуза в несанкционированных митингах, пикетах, акциях протеста;
- факты совершения резонансных преступлений студентами вуза, и др.

Считаем вполне уместным кратко описать результаты авторского опыта преподавания дисциплины «Нормативно-правовое обеспечение образования» у студентов Пермского государственного педагогического университета [\[11\]](#). Анализ проведённых лекционных и практических занятий позволил убедиться в востребованности у студентов правовых знаний о той сфере, где им предстояло в будущем осуществлять свою профессиональную деятельность. Студенты осознавали недостаточность овладения только теоретическими знаниями по педагогике и методике преподавания своего предмета (истории, литературе, русскому языку, иностранному языку). На стадии же педагогической практики в общеобразовательной организации они сталкивались с вопросами правового регулирования образовательных отношений. Не секрет, что в школе перед учителем-стажёром возникают проблемы правового порядка (конфликтные ситуации), а отсутствие знания, а главное понимания технологий их разрешения влекут негативные последствия. Посещая пробные уроки обществознания в роли наставника, мы нередко становились свидетелями слабого владения практикантами умениями оперативно и грамотно

реагировать на вопросы учащихся, касающихся политической повестки дня. Особенную трудность вызывали у стажёров вполне ожидаемые вопросы от учащихся 9 и 10 классов о характерных чертах типов поведения политических лидеров России и зарубежных стран. Смущение вызывали и вопросы об уровне «демократичности» политического режима в РФ. В данном случае можно было констатировать недостаточным уровень политического просвещения у молодых педагогов. Соответственно, обновление рабочей программы дисциплины «Нормативно-правовое обеспечение образования» производилось оперативно, исходя из выявленных проблем.

Трансформация политологического образования в 2010-е годы. Введение в 2010 – 2020-х годах новых федеральных государственных образовательных стандартов, переход на компетентностную модель реализации основных профессиональных образовательных программ, внедрение проектных технологий в образовательный процесс привели к серьёзной трансформации архитектуры социогуманитарного образования в вузе. На данном этапе особенно высокую динамику введения новаций демонстрировали вузы нового типа – федеральные университеты и национальные исследовательские университеты. Ряд инженерных вузов в довольно быстрые сроки получил статус «научно-исследовательского». Причём, именно в технических университетах в 2010-е годы можно было наблюдать ситуацию резкого сокращения преподаваемых на инженерных специальностях социальных и гуманитарных дисциплин, включая политологию и культурологию. Не считаем резонансным наш вывод о том, что, в сущности, комплексы политических и политико-правовых знаний оказались на периферии профессиональных образовательных маршрутов обучающихся. Общеизвестны факты закрытия кафедр культурологии в ряде российских национальных исследовательских университетов. Заметим, что эти кафедры вели большую просветительскую работу.

В то же самое время Российская Федерация столкнулась с целым рядом геополитических вызовов, которые несли реальную угрозу суверенному устройству страны. Объектом противоправных действий со стороны недружественных зарубежных государственных и негосударственных организаций является и российское студенческое сообщество. Сегодня отсутствие действенных механизмов политического просвещения особенно остро ощущается в тех инженерных вузах страны, где студенты получают профессиональное образование и специальности, имеющие стратегическое значение для России. Несмотря на это, вплоть до недавнего времени во многих вузах в регионах РФ задачи политического просвещения студенчества возлагались преимущественно на равнодушных педагогов, которые погружаясь в нюансы подобной деятельности при этом не имели профильного образования и управленческого опыта.

Последние инициативы Минобрнауки России об утверждении Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей логично признать предварительным шагом к «перезагрузке» не только сферы вузовского гуманитарного образования, но и к созданию новой системы политического просвещения. «Во все времена университеты ставили перед собой задачу подготовить патриотически настроенных граждан своей страны, людей думающих, с широким кругозором и навыками критического мышления», – с такими словами дал старт реализации концепции В.Н. Фальков [\[12\]](#). В этом же ключе следует рассматривать и инициативу по подготовке силами профессионального экспертного сообщества проекта содержания учебной дисциплины «Основы российской государственности». Введение курса предполагается уже с 1 сентября 2023 г. на факультетах общественных наук [\[13\]](#). Считаем необходимым не только поддержать данную инициативу, но и призывать к её апробации в национальных исследовательских вузах, прежде всего, инженерно-технического профиля.

В настоящее время очевидна востребованность в возвращении в учебные планы подготовки инженерных специальностей политических и смежных дисциплин. Не менее важной задачей следует признать введение в практики обучения дисциплины «Нормативно-правовое обеспечение профильного образования» для будущих инженеров, строителей и промышленных дизайнеров. Содержание уже существующих в учебных планах курсов «Введение в специальность» целесообразнее всего интегрировать в качестве базового модуля к данной учебной дисциплине.

При развёртывании системы политологического образования и правового просвещения в современном российском университете необходимо учитывать следующие моменты:

- 1) политико-правовое просветительство адресовано не только студентам, но и всем участникам образовательного процесса в вузе, включая преподавателей и научных сотрудников;
- 2) методики и техники политического просвещения должны быть интегрированы в программы политико-правового просвещения для всех участников образовательного процесса;
- 3) в структуре содержания такой программы должны быть предусмотрены и дидактические материалы, включающие рекомендации по способам оперативного реагирования на типовые конфликтные ситуации по основаниям несовпадения политических ориентаций в молодёжной среде;
- 4) особое внимание следует уделять формам и техникам политического просвещения в отношении иностранных студентов, а также приглашённых иностранных научно-педагогических работников;
- 5) в рамках системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей представляется важным наладить проведение на регулярной основе тематических курсов, связанных с вопросами политического просвещения и гражданского воспитания;
- 6) в федеральных и национальных исследовательских вузах необходимо приветствовать и оказывать меры поддержки устремлениям молодых преподавателей к повышению уровня профессиональной культуры и личностного развития в рамках обучения по программам аспирантуры (программы «Государственное и муниципальное управление», «Государственное управление и отраслевые политики», «Политические институты, процессы, технологии», «Международные отношения»);
- 7) научным сотрудникам передовых вузов рекомендуется сосредоточить на исследованиях проблем проектного управления в государственном и муниципальном (публичном) секторах, разрабатывать проектные предложения по совершенствованию данной сферы.

Заключение. Подчеркнём исключительную важность обсуждения данной проблематики на научных конференциях, общественных форумах и молодёжных слётах. Российскую молодёжь необходимо просвещать, используя площадки образовательных организаций высшего образования. Мы разделяем точку зрения доктора политических наук С.А. Шестакова, которые ещё в 2017 г. справедливо писал: «Политическое сознание молодого поколения – это вакуум. Сейчас – наиболее опасный период, представляющий собой идеологическую лакуну, которую легко заполнить любым контентом. Необходимо, в конце концов, назвать вещи своими именами и воссоздать название рассматриваемой

сферы деятельности: система политического просвещения» [14]. В ситуации глобального вызова в каждом передовом российском вузе, независимо от его профиля, должна внедряться эффективно действующая программа политологического образования и правового просвещения. Выразим уверенность в том, что инициативу передовых федеральных и национальных исследовательских вузов поддержат все участники образовательных отношений.

Библиография

1. Права человека: Учебно-методический комплекс / Под ред. А.Б. Суслова. Пермь, 2005. 54 с.
2. Субботин А.В., Безрукова Е.Ю., Поздняков И.В. Современные образовательные технологии в ВУЗе на базе аудиовизуальных, мультимедийных и интерактивных технологий: учебный ситуационный центр как один из эффективных инструментов подготовки специалистов // Новые образовательные технологии в вузе: Пятая междунар. научно-методическая конференция, 4-6 февраля 2008 г.: сб. тез. докл.: Ч. 2. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2008. С. 424–430.
3. Назарова Р.Ф., Кокамбо Ю.Д. Политическое сознание и политическая социализация студенческой молодёжи: тенденции и особенности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 40. С. 12–14.
4. Баранова И.Н. Противоречия современной политологии и процесс преподавания // Альманах современной науки и образования. 2009. № 10 (29). Ч. 1. С. 18–19.
5. Королева Л.В. Роль политического знания в гуманитарном образовании студентов вузов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 5. С. 284–286.
6. Бельский В.Ю., Сацуга А.И. Преподавание и изучение политологии как фактор формирования общекультурных компетенций сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 212–216.
7. Мари Н.С. Некоторые особенности политической социализации студентов в высшем учебном заведении (опыт социологического исследования) // Всероссийский журнал научных публикаций. 2010. № 1 (ноябрь). С. 93–96.
8. Земляков Л.Е., Бондарь Ю.П. Политическая наука и образование в Республике Беларусь // Проблемы управления. 2008. № 3. С. 129–135.
9. Ковалев В.А. Политология в провинциальном вузе (российские проблемы и политические сюжеты) // Россия и современный мир. 2005. № 4 (49). С. 116–131.
10. Ягофаров Д.А. Нормативно-правовое обеспечение образования. Правовое регулирование системы образования: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 2008. 399 с.
11. Образовательное право: учебно-методическое пособие / Авт.-сост.: С.А. Дианов. Пермь: ПГПУ, 2010. 120 с.
12. В Минобрнауки России утвердили Концепцию преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки // Официальный интернет-портал Минобрнауки России. 2 февраля 2023 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63748/> (дата обращения: 22.02.2023).
13. Мухаметшина Е. Основам российской государственности студентов начнут учить с сентября 2023 года // Ведомости. 2023. 10 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/10/962445-osnovam-rossiiskoi-gosudarstvennosti-nachnut-uchit-s-sentyabrya> (дата обращения: 22.02.2023).

14. Шестаков С.А. Проблемы политического просвещения сотрудников органов внутренних на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3 (41). С. 177–182.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Политологическое образование в образовательной среде передового вуза: ценностно-смысловые основания».

Предмет исследования. Предмет исследования в работе не обозначен, но работа посвящена рассмотрению опыта политологического образования в образовательной среде высшего учебного заведения. В целом, можно отметить, что предмет в работе раскрыт частично. Исследования, как такого, в работе описано не было.

Методология исследования. В рецензируемой работе представлена характеристика результатов исследований и опыта работы в плане внедрения политологического образования в вузы.

Актуальность исследования не вызывает сомнения. Автор обосновывается актуальность с позиции необходимости формирования системы политологического образования.

Научная новизна в работе не обозначена. Автор проанализировал опыт работы вузов, особенности разворачивания системы политологического образования и правового просвещения в современном российском университете. Это позволило автору выделить следующие важные моменты:

- политико-правовое просветительство адресовано всем участникам образовательного процесса (студентам, преподавателям и научным сотрудникам);
- методики и техники политического просвещения должны быть интегрированы в программы политико-правового просвещения для всех участников образовательного процесса;
- в структуре содержания программы должны предусматриваться и дидактические материалы, включающие рекомендации по способам оперативного реагирования на типовые конфликтные ситуации по основаниям несовпадения политических ориентаций в молодёжной среде;
- важно внимание уделять формам и техникам политического просвещения в отношении иностранных студентов, а также приглашённых иностранных научно-педагогических работников;
- в рамках системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей представляется важным наладить проведение на регулярной основе тематических курсов, связанных с вопросами политического просвещения и гражданского воспитания;
- в федеральных и национальных исследовательских вузах необходимо приветствовать и оказывать меры поддержки устремлениям молодых преподавателей к повышению уровня профессиональной культуры и личностного развития в рамках обучения по программам аспирантуры;

научным сотрудникам передовых вузов рекомендуется сосредоточить на исследованиях проблем проектного управления в государственном и муниципальном (публичном) секторах, разрабатывать проектные предложения по совершенствованию данной сферы. Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный.

Структура работы прослеживается. Во введении представлено описание актуальности исследования, а также небольшой исторический экскурс процесса формирования системы политологического образования. Во втором разделе «Политология в образовательной среде вуза» представлены положения специалистов и результаты исследований, которые были проведены учеными. В третьем разделе «Политическое и правовое просвещение: из авторского опыта» были рассмотрены параметры результативности правового просвещения и его прямую связь с политическим просветительством. Следующий раздел касается рассмотрения трансформации политологического образования в 2010 года. Заканчивается работа кратким выводом.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 14 отечественных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, научно-исследовательские статьи, но также включены учебно-методический комплекс, учебное и учебно-методическое пособия, интернет-источники и газетные статьи. Источники информации оформлены корректно.

Апелляция к оппонентам.

Поставленные автором цель и задачи реализованы частично. Рекомендуется:

- более подробно описать результаты исследования, выделить количественные значения, а также закономерности и взаимосвязи;
- более полно описать мероприятия в рамках перспективных направлений развития политологического образования на всех уровнях вузовского образования;
- выводы прописать более подробно, уделив внимание научной новизне проведенного исследования.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью, будет интересна исследователям. Работа может быть рекомендована к опубликованию.

Conflict Studies / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Brambila Martinez F. — A Federalism-Based Comparative Analysis to Diminish National Security Threats in Contemporary Policy Transfer // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39642 EDN: KPDIRN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39642

A Federalism-Based Comparative Analysis to Diminish National Security Threats in Contemporary Policy Transfer / Сравнительный анализ федеративных систем как цель предотвращения угроз национальной безопасности при проведении политики заимствования государственных реформ

Брамбила Мартинес Франсиско Хавьер

аспирант, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

119571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 82

✉ francisco.brambila@mail.ru

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39642

EDN:

KPDIRN

Дата направления статьи в редакцию:

20-01-2023

Аннотация: В этой статье рассматривается источник угроз национальной безопасности, заложенный в современных процессах заимствования государственных реформ. Предметом этого исследования являются процессы политического трансфера, связанные с НПО и международными организациями. Цель этой работы состоит в разработке четких механизмов, которые будут применяться государством на всех этапах заимствования реформ, исключая деятельность внешних организаций для ослабления угрозы национальной безопасности. Сначала анализируется мировой спрос на знания в соответствии с подходом Доловица-Марша для рассмотрения роли НПО и других международных организаций, участвующих в современных процессах политического трансфера. Автор анализирует концепцию методологического национализма Стоуна. После оценки результатов проведенных политических реформ на соответствие международным стандартам рассматривается степень политического вмешательства и методы его сокращения. Делается вывод о том, что НПО и международные организации могут вносить свой вклад в производство знаний, однако их отношения с государством

обычно выходят за рамки их деятельности, что впоследствии увеличивает риски для национальной безопасности из-за их бесконтрольного и безотчетного влияния. Для достижения поставленной цели исследования данная статья предоставляет новый механизм политического трансфера, основанный на сравнительном анализе федеративных систем с помощью изучения многомерных данных. Автор приходит к выводу о необходимости ограничения деятельности внешних организаций в процессах заимствования государственных реформ и предлагает предпринять ряд практических шагов. Таким образом, государство будет оставаться взаимосвязанным с глобальными источниками информации и процессами, сохраняя при этом свой суверенитет в современных условиях.

Ключевые слова:

Международные организации, Производство знаний, Глобальное управление, Транснациональное администрирование, Эффективность работы правительства, Глобализация, Подотчетность правительства, Национальная безопасность, Негосударственные организации, Международное право

The national security implications of policy transfer

As policy makers increasingly rely on policy transfer amid great competition, there is a large demand for information in the fields of political science and international studies Dolowitz and Marsh (2000). Policy transfer is not a new phenomenon, however the globalized world has changed its fundamental dynamics. On the basis of Parson's (1996) definition of a global space in which transnational corporations and institutions have displaced the state in different ways, technological advances allowed policy-makers to communicate with each other at greater speeds (Hadjiisky, Pal & Walker, 2017). Subjecting countries to similar conditions and expanding the amount of information available leads policy-makers to look to other political systems for knowledge and ideas regarding institutions, programs and policies to increase the capacity of their own states (Dolowitz & Marsh, 2000).

The appearance of a global consensus in the aftermath of the Cold War led to the designation of policies as carriers of best practices, whose transfer would be curated by diverse international organizations regardless of their various contextual conditions that originally defined their purpose and outcomes (Peck, 2011). However, the negative outcomes of the Washington Consensus led to significant transformations of global policy development characterized by constant experimentation and corrections (Rodrick, 2006).

Under this framework, transferred policies are directed to a specific field through the coordination and combination of resources on a horizontal level (Peck, 2011). Trans-governmental networks of government agencies operate with substantial autonomy within focused policy areas, combining expertise, exchanging information, implementing agreements and often generating operational agreements (Nay, 2014). The transnational nature of this setting involves non-estate / governmental organizations, private sector firms and associations, epistemic communities in both policy development and administration within different realms of non-state regulation (Woods, 2006).

Contemporary policy transfer practices carry a wide array of national security implications, as there is an increasing tendency for the rise, influence and role of NGOs in global politics directly related to networking, organizing social movement organizations as well as the

diverse mechanisms of accountability and legitimacy. Diverse approaches are used to diminish national security threats in this context, for example, Stone (2004) refers to methodological nationalism by adapting measures to avoid bias through an analytical approach and performance.

A federalism-based comparative analysis applied to policy transfer

Along the guidelines of methodological nationalism, this exercise proposes a new approach to policy transfer in the absence of policy brokers in the form NGO to diminish the threats to national security.

This new form of policy transfer is proposed for developing nations to enhance their state capacity according to dedicated mechanisms and goals in absence of direct institutional reforms and societal changes beyond a determined political dimension in a medium to long term basis. Regional powers are incentivized to embrace this new form of policy transfer methods by interregional competition and shared goals.

As the new approach to policy transfer relies on a comprehensive assessment of the local conditions during the processes of selection, adaptation and implementation of transferred policies, a dedicated method to source and classify a wide array of data and information is required. Considering that a contextual assessment of nations should consider multiple conditions that range from the general composition of state to the type, hierarchy and interactions of its elements, the required information can be obtained through existing studies on the peculiarities of different federal systems with emphasis on legal, economic and budgetary considerations.

The performance of determined policies can be analyzed through comparative studies in order to complement the contextual review of nations on the basis of their federal systems. The main causes for the success and failure of determined policies can be determined by the extrapolation of multidimensional data provided by this framework, while different hypothesis can be made around the outcomes of potential changes to aid the policy transfer process.

A multidimensional comparison of federal systems to be applied to the policy transfer process follows three steps. First, selected nations are compared according to common transferred policies of a specific historic period. Second, nations with different political systems that share common features such as geographic conditions to population size with one or many similar economic indicators are selected. Third, the influence of transferred policies determining the role of nations in a global order is analyzed.

A comparative analysis is proposed according to the peculiarities of federal systems and a wide array of economic performance indicators. For the first section general comparisons between both political systems are made with an emphasis on the federal and presidential systems and the overall structure of the country in terms of power distribution among federal subjects and regions. Special attention is made towards the general constitutional framework as to the context and amendments according to transferred policies in both nations.

For the second section economic performance indicators are analyzed by a wide array of metrics, including to their complexity and government actions. A further review of political and economic conditions is made by analyzing territorial and demographic considerations, the distribution of economic power by cities, wealth and productivity as well as in relation to other cities worldwide with similar indicators. Lastly, detailed comparisons between both

nations are made on the basis of administrative divisions through which the population development and productivity of federal subjects and regions are analyzed and compared. In order to further assess the impact of transferred policies, the evolution of the HDI index, the GINI coefficient and the GDP PPP per capita are analyzed.

General conclusions

As a general conclusion, this essay agrees on the effectivity of Stone's nationalization of policy results for its emphasis on careful domestic analysis along performance-based tools derived from policy transfer according to international standards and trends. However, to diminish the threats of political interference in the context of national security, a federalism-based comparative analysis to be integrated in the policy transfer process is suggested. This method involves available data to reduce the load on government entities and decreasing the participation of external entities amid a wide array of national security implications. The universality of this model is achieved by its assessment of governmental processes according to the national interest while remaining interconnected to global sources of information and processes that prevent the isolation of the state in a contemporary setting, for what multiple iterations can be applied to a wide array of nations regarding their different levels of development.

Библиография

1. Dolowitz D. P., Marsh D. Learning from abroad: The role of policy transfer in contemporary policy-making. *Governance*, 13(1), 2000-5-25 pp.
2. Hadjiisky M., Pal L., Walker C. Public Policy Transfer: Micro-Dynamics and Macro-Effects. Cheltenham, 2017-12-35 pp.
3. Peck J. Global policy models, globalizing poverty management: International convergence of fast-policy integration? *Geography Compass*, 5(4), 2011-165-181 pp.
4. Woods N. The Globalizers: The IMF, the World Bank, and their Borrowers. Cornell University Press, Ithaca, 2006-22-35 pp.
5. Rodrik D. Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: Learning from a decade of reform. *Journal of Economic Literature*, 44(4), 2006-973-987 pp.
6. Pal L. Standard-setting and international peer review: The OECD as a Transnational Policy Actor. In Diane Stone and Kim Moloney, Oxford University Press, 2017-12-33 pp.
7. Nay O. International organisations and the production of hegemonic knowledge: How the World Bank and the OECD helped invent the Fragile State concept. *Third World Quarterly*, 35(2), 2014-210-231 pp.
8. Stone D. Transfer agents and global networks in the "transnationalization" of policy. *Journal of European Public Policy*, 11(3), 2004-545-566 pp

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Не секрет, что на современном этапе не только различные специалисты – политологи, социологи, экономисты, – но и простые наблюдатели отмечают серьезное обострение международных отношений, что помимо прочего приводит и к разрастанию угроз национальной безопасности. В самом деле, расширение зон локальных конфликтов,

усиление деятельности террористических и экстремистских организаций ведет к росту напряженности в различных регионах мира. Напомним, однако, что понятие национальная безопасность достаточно широкое: это «совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учётом имеющихся ресурсов и возможностей». Способы снижения угроз национальной безопасности достаточно противоречивы, вследствие чего представляется важным изучить влияние различных акторов в данном направлении.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является возможность использования современного опыта различных политических систем национальными государствами. Автор ставит своими задачами показать роль транснациональных корпораций и институтов в транснационализации политики, рассмотреть способы уменьшения угроз политического вмешательства в контексте обеспечения национальной безопасности.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе автор также применяет сравнительный метод. В своем исследовании автор опирается на подход Д. Стоун с идеями «методологического национализма», в рамках которого «национальное государство является естественной социальной и политической формой современного мира».

Научная новизна статьи заключается самой постановкой темы: автор стремится охарактеризовать последствия транснационализации политики для национальной безопасности.

Рассматривая библиографический список статьи в качестве позитивного момента отметим привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Список литературы не слишком обширен (8 источников), однако в целом отвечает требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Д. Родрика, Н. Вудса, О. Нэя и, особенно, Д. Стоун, в центре внимания которых различные аспекты участия внешних организаций в условиях становления глобального мира. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению поставленных задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как глобализацией, в целом, так и обеспечением национальной безопасности государств в условиях транснационализации политики. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что для современного мира характерна передача политического опыта, в том числе развивающимся государствам. Автор подчеркивает, что появление глобального консенсуса после окончания «холодной войны» привело к тому, что опыт определенных политических систем должен транслироваться различными международными организациями независимо от целей и результатов. В этой связи

представляется важным как указывает автор минимизировать влияние в этом процессе различных НКО, которые в целом могут угрожать национальной безопасности государств. Изучение местных условий вызывает потребность в сравнительном анализ политических институтов, методику которых и предлагает автор рецензируемой статьи. Главным выводом статьи является то, что автор в целом соглашается с позицией Д. Стоун, ставя своей целью уменьшить угрозы политического вмешательства в контексте национальной безопасности.

Представленная на рецензирование статьи посвящена актуальной теме, написана на английском языке, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках политологических исследований.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Conflict Studies / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Brambila Martinez F. — Conflict Prevention in the Framework of Contemporary Government Procedures and International Cooperation // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39606 EDN: KPFKCH
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39606

Conflict Prevention in the Framework of Contemporary Government Procedures and International Cooperation / Предотвращение конфликтов в рамках современных правительственных процедур и международного сотрудничества

Брамбила Мартинес Франсиско Хавьер

аспирант, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы

119571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 82

✉ francisco.brambila@mail.ru

[Статья из рубрики "Теория, история и методология конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39606

EDN:

KPFKCH

Дата направления статьи в редакцию:

13-01-2023

Аннотация: В этой статье рассматриваются основные функции и взаимодействия государства с различными заинтересованными сторонами на международном уровне, чтобы выявить причины возникновения конфликтов в современных условиях. Предметом данного исследования является оценка потенциала государства и результатов его управления, на которые в значительной степени влияет процесс глобализации и его последствия в предотвращении конфликтов. Цель состоит в поиске возможных решений современной дилеммы «потенциал-суверенитет» в рамках отношений государства с международными политическими посредниками, чтобы защитить свои функции от иностранного вмешательства и угроз, не подрывая своего международного участия и роста. Формулируются основные определения и характеристики государственного управления для выявления его особенностей и пределов в отношении предотвращения конфликтов. Взаимодействие государства с широким кругом заинтересованных лиц на международном уровне анализируется для оценки результатов такой деятельности и ее влияния на руководство и потенциал государства. Рассматриваются возможности международных политических посредников представлять национальные интересы, и

ставится под вопрос легитимность подобных действий в рамках международного сотрудничества. Для достижения поставленной исследовательской цели автор рассматривает основные функции государства при взаимодействии с международными посредниками. Чтобы создать необходимые условия для предотвращения конфликтов, в этой работе рекомендуется разработать гибкие правительственные процедуры для обеспечения независимой деятельности государства, поскольку беспрепятственное сотрудничество будет осуществляться во всех областях. Эта статья предоставляет теоретическую основу, применимую к широкому кругу современных стран, для поддержки изучения и разработки специальных механизмов в области предотвращения конфликтов путем рассмотрения элементарных процессов государства, а не анализа конкретных конфликтов и их причин.

Ключевые слова:

Разрешение конфликтов, Управление, Глобализация, Международное сотрудничество, Потенциал государства, Международное развитие, Глобальные игроки, Регулирование, Правительственные процессы, Суверенитет

Governance

To understand how and to which extent does international cooperation in the contemporary era diminishes conflicts, is necessary to review the functions of governance as well as its relationship to the context and external forces. Governance is assessed by government performance, measured according to the input and output ratio of the state (Rotberg and Boardman, 2014), state capacity is measured by the operations of the government with emphasis on bureaucratic procedures and their degree of autonomy from political forces (Fukuyama, 2013). Hold and Manning (2014) however claim that upstream bodies at the center of the government operate however differently than downstream delivery mechanisms as they may provide, administer and fund services under specific policies directions while retaining a degree of autonomy from political control while boosting the performance of the state. Notwithstanding, to assess the performance of the state comprehensively in the context of conflict prevention, is necessary to consider a set of boundaries and rules relative to role of the nation in a global order composed by multidimensional actors and processes. Coleman (2012) claims that the interdependence of states takes place in the form of economic globalization and the movement of capital across nations, thereafter for nations to protect their internal sovereignty according to their territorial foundation, states had to increase their policy-making focus to a global level. The concept of interdependence sovereignty is introduced by Stone and Ladi (2015) in the context of Global Public Policy as the willingness and capacity of governments to control the flows of goods, capital and people in and out of a determined nation as it fails the challenges and constrains of Globalization.

Globalization

According to the previous definitions, we can understand Globalization as a two-dimensional concept that encompasses cross-border trade to international regulations as well as driving force for international cooperation between one state and a number of international stakeholders by virtue of agreements and other interactions. Coleman's (2012) globalization definition combines the processes that involve state and non-state actors in a global geographical extension that lead to a transformative growth of connections. This definition

however rises a numerous questions regarding both the responsible authority as well as the content and regulating mechanisms of said interactions. Stone and Ladi (2015) propose a framework to regulate these interactions under the term transnational administration, in which the regulation, management and implementation of global policies of a public nature take place by both private and public actors operating beyond the boundaries and jurisdictions of the state, but often in areas beneath the global level. The authors propose the combination of globalization with governance in the form of public policy, in which a set of over set of overlapping but disjointed processes of public-private deliberation and cooperation among both official state-based and international organizations and non-state actors take place in a wide array of issues that range from boosting trade to resolving conflicts.

International cooperation

According to these definitions, is possible to assess international cooperation under a global public policy framework as a multidimensional area in which a wide array of stakeholders interact on different levels, whose coordination would only be achieved by international policy brokers to channel and deliver policy directions (Peck, 2015). Questions arise however on the capacity and legitimacy of international policy brokers on covering international multidisciplinary paradigms specially in the context of conflict prevention, as well as to their functions aimed at substitution key actions of states and supranational organizations accordingly. This issue is exacerbated by the areas free from intergovernmental regulation in which non-state actors dominate (Bernstein and Cashore, 2007), Abbot (2014) claims states that a significant amount of international cooperation is carried through dedicated interactions in the form of decentralized entities rather than through national governments as such. The extent and influence of international policy brokers in relation to states remains however diminished under the argument that states hold the monopoly of law and force that allows them to retain the exclusive rights to carry specific policies according to varying political objectives as well as to convey their interests in the international community with particular power. Furthermore, is necessary to note the nature and goals of international policy brokers in two groups, those who belong to the category of semi-autonomous agencies as well as those of trans-governmental configuration with those that evolve from the civil society whose agendas will drastically differ according their socio-cultural setting in addition to their political and economic affiliations. Taking into account this information, special attention should be made to recommended policy directions by reviewing the criteria, information and bias of international policy brokers according to a comprehensive situational assessment in different levels.

The contemporary capacity-sovereignty dilemma

Contemporary nations face a growing dilemma; on the one hand, state capacity is increased by international collaboration mainly regulated by a wide array of international policy brokers. On the other hand, the state requires comprehensive situational assessment tools to assess a wide array of risks as to evaluate its interactions with multiple stakeholders in a global level. The closure of the government from external flows is unrealistic due to the interconnection of markets, information and governance methods while a partial closure can only be achieved to different extents thereafter defeating its purpose. The simultaneous inter-governmental collaboration in periods of conflict carries different challenges as elements within the international cooperation framework can be weaponized in a wide array of forms. These conditions are exacerbated by the common goals of international Policy Brokers, which seek to continually reform systems to attract investors based in the quality of governance as a part of risk management practices Arndt & Oman (2008). Furthermore,

by the prevalence of a common ideological consensus in the aftermath of the Cold War that contributed to unregulated flows due to the absence of ideological limitations and predispositions. A pragmatic solution is the separation of ideological components from flows by limiting their content to numeric values, however the lack of a definitive governance indicator prevents their widespread use Arndt & Oman (2008), this issue is furtherly exacerbated by the lack of clear interpretation mechanisms into issues of wide complexity relative to conflict resolution and prevention.

General conclusions

As a conclusion is possible to note the role of governance and international policy brokers as the main particularity of the state in the conflict resolution sphere as key determinants of their interactions with a wide array of stakeholders in the global order along their role in contributing to state capacity. In the context of conflict prevention is however necessary to understand the interactions between governments and international policy brokers due to the absence of common rules nor mechanisms of attribution or retribution of their actions. Regarding to the governance – sovereignty dilemma for conflict resolution, this paper suggests a two-step solution. First, the unimpeded flow of capital, goods, people and information that provides the state with the necessary capacity to assess and act upon global risks and challenges. Second, a continuous effort of the state to shield its core processes from foreign interference as well as from the adverse conditions from the context. To achieve this, a comprehensive regulatory framework is required to set and manage bureaucratic procedures with emphasis on their delivery mechanisms according to geostrategic objectives.

Библиография

1. Fukuyama F. Commentary: What is governance? *Governance*, 26(3), 2013-347-368 pp.
2. Holt J., Manning N. Fukuyama is right about measuring state quality: Now what? *Governance*, 27(4), 2014-717-728 pp.
3. Rotberg R. I. Good governance means performance and results. *Governance*, 27(3), 2014-511-518 pp.
4. Stone D., Ladi S. Global public policy and transnational administration. *Public Administration*, 93(4), 2015-839-855 pp.
5. Coleman W. D. *Governance and global public policy*, Oxford University Press, 2012 – 673-685 pp.
6. Peck J. Global policy models, globalizing poverty management: International convergence of fast-policy integration? *Geography Compass*, 5(4), 2011-165-181 pp.
7. Bernstein S., Cashore B. Can non-state global governance be legitimate? An analytical framework. *Regulation & Governance*, 1, 2007-347-371 pp.
8. Abbott K. W. International organisations and international regulatory co-operation: Exploring the links. In OECD (Ed.), *International Regulatory Co-operation and International Organisations: The Cases of the OECD and the IMO*, OECD, Paris, 2014-17-44 pp.
9. Arndt C., Oman C. (2008). *The Politics of Governance Ratings*, Maastricht: Maastricht University, 2008-17 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современный мир отличается повышенной конфликтогенностью: это неоднократно подчеркивается различными аналитиками – социологами, политологами, философами, экономистами, а также различными наблюдателями. Во многом расширение зон локальных конфликтов обусловлено происходящей на наших глазах драматичной трансформации монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором наряду с Вашингтоном ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. И хотя именно многополюсный мир способен наладить партнерские и взаимовыгодные отношения между странами мира, на данный этап наблюдается временное осложнение международной обстановки.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является предотвращение конфликтов в рамках современных правительственных процедур и международного сотрудничества. Автор ставит своими задачами проанализировать деятельность государства в контексте предотвращения конфликтов, а также рассмотреть набор границ и правил, касающихся роли нации в глобальном порядке, состоящем из многомерных акторов и процессов.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать глобальную государственную политику на современном этапе.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя до 10 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из используемых источников отметим труды Ф. Фукуямы, Д. Стоуна и С. Лади, В.Д. Коулмана, в центре внимания которых различные аспекты глобальной государственной политики. Из привлекаемых исследований укажем на труды Р. Ротберга, Дж. Холта, Дж. Пека и других специалистов, которые рассматривают глобальная государственная политика и транснациональное управление. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как современной мировой политикой, в целом, так и вопросами мировой конфликтологии, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что понимает «глобализацию как двумерную концепцию, которая охватывает трансграничную торговлю с международными правилами, а также движущую силу международного сотрудничества между одним государством и рядом международных заинтересованных сторон в силу соглашений и других взаимодействий». Автор отмечает происходящую на наших глазах дилемму: «с одной стороны, государственный потенциал увеличивается за счет международного сотрудничества, в основном регулируемого широким кругом международных политических посредников. С другой стороны, государству требуются комплексные инструменты ситуационной оценки

для оценки широкого спектра рисков, а также для оценки его взаимодействия с множеством заинтересованных сторон на глобальном уровне».

К основным выводам статьи можно отнести следующее: для разрешения указанных противоречий необходимы, во-первых, «беспрепятственный поток капитала, товаров, людей и информации, который дает государству необходимую способность оценивать и реагировать на глобальные риски и вызовы. Во-вторых, постоянные усилия государства оградить свои основные процессы от иностранного вмешательства, а также от неблагоприятных условий контекста».

Представленная на рецензирования статья посвящена актуальной теме, написана на английском языке, вызовет определенный читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий современной мировой политики. Статья также будет интересна анализом профильной англоязычной литературы.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ростовцева М.В., Дулинец Т.Г., Трофимова В.В., Поломошнова А.В., Десятова И.С. — Исследование стратегий конфликтного поведения педагогов и психологической атмосферы в педагогическом коллективе // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39341 EDN: KPJOFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39341

Исследование стратегий конфликтного поведения педагогов и психологической атмосферы в педагогическом коллективе

Ростовцева Марина Викторовна

доктор философских наук

доцент, Сибирский федеральный университет

660030, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Вильского, 18а

✉ marin-0880@mail.ru

Дулинец Татьяна Григорьевна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра Психологии развития и консультирования, Сибирский федеральный университет

660028, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ tadulinec@yandex.ru

Трофимова Валентина Викторовна

ассистент, кафедра информационных технологий обучения и непрерывного образования, Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный, 79

✉ VVtrofimova@sfu-kras.ru

Поломошнова Анна Валентиновна

студент, кафедра информационных технологий обучения и непрерывного образования, Сибирский федеральный университет

660074, Россия, г. Красноярск, ул. Борисова, 1

✉ ani.net881@yandex.ru

Десятова Ирина Сергеевна

студент, кафедра информационных технологий обучения и непрерывного образования, Сибирский федеральный университет

662501, Россия, Красноярский край область, г. Сосновоборск, ул. Ленинского Комсомола, 26

✉ desyatova_1989@list.ru

[Статья из рубрики "Классификация и типология современных конфликтов"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39341

EDN:

KPJOFU

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2022

Аннотация: Нарастающая напряженность труда влечет за собой увеличение числа социальных конфликтов в образовательных организациях между всеми субъектами образовательных отношений. При возникновении конфликтных ситуаций основная ответственность по их урегулированию ложится на педагогов. Цель работы: исследование влияния стратегий конфликтного поведения педагогов на психологическую атмосферу педагогического коллектива. В настоящем исследовании приняли участие 25 человек из педагогического состава школы (21 женщина и 4 мужчины). Исследование проводилось с помощью методик: методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру); стратегии поведения в конфликте К. Томаса. В ходе эмпирического исследования конфликтов в педагогическом коллективе было выявлено, что в исследуемом педагогическом коллективе сложилась благоприятная психологическая атмосфера. Выявлены следующие влияния стиля конфликтного поведения на социально-психологический климат коллектива: сотрудничество усиливает взаимную поддержку, компромисс увеличивает увлеченность и согласие, приспособление связано с согласием, соперничество подавляет проявление удовлетворенности, увлеченности и занимательности, сотрудничество не приемлемо при холодности, чем больше компромиссных форм поведения, тем меньше несогласованности в группе, чем больше приспособления, тем меньше несогласованности, чем чаще используется стратегия уход, тем меньше согласия (-0,330) и сотрудничества.

Ключевые слова:

стратегии поведения, конфликт, педагог, коллектив, психологическая атмосфера, педагогический коллектив, общение, сотрудничество, соперничество, компромисс

Актуальность исследования определяется интенсивными преобразованиями социальной сферы в целом и системы образования в частности. Нарастающая напряженность труда влечет за собой увеличение числа социальных конфликтов в образовательных организациях между всеми субъектами образовательных отношений. При возникновении конфликтных ситуаций основная ответственность по их урегулированию ложится на педагогов. Здесь очень важны: их принципиальная позиция, этическое отношение к окружающим, педагогический такт, конструктивное поведение, самоотдача, что соотносится с высоким уровнем владения педагогической культурой. При этом, согласно исследованиям Л.А. Захарчук, наиболее характерными для системы образования являются межличностные конфликты, возникающие по поводу достижения целей профессиональной деятельности, а также при нарушении взаимосвязей ролевого характера.

В настоящее время проблема управления конфликтами проработана достаточно обширно на теоретическом уровне.

В зарубежных исследованиях К. Левина, К. Лоренца, А. Смита и других разработаны теории конфликта и показано, что конфликт – это многоуровневое социальное явление, разворачивающееся в группах и определяющее групповую динамику.

В трудах Iurchevici Iu. G., Rahim M.A., Magner N.R. , Rands M., Levinger G., Mellinger G.D. [\[12, 13, 14\]](#) изучаются факторы конфликтного поведения педагогов и их зависимость от личностных особенностей: эмпатии, интроверсии/экстраверсии, уровня коммуникативного контроля в общении и т.п.

В работах российских ученых педагогический конфликт изучается глубоко и основательно с акцентом на его социальный характер. Так работы Богачевой И.А. [\[11\]](#), Ежковой Н.С. [\[4\]](#), Керимова Т.Т. [\[6\]](#) изучаются причины конфликтов в педагогическом коллективе и способы их разрешения.

В работах Васева О.Х, Романова П. Ю [\[2\]](#), Денисова Е.В., Наумова Т.В. [\[3\]](#), Ростовцевой М.В. [\[9\]](#) и др. представлено теоретическое осмысление сущности, структуры и динамики конфликта.

Другие российские исследователи изучают конфликт с точки зрения создания психолого-педагогических условий для управления конфликтами в педагогическом коллективе [\[5, 7, 8\]](#)

Педагогическая деятельность предполагает общение с большим количеством людей, относящихся к разным возрастным категориям и имеющим различный социальный статус, что неизбежно приводит к конфликтам [\[10\]](#).

В образовательной организации не только реализуется образовательный процесс, но и осуществляется групповое взаимодействие совершенно разных людей. В ходе таких взаимодействий возникают разногласия, которые участники стремятся разрешать различными способами. Педагогическая сфера является важным социальным институтом, направленным на формирование личности. Поэтому здесь крайне важны благоприятные социально-психологические условия [\[11\]](#).

В то же время к настоящему времени имеются единичные работы по классификации конфликтов, характеристике их причин, а также отдельные теоретико-практические рекомендации по внедрению медиативных практик по решению конфликтов в школьной среде. Несмотря на то, что конфликты в системе образования - явление закономерное, оно имеет причинно-следственные связи, существенно влияет на поведение участников образовательного процесса, в литературе сложно найти научно обоснованные рекомендации по профилактике возникновения конфликтов в школьной образовательной организации.

В своем исследовании мы опирались на положение Керимова Т.Т. о том, что одной из основных причин возникновения конфликтов в педагогическом коллективе является деятельность профессиональная направленность педагогов, обусловленная, в том числе, выбором ими конкретных стратегий поведения в конфликтной ситуации.

Предмет исследования – влияние выбора стратегий конфликтного поведения на психологическую атмосферу педагогического коллектива.

Цель работы: исследование влияния стратегий конфликтного поведения педагогов на психологическую атмосферу педагогического коллектива

Выборка исследования. В настоящем исследовании приняли участие 25 человек из педагогического состава средней школы (21 женщина и 4 мужчины). Из них 19 человек имеют высшее образование, 6 – среднее специальное. Высшую квалификационную категорию имеют 9 человек, первую – 10 человек, без категории – 6 человек. Возрастной состав участников исследования: 18-25 лет – 5 человек; 26-35 лет – 10 человек; 36-45 лет – 5 человек; 46-55 лет – 2 человека; 55 лет и старше – 3 человека.

Методики исследования: методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру); стратегии поведения в конфликте К. Томаса.

В результате применения методики оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру) был получен средний профиль, характеризующий психологическую атмосферу в коллективе (табл. 1).

Таблица 1

Профиль психологической атмосферы в педагогическом коллективе, %

	1	2	3	4	5	6	7	8	
Дружелюбие	8	28	20	48	16	8	-	-	Враждебность
Согласие	-	52	16	32	-	-	-	-	Несогласие
Удовлетворенность	-	-	24	64	12	-	-	-	Неудовлетворенность
Продуктивность	12	20	20	48	-	-	-	-	Непродуктивность
Теплота	-	-	40	16	28	16	-	-	Холодность
Сотрудничество	-	-	20	20	12	12	8	8	Несогласованность
Взаимная поддержка	8	32	32	20	-	8	-	-	Недоброжелательность
Увлеченность	-	4	40	36	20	-	-	-	Равнодушие
Занимательность	-	8	20	20	32	-	8	12	Скука
Успешность	-	4	60	20	-	12	4	-	Безуспешность

В соответствии с таблицей 1, члены педагогического коллектива по-разному оценивают психологический климат в группе.

Так, по шкале «дружелюбие – враждебность» были зарегистрированы как высокие оценки, так и низкие, но большинство респондентов (48%) отметили средний уровень дружелюбия в коллективе. По шкале «согласие – несогласие» были получены, в основном, средние оценки (32%). Негативных оценок по данному показателю не было зарегистрировано.

По шкале «удовлетворенность – неудовлетворенность» 64% респондентов склонились к средней оценке. При этом не было получено ни высоких, ни низких оценок.

По шкале «продуктивность – непродуктивность» респонденты склоняются либо к высшим (52%), либо к средним (48%) оценкам. Негативных оценок по данной шкале не было выявлено. Показатели «теплота – холодность» также разделились у респондентов по средним оценкам: 40% поставили оценку 3, 16% – оценку 4, 28% – оценку 5, 16% – оценку 6.

По шкале «сотрудничество – несогласованность» было получено много негативных

оценок по сравнению с другими шкалами. Так, к крайним степеням несогласованности коллектива склоняются 16% респондентов. По шкале «взаимная поддержка – недоброжелательность» были получены, в основном, наиболее высокие оценки. По шкале «увлеченность – равнодушие» также большинство респондентов склоняются к средним и высоким оценкам.

По шкале «занимательность – скука» 16% отметили крайне низкие оценки, но все же многие склоняются к средним.

По шкале «успешность – безуспешность» 60% поставили оценку 3, 20% – оценку 4, 12% – оценку 6, по 4% респондентов поставили оценки 2 и 7.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что в целом, в данном педагогическом коллективе сложилась благоприятная психологическая атмосфера. Но по некоторым показателям, таким как сотрудничество, занимательность, успешность были получены низкие оценки. Это говорит о том, что в коллективе есть педагоги, которые не чувствуют себя полностью удовлетворёнными климатом в коллективе. Но при этом такие показатели коллектива как дружелюбие, продуктивность, взаимная поддержка были оценены наиболее высоко, что говорит о высоком морально-нравственном духе коллектива.

Полученные результаты по методике К. Томаса представлены на рисунке 1.

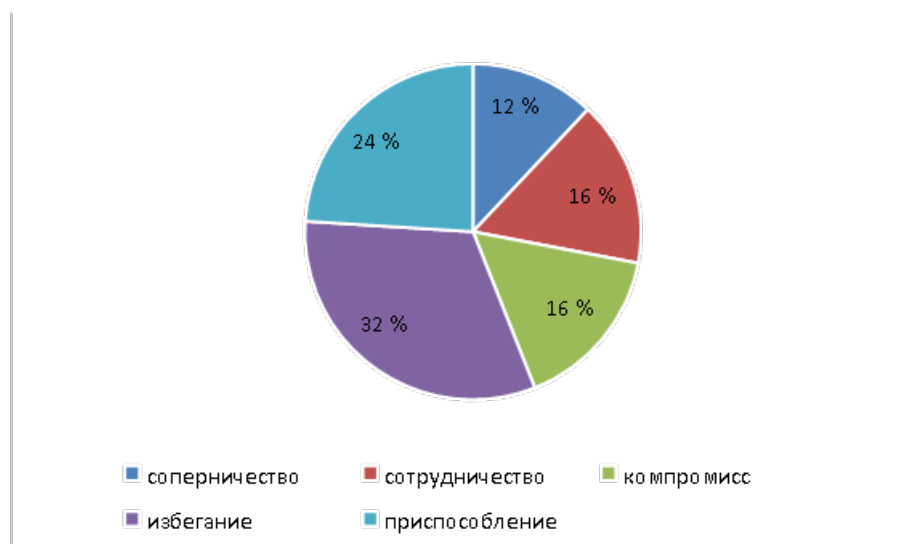

Рис. 1 Стили конфликтного поведения педагогов

В соответствии с рисунком 1 стратегию соперничества в конфликтах выбирают 12% педагогов, сотрудничества – 16%, компромисса – 16%, избегания – 32%, приспособления – 24%.

Итак, большинство педагогов данного коллектива привыкли избегать конфликтов в своей повседневной и трудовой деятельности. Избегание означает отсутствие стремления к кооперации и отсутствие тенденции к достижению собственных целей, что так или иначе негативно сказывается на коллективе в целом и на конкретном сотруднике.

Также многие педагоги используют в конфликтном поведении стратегию приспособления, что означает принесение в жертву собственных интересов ради другого. Это также не всего приносит удовлетворение каждой из сторон и не является конструктивной стратегией.

По 16% педагогов используют стратегии сотрудничества и компромисса. Компромисс – это соглашение на основе взаимных уступок; предложение варианта, снимающего возникшее противоречие. При использовании стратегии сотрудничества участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. На наш взгляд, две данные стратегии наиболее конструктивны и помогают выйти участникам из конфликта с наименьшими психологическими потерями. Но данные стили конфликтного поведения демонстрирует лишь небольшая часть членов исследуемого педагогического коллектива.

12% участников исследования демонстрируют деструктивную стратегию соперничества, соревнования или конкуренции, т.е. стремления добиться своих интересов в ущерб другому. Из-за таких сотрудников в данном коллективе может возникать больше конфликтов.

Для определения влияния стратегии конфликтного поведения на психологическую атмосферу коллектива проведен линейный корреляционный анализ. Использовался критерий Пирсона.

В педагогическом коллективе выявлены следующие влияния стиля конфликтного поведения на психологическую атмосферу коллектива.

Положительные корреляции:

- а) сотрудничество усиливает взаимную поддержку (0,380);
- б) компромисс увеличивает увлеченность (0,517) и согласие (0,726);
- в) приспособление связано с согласием (0,340). Чем более согласен член группы, тем интенсивнее он использует приспособление.

Отрицательные корреляции:

- а) соперничество подавляет проявление удовлетворенности (-0,326), увлеченности (-0,293) и занимательности (-0,284) в группе;
- б) сотрудничество не приемлемо при холодности (-0,380). Чем меньше сотрудничества, тем больше холодность;
- в) компромисс и несогласованность. Чем больше компромиссных форм поведения, тем меньше несогласованности в группе (-0,517);
- г) приспособление и несогласованность. Чем больше приспособления, тем меньше несогласованности (-0,340);
- д) чем чаще используется стратегия уход, тем меньше согласия (-0,330) и сотрудничества (-0,355) в группе.

В ходе эмпирического исследования конфликтов в педагогическом коллективе было выявлено, что в исследуемом педагогическом коллективе сложилась благоприятная психологическая атмосфера. Выявлены следующие влияния стиля конфликтного поведения на социально-психологический климат коллектива: сотрудничество усиливает взаимную поддержку, компромисс увеличивает увлеченность и согласие, приспособление связано с согласием, соперничество подавляет проявление удовлетворенности, увлеченности и занимательности, сотрудничество не приемлемо при холодности, чем больше компромиссных форм поведения, тем меньше несогласованности

в группе, чем больше приспособления, тем меньше несогласованности, чем чаще используется стратегия уход, тем меньше согласия (-0,330) и сотрудничества.

Сегодня интерес к практическому изучению конфликтного взаимодействия педагогов объясняется усилением конфликтности и напряженности в педагогических коллективах, а это, в свою очередь, отражается на психологическом состоянии каждого педагога и социально-психологическом климате педагогического коллектива в целом. Полученные результаты можно использовать в работе школьного и организационного психолога: для профилактики и разрешения конфликтов в педагогических коллективах, в консультативной работе с педагогами, переживающими конфликты с коллегами.

В качестве направления для дальнейших исследований рекомендуется разработать профилактическую программу, направленную на развитие у педагогов наиболее оптимальных и адаптивных стратегий поведения в конфликте, а также на приобретение навыков поведения в различных конфликтных ситуациях, с которыми могут столкнуться педагоги на работе.

Библиография

1. Богачева И.А. Экспериментальное исследование типичных конфликтов в педагогическом коллективе // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. 2016. № 1 (7). С. 54-56.
2. Васёва О.Х., Романов П.Ю. Управления конфликтами в педагогическом коллективе школы // В книге: Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. Тезисы 80-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск, 2022. С. 106.
3. Денисова Е.В., Наумова Т.В. Психолого-педагогические условия эффективного управления конфликтами в педагогическом коллективе образовательной организации // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 567-569
4. Ежкова Н.С., Суровцева О.Н. Конфликты в педагогических коллективах дошкольных образовательных организаций: причины и профилактика // News of Science and Education. 2018. Т. № 3. С. 19-22.
5. Зюкин А.В., Стороженко И.И. Теоретическое обоснование управления конфликтами в педагогическом коллективе как фактором создания психолого-педагогических условий // Известия Российской военно-медицинской академии. 2020. Т. 39. № S2. С. 99-101.
6. Керимов Т.Т. Конфликты в педагогическом коллективе, причины их возникновения и способы их разрешения // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 2. С. 35-39.
7. Лупанова Е.Е. Особенности и виды конфликтов в педагогических коллективах образовательных учреждений // В сборнике: Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2016. С. 153-156.
8. Мустафаев М.Б., Мустафаева З.С., Шахова Р.М. Межэтнические конфликты в многонациональном коллективе и научно-педагогические технологии их преодоления // В сборнике: Инновационное развитие современной науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сукиасян А.А., 2015. С. 157-160.
9. Ростовцева М.В. М. Монография. Красноярск, 2021. 176 с.
10. Федорова Н.В. Особенности профилактики и разрешения конфликта в

- педагогическом коллективе // Социальные отношения. 2010. № 1 (1). С. 53-58.
11. Rostovtseva M.V., Mashanov A.A. Methods of conflict study in the system of education // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Т. 13. № 2. С. 208-218.
12. Iurchevici Iu. G. Conflictelor în colectivul pedagogic // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 11-9 (67). С. 6-17.
13. Rahim M.A., Magner N.R. Confirmatory factor analysis of the styles of handling interpersonal conflict: First-order factor model and its invariance across groups // Journal of Applied Psychology. 1995. № 80. p. 122-132.
14. Rands M., Levinger G., Mellinger G.D. Patterns of conflict resolution and marital satisfaction // Journal of Family issues, 2019. № 2. p. 297-321.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия подготовлена на научные материалы по теме: «Исследование стратегий конфликтного поведения педагогов и психологической атмосферы в педагогическом коллективе».

Актуальность исследования определяется интенсивными преобразованиями социальной сферы в целом и системы образования в частности. Хочется отметить, справедливо автором (-ами) отмечается напряженность педагогического труда, что приводит к увеличению числа социальных конфликтов в образовательных организациях между всеми субъектами образовательных отношений. Также важным моментом является осознание той ответственности, которая ложится на педагога в рамках возникновения конфликтных ситуаций. Автором (-ами) изучаются как отечественные, так и зарубежные подходы к проблеме конфликтности (теории конфликта К. Левина, К. Лоренца, А. Смита, Iurchevici Iu. G., Rahim M.A., Magner N.R. , Rands M., Levinger G., Mellinger G.D, Богачевой И.А., Ежковой Н.С., Керимова Т.Т.и др.). Конфликт в статье рассматривается через призму многоуровневого социального явления, разворачивающегося в группах и определяющего групповую динамику. С теоретических позиций авторы рассматривают факторы конфликтного поведения в образовательных организаций: эмпатии, интроверсии/экстраверсии, уровня коммуникативного контроля в общении и т.п. Кроме того, авторами понимается конфликт и с точки зрения социальных аспектов (Васев О.Х, Романов П. Ю, Денисов Е.В., Наумов Т.В., Ростовцева М.В. и др.).

Основным предметом исследования выступает выбор стратегии конфликтного поведения на психологическую атмосферу педагогического коллектива. В качестве цели исследования авторы выдвигают: влияние стратегий конфликтного поведения педагогов на психологическую атмосферу педагогического коллектива. В выборке принимали участие 25 педагога, что отражает ее репрезентативность. Вместе с тем, на наш взгляд, увеличение выборки способствовало бы более объективным и полным результатам исследования.

Такие методы исследования как методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру) и методика стратегии поведения в конфликте К. Томаса в целом соответствуют научному замыслу, вместе с тем, авторами не были привлечены и другие более релевантные методы исследования психологического климата и атмосферы в коллективе. К сожалению, в исследовании отсутствует такой важный компонент как гипотеза, которая в соответствии с логикой должна была быть сформулирована.

В качестве вывода исследования авторы указывают, что в ходе эмпирического исследования конфликтов в педагогическом коллективе было выявлено, что в исследуемом педагогическом коллективе сложилась благоприятная психологическая атмосфера. Выявлены следующие влияния стиля конфликтного поведения на социально-психологический климат коллектива: сотрудничество усиливает взаимную поддержку, компромисс увеличивает увлеченность и согласие, приспособление связано с согласием, соперничество подавляет проявление удовлетворенности, увлеченности и занимательности, сотрудничество не приемлемо при холодности, чем больше компромиссных форм поведения, тем меньше несогласованности в группе, чем больше приспособления, тем меньше несогласованности, чем чаще используется стратегия уход, тем меньше согласия и сотрудничества.

Исследование проведено в соответствии с требованиями, предъявляемыми к такого рода исследованиям. Статья содержит наглядную инфографику в виде таблиц и диаграмм. Выводы и рекомендации будут интересны широкому кругу читателей, которые связаны с обеспечением учебного процесса в образовательных организациях. Список используемой литературы список соответствует содержанию научного материала и содержит актуальные библиографические источники. В качестве основного замечания – более корректное формулирование название статьи. В настоящий момент оно не в полном объеме отражает содержания работы.

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Смирная А.А., Смирнова А.В., Иванов И.А., Тюканов В.Л., Морозова Т.Б. — Влияние уровня субъективного контроля на толерантность подростков старшего возраста // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.1.39122 EDN: KNEAQA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39122

Влияние уровня субъективного контроля на толерантность подростков старшего возраста

Смирная Анастасия Андреевна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра психологии и педагогики, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева.

660049, Россия, г. Красноярск, ул. Мира, 82

✉ mrostovtseva@sfu-kras.ru

Смирнова Анастасия Викторовна

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

660060, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89

✉ anastasyavic@mail.ru

Иванов Игорь Анатольевич

доцент, кафедра социально-гуманитарных наук и истории искусств, Красноярский государственный институт искусств им. Д. Хворостовского

660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ленина, 22

✉ ivanovia1967@mail.ru

Тюканов Владимир Леонидович

старший преподаватель, кафедра проектирования и эксплуатации газонефтепроводов, ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет"

660041, Россия, г. Красноярск, ул. Свободный пр-Т, 82

✉ wwi.i@yandex.ru

Морозова Татьяна Борисовна

Учитель начальных классов, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение "Уярская средняя школа №4"

663921, Россия, г. Уяр, ул. Ульяны Громовой, 7

✉ mtb130581@yandex.ru

[Статья из рубрики "Профилактика конфликта"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.1.39122

EDN:

KNEAQA

Дата направления статьи в редакцию:

07-11-2022

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования подростковой толерантности и исследуется влияние субъективного контроля на толерантность подростков старшего возраста. Система образования, обладая уникальными возможностями по расширению знаний о других, непохожих на нас людях, их взглядах, культуре, в качестве одной из важнейших задач выдвигает проблему формирования толерантности у подрастающего поколения. Актуальность данной социально-педагогической проблемы обусловлена необходимостью поиска эффективных средств формирования толерантности у учащихся. Исследование проводилось на базе муниципального бюджетного образовательного учреждения «Общеобразовательное учреждение гимназия № 11 имени А.Н. Кулакова» г. Красноярск. Выборка исследования – составила 133 испытуемых. Женская выборка 71 человек, мужская выборка – 62 человека, учащихся 9–11 классов. Полученные данные и статистический анализ подтвердил зависимость уровня толерантности подростков старшего возраста от половых различий. Девушки толерантны, им свойственны толерантные формы поведения, юноши же наоборот проявляют чаще нетерпимость, как к окружающему миру, так и к людям. С помощью коэффициента ранговой корреляции Кендалла были обработаны и сопоставлены данные по методикам «Уровень субъективного контроля» и «Индекс толерантности». Данные подтвердили наличие взаимосвязи уровня субъективного контроля и уровня толерантности подростков старшего возраста. У экстерналов низкая толерантность к другим, у интерналов уровень толерантности выше. Кроме того, данные показали, что девушки имеют более высокий уровень толерантности, чем юноши.

Ключевые слова:

толерантность, локус контроля, субъективный контроль, старшие школьники, идентичность, этническая идентичность, установки, конфликт, культура, национальность

В последние десятилетия проблема толерантности стала одной из наиболее актуальных и широко востребованных во все мире. Сегодня она широко обсуждается на различных уровнях и аспектах, включая целый ряд вопросов, связанных с взаимоотношениями людей.

В современных источниках толерантность рассматривается, прежде всего, как принятие, неприемлемость всякого насилия, принятие многообразных норм, правил, мировоззрений^[1].

Статистические данные и многочисленные исследования фиксируют рост молодежного экстремизма, различных форм девиантного поведения, конфликтов на почве межнациональной розни, социального расслоения населения и т.п. В этой связи

формирование толерантного сознания и поведения, воспитание миролюбия и взаимной терпимости в обществе стало сегодня насущной необходимостью.

Воспитание толерантного поведения у школьников остается одной из важнейших задач современного образования. Система образования, обладая уникальными возможностями по расширению знаний о других, непохожих на нас людях, их взглядах, культуре, в качестве одной из важнейших задач выдвигает проблему формирования толерантности у подрастающего поколения. Актуальность данной социально-педагогической проблемы обусловлена необходимостью поиска эффективных средств формирования толерантности у учащихся [\[15\]](#).

Формирование толерантности приобретает особое значение в старшем подростковом возрасте, когда укрепляется осознание своей этнической принадлежности и конструируется мировоззрение. Поиск самоопределения, социальной и личностной идентичности в юношестве обуславливает появление более осознанного отношения старшеклассников к межэтническим отношениям и формирование собственной позиции.

Исследование педагогических аспектов проблемы толерантности и ее формирования значительно расширилось в последние годы. В современной литературе теоретический анализ и обоснование понятия «толерантность» были сделаны в работах Бондыревой С.К. [\[3\]](#), Квеско Р.Б. [\[9\]](#), Лекторского В. О. [\[10\]](#), Марковой Н. [\[12\]](#) и др.

Вопросам формирования толерантности у различных категорий граждан посвящены исследования Воробьевой О. Е. [\[5\]](#), Вульфова Б.З. [\[6\]](#), Ищенко Ю.А. [\[7\]](#) и др.

Положения относительно роли и места толерантности в современном обществе рассматриваются в работах А.Г.Асмолова [\[1\]](#), Ростовцевой М.В. [\[13\]](#), Шрейдера Ю.А. [\[19\]](#) и др.; появляются фундаментальные и прикладные исследования по проблеме формирования толерантности (С.К. Бондырева [\[3\]](#), Тишков В. О. [\[14\]](#), Федоренко Л.Г. [\[17\]](#), Филиппова О. А. [\[18\]](#)).

За рубежом проблема толерантности изучается Martin J. G., Morgan D., Selman R. L., Sinyavsky A. [\[20, 21, 22, 23\]](#), которые рассматривают вопросы толерантности в мировом значении и влиянии внутренних и средовых факторов на ее формирование.

Различные аспекты толерантности нашли отражение в диссертационных исследованиях последних лет, направленных на анализ траекторий и условий воспитания толерантности у учащихся общеобразовательных школ, а также влияния различных факторов на формирование толерантности (А.М.Байбаков, Е.В.Брянцева, С.А.Герасимов, Е.Л.Пастухова, О.В.Цируль и др.). Влияние локуса контроля на характерологические особенности и способности личности, на волевые качества и другие характеристики личности изучаются Висловой А.Д. [\[4\]](#), Кандаковым И.М. [\[8\]](#), Бажиным Е.Ф. [\[2\]](#) др.

Мы полагаем, что локус контроля, как интегральная личностная характеристика может влиять на уровень толерантности. В частности, экстерналы эмоционально неустойчивы, склонны к неформальному общению и поведению, малообщительны, у них низкий самоконтроль и высокая напряженность, а потому мы можем предположить низкий уровень толерантности к другим. Поскольку экстернал не чувствует себя способным как-либо влиять на свою жизнь, контролировать развитие событий, он снимает с себя всякую ответственность за всё происходящее с ним.

Интерналы же, наоборот имеют высокий уровень субъективного контроля и считают, что

большинство важных событий жизни зависит от личностных качеств (компетентности, целеустремленности, упорности, уровня способностей и т.п.) и являются закономерными следствиями его собственной деятельности. Люди, имеющие такой локус контроля, обладают эмоциональной стабильностью, упорством, решительностью, отличаются общительностью, хорошим самоконтролем и сдержанностью, а потому, более толерантны.

Цель исследования заключается в определении уровня толерантности подростков старшего возраста и его зависимости от половых различий и уровня субъективного контроля.

Объектом диссертационного исследования является толерантность подростков старшего возраста.

Предмет исследования – изучение влияния уровня субъективного контроля на толерантность подростков старшего возраста.

База исследования : муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Общеобразовательное учреждение гимназия № 11 имени А.Н. Кулакова» г. Красноярск.

Методики исследования: э кспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У.Солдатов, О.А.Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А.Шайгерова); Вопросник для измерения толерантности (В.С.Магун, М.С.Жамкочьян, М.М.Магура); Типы этнической идентичности (Г.У.Солдатов, С.В.Рыжова); Методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда.

Выборка исследования – составила 133 испытуемых. Женская выборка 71 человек, мужская выборка – 62 человек, учащихся 9–11 классов.

Первым этапом исследования было проведение методики экспресс-опросника «Индекс толерантности» Г.У.Солдатовой, О.А.Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А.Шайгеровой для выявления общего уровня толерантности.

Из общей выборки подростков средний уровень толерантности личности наблюдался у 94 человек; 30,8% респондентов мужского пола, 39,9% – женского пола. Такие результаты показывают респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних ситуациях они ведут себя толерантно, в других проявляют интолерантность. Высокий уровень толерантности продемонстрировали 9 человек; 2,3% испытуемых мужского пола и 4,5% женского. Представители этой группы обладают выраженными чертами толерантности личности. Низкий уровень толерантности личности у 30 испытуемых; 9% респондентов женского пола и 13,5% мужского пола. Такие результаты свидетельствуют о высокой интолерантности человека и наличии у него выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям. Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что по общему количеству выборки характерен средний уровень толерантности. Высокий уровень характерен для девушек, низкий для юношей. Первичные данные могут свидетельствовать о том, что есть влияние половых различий на уровень толерантности.

Таблица 1 – Данные экспресс-опросника «Индекс толерантности»

Данные в процентах

Индекс толерантности	Общее число	Девушки	Юноши
Высокий уровень	6.8	5.5	3.3

Средний уровень	70,7	38,9	31,8
Низкий уровень	23,5	8	12,5

Для выявления зависимости половых различий и уровня толерантности, нами был применен t – критерий Стьюдента. Подсчеты велись по средним баллам, полученным респондентами мужского и женского пола. Данные представлены на рисунке 1.

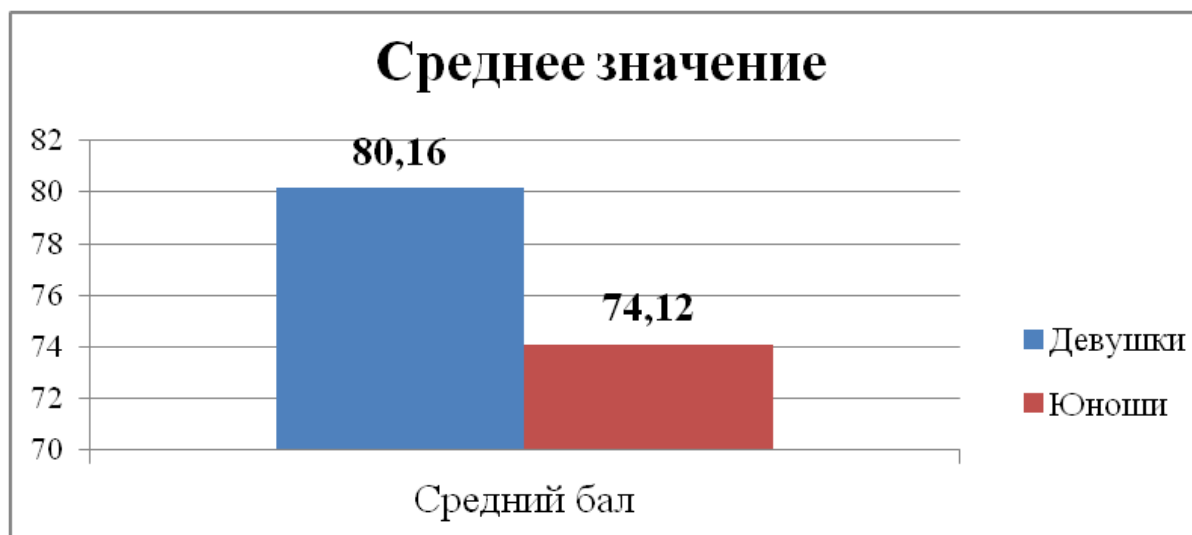

Рисунок 1 – Количество средних баллов среди юношей и девушек

По данным экспресс-опросника «Индекс толерантности» и полученным результатам, девушки имеют более высокий уровень толерантности, чем юноши. В таблице 2 представлены результаты зависимости уровня толерантности и пола.

Таблица 2 – Зависимость уровня толерантности от половых различий

Индекс толерантности	Mean ж	Mean м	t-value	df	p
Уровень толерантности	81,17078	73,13802	3,785000	123	0,008417

Результаты обработки данных с помощью t -критерия Стьюдента, доказал влияние пола на толерантность личности с ошибкой $p > 0,007$, при уровне достоверности 0,5.

Для подтверждения результатов экспресс-опросника «Индекс толерантности», была применена методика В.С.Магуна, М.С.Жамкоच्याн, М.М.Магура «Вопросник для измерения толерантности» для измерения различных установок, толерантности вербального поведения людей.

В таблице 3 представлены результаты по методике «Вопросник для измерения индекса толерантности». 67 человек придерживаются интолерантных установок, из них 31% мужского пола и 24,3% женского пола. Толерантность диагностируется у 66 человек; 18,7% мужского пола и 31% женского пола от количества респондентов.

Таблица 3 – Результаты исследования толерантности старших подростков

Данные в процентах

Вопросник для измерения толерантности	Общее количество	Девушки	Юноши

Толерантность	47,6	31	18,7
Интолерантность	51,4	24,3	26

Графически результаты исследования уровня толерантности по «Вопроснику для измерения толерантности» представлены на гистограмме 2.

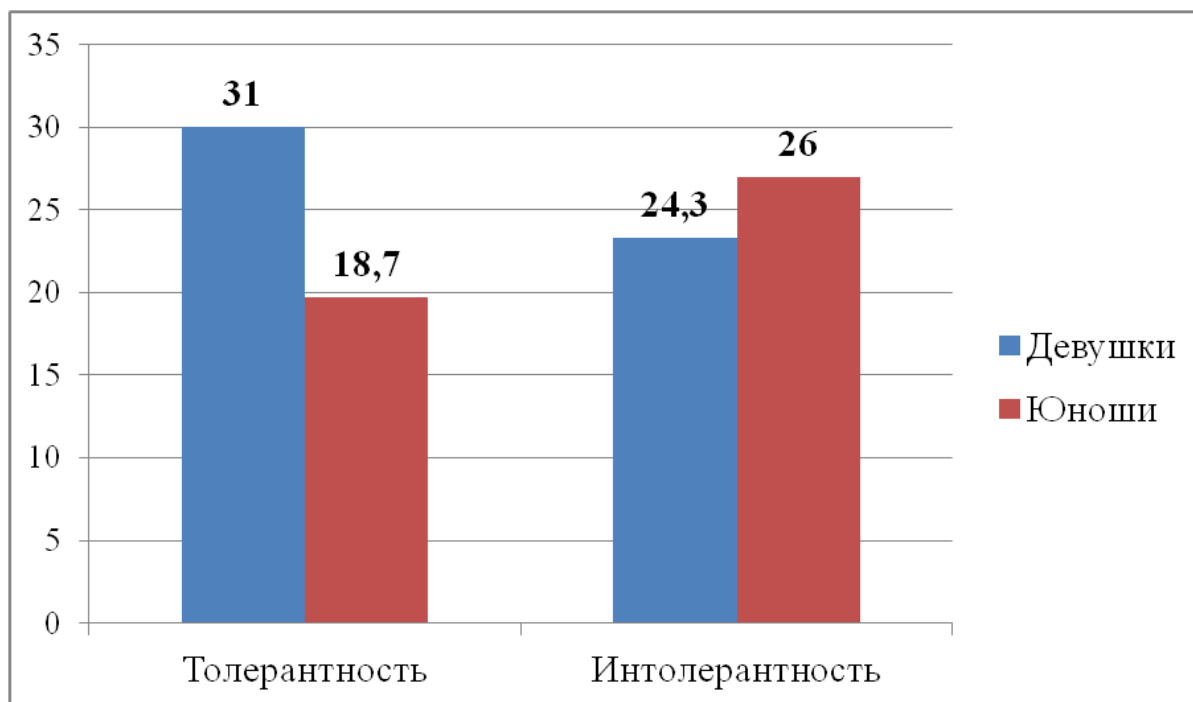

Рисунок 2 – Результаты данных «Вопросник для измерения толерантности»

Для подтверждения наличия зависимости уровня толерантности от пола первичные данные по вопроснику были обработаны статистическим методом t-критерия Стьюдента, по подсчетам средних результаты по юношам и девушка, результаты данных представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Зависимость уровня толерантности от пола.

Вопросник	Mean ж	Mean м	t-value	df	p
Уровень толерантности	3,210855	0,284294	2,792308	134	0,003479

Результаты обработки данных по методике «Вопросник для измерения толерантности» подтвердили наличие влияния пола на уровень толерантности личности. Статистическая обработка показала влияние ошибкой $p > 0,004$, при уровне достоверности 0,5.

На основе проведенного анализа данных этнической идентичности по каждой шкале, были получены следующие результаты.

Норма (позитивная этническая идентичность) выявлена у 34 испытуемых-мужчин, что составляет 24,6% выборки; 44 респондентов женского пола, что составляет 34% выборки, что предполагает, что индивид сочетает позитивное отношение к собственному народу с позитивным отношением к другим народам; *этнофанатизм* был выявлен у 10 респондентов мужского пола, что составляет 7,4% выборки, у 7 респондентов-женщин пола, и это 5,2% выборки, что свидетельствует о готовности индивида идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов, вплоть до этнических "чисток", отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признание приоритета этнических прав народа над правами человека,

оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа; *этноэгоизм* был выявлен у 9 испытуемых мужского пола, а это 6,7% выборки, у 7 испытуемых-женщин пола, что составляет 5,3% выборки, это свидетельствует, о том, что индивид может выражать свое отношение в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта "мой народ", но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за "чужой" счет; *этническая индифферентность* выявлена у 5 человек мужского пола, а это 4% выборки, 8 человек женского пола, что составляет 6% выборки. Данные результаты говорят о размытости этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности; *этноизоляционизм* был диагностирован у 3 респондентов мужского пола, что составляет 2,2% выборки, женского пола 3 человека, а это 2,4% выборки, для индивида с этим типом этнической идентичности характерна убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости "очищения" национальной культуры, негативное отношение к межэтническим брачным союзам, ксенофобия; *этнонигилизм* выявлен у 2 респондентов мужского пола, 1,6% выборки, и 2 респондента женского рода, что составляет 1,6% выборки, это говорит, что индивид отходит от собственной этнической группы в поисках устойчивых социально-психологических ниш не по этническому критерию. Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Результаты по типам этнической идентичности

Данные в процентах

Типы этнической идентичности		Общее число	Юноши	Девушки
Шкалы	Этнонигилизм	3	1,6	1,6
	Этническая индифферентность	9	4	6
	Норма(позитивная этническая идентичность)	58,6	24,6	34
	Этноэгоизм	12	6,7	5,3
	Этноизоляция	4,6	2,2	2,4
	Этнофанатизм	12,8	7,4	5,2

Для удобства дальнейшего подсчета и анализа результатов, данные были переведены в количественную шкалу. Графически данные по шкалам типов этнической идентичности представлены на рисунке 3.

Рисунок 3 – Данные общей выборки по типам этнической идентичности

Примечание: по шкале ордината: 1 – этнонигилизм; 2 – этническая индифферентность; 3 – норма (позитивная этническая идентичность); 4 – этноэгоизм; 5 – этноизоляция; 6 – этнофанатизм.

Рисунок 4 – Данные по юношам и девушкам

Примечание: по шкале абсцисс: 1 – этнонигилизм; 2 – этническая индифферентность; 3 – норма (позитивная этническая идентичность); 4 – этноэгоизм; 5 – этноизоляция; 6 – этнофанатизм.

Из рисунка 4 следует, что у юношей высокое значение преобладает по типам норма (позитивная этническая идентичность), этнофанатизм, этноэгоизм, этническая индифферентность, этноизоляция, этнонигилизм.

В женской выборке наблюдается высокое значение по типам норма (позитивная

этническая идентичность), этническая индифферентность, этноэгоизм и этнофанатизм, этноизоляция, этнонигилизм.

Дальнейшим нашим действием было, выявить влияние типов этнической идентичности на уровень толерантности. В таблицах с 6 по 8 представлены данные статистической обработки с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Таблица 6 – Взаимосвязь уровня толерантности и типа этнической идентичности.

Девушки	Толерантность	Тип идентичности
Среднее толерантность	1,000000	-0,074457
Тип идентичности	-0,074457	1,000000

Выявлена слабая связь, что говорит о том, что при высоком уровне толерантности снижается тип этнической идентичности от этнофанатизма к этнонигилизму; повышенный уровень толерантности говорит об обратном: при повышении уровня к максимальному – повышается тип от этнонигилизма к этнофанатизму.

Таблица 7 – Взаимосвязь уровня толерантности от типа этнической идентичности (по группе девушек).

Девушки	Толерантность	Тип идентичности
Среднее толерантность	1,000000	-0,074457
Тип идентичности	-0,074457	1,000000

Статистические данные, представленные в таблице 7, полученные по типам этнической идентичности (девушки), свидетельствуют о том, для этой группы не свойственно влияние типов этнической идентичности на уровень общей толерантности. Т.е. тип этнической идентичности и уровень толерантности у девушек формируется независимо друг от друга.

Таблица 8 – Взаимосвязь уровня толерантности от типа этнической идентичности по юношам

Юноши	Уровень толерантность	Тип этнической идентичности
Уровень толерантности	1,000000	-0,345429
Тип этнической идентичности	-0,345429	1,000000

Данные выборки, представленные в таблице 8, по юношам показали наличие средней связи уровня толерантности и типов этнической идентичности. Это свидетельствует о том, что чем выше у юношей уровень толерантности, тем ниже гиперидентичность от этнофанатизма к норме.

Таким образом, влияние типов этнической идентичности на уровень толерантности обнаружено только у юношей. Девушки не подвержены такому влиянию. Хотя количественные данные не выявили сильного различия между результатами выборок по половым различиям.

Для подтверждения влияния половых различий на уровень толерантности личности, предоставим таблицу 9 статистических данных, подсчитанную с помощью коэффициента ранговой корреляции Кендалла.

Таблица 9 – Общие данные зависимости уровня толерантности от половых различий по всем методикам

Корреляция Кендалла	Пол	Уровень толерантности	Толерантность/инторантность	Тип этнической идентичности
Пол	1,000000	0,529599	0,624944	-0,207013
Уровень толерантности	0,529599	1,000000	0,671769	-0,285498
Толерантность/инторантность	0,624944	0,671769	1,000000	-0,311228
Тип этнической идентичности	-0,207013	-0,285498	-0,311228	1,000000

По результатам методик и статистическому анализу данных делаем вывод, что уровень толерантности зависит от половых различий с коэффициентом ранговой корреляции $r = 0,7$. По методике на определение типов этнической идентичности выявлена слабая зависимость $r = -0,3$ на уровень толерантности. Девушки толерантны, им свойственны толерантные формы поведения, юноши же наоборот проявляют чаще нетерпимость, как к окружающему миру, так и к людям. Таким образом, все полученные данные доказали гипотезу о том, что уровень толерантности старших подростков зависит от половых различий.

По методике «уровень субъективного контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда каждая выборка была разделена на группы экстерналов и интерналов. В ходе анализа данных уровня субъективного контроля по каждой шкале отдельно в мужской и женской выборках было установлено следующее.

Общее количество интернального типа по выборке 83 человека, из них 33 юноши и 50 девушек. Экстернального типа 50 человек – 29 респондентов мужского пола и 21 человек женского пола, что представлено в таблице 10.

Таблица 10 – Результаты уровня субъективного контроля

Данные в процентах

УСК	Общее количество	Мужской пол	Женский пол
Интернальный тип	62,4	24,8	37,6
Экстернальный тип	37,6	21,8	15,8

По общему анализу выборки преобладает интернальный тип, - самостоятельные личности, принимающие на себя ответственность за свои поступки. Из числа общей выборки 37,6 % девушек относят себя к этому типу и 24,8% юношей.

Экстернальный тип свидетельствует, что успехи и неудачи личности регулируются внешними факторами, такими как судьба, удача, счастливый случай, влиятельные люди и непредсказуемые силы окружения, люди такого типа верят в то, что они заложники судьбы. Из числа общей выборки это 21,8% юношей и 15,8 % девушек. Большинство подрастающего поколения готово к принятию решений и ответственности за свои действия, поведение и отношение к окружающему.

Для выявления зависимости толерантности от уровня субъективного контроля была проведена статистическая обработка с помощью t-критерия Стьюдента. Для удобства

подсчета первоначальные данные были преобразованы в среднее значение. Результаты представлены в таблице 11.

Таблица 11 – Зависимость толерантности подростков старшего возраста от уровня субъективного контроля

УСК	Сужч экст	Мужч интер	t-value	df	p	Std.Dev. экст	Std.Dev. интер
Уровень	73,177	81,633	-2,58435	131	0,0242	14,64864	15,22642

Результаты статистической обработки данных с помощью t-критерия Стьюдента показали наличие влияния уровня субъективного контроля на уровень толерантности подростков старшего возраста с ошибкой $p > 0,001$, при уровне достоверности 0,5. Это свидетельствует о сильной зависимости.

Далее рассмотрим данные отдельно по всем шкалам методики.

По шкале Ио (общая интернальность) высокие значения соответствуют интернальному типу субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Такие люди считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Это выявлено у 33 испытуемых мужского пола, что составляет 24,8% выборки и 30 испытуемых женского пола, что составляет 22,6% выборки.

Низкие значения соответствуют экстернальному типу субъективного контроля. Такие люди не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать эту связь, считают, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действия других людей, что выявлено у 29 испытуемых мужского пола - 21,8% выборки и у 41 испытуемых женского пола, что составляет 30,8% выборки.

По шкале Ид (интернальности в области достижений) высокие значения соответствуют интернальному типу субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Такие люди считают, что они сами добились всего того хорошего, что есть в их жизни, они способны с успехом достигать свои цели в будущем, что выявлено у 40 испытуемых мужского пола, что составляет 30,1% выборки и 40 испытуемых женского пола, что составляет 30,1% выборки.

Низкие значения, соответствующие экстернальному типу, характерные для людей, склонных приписывать свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам – везению, счастливой судьбе или помощи других людей, что выявлено у 22 испытуемых мужского пола, что составляет 16,5% выборки и 31 испытуемых женского пола, что составляет 23,3% выборки.

По шкале Ин (интернальность в области неудач) высокие значения соответствуют интернальному типу субъективного контроля, развитому чувству субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, что проявляется в склонности обвинять самого себя в разнообразных неприятностях и страданиях. Это выявлено у 35 испытуемых мужского пола, что составляет 26,3% выборки; 38 испытуемых женского пола, что составляет 28,6% выборки.

Низкие значения, соответствующие экстернальному типу субъективного контроля,

характерны для людей, склонных приписывать ответственность за подобные события другим людям или считают эти события результатом невезения, что выявлено у 27 испытуемых мужского пола, что составляет 20,3% выборки; 33 испытуемого женского пола, что составляет 24,8% выборки.

По шкале Ис (интернальность в семейных отношениях) высокие значения, соответствующие интернальному типу субъективного контроля, высокому чувству ответственности за события, происходящие в семейной жизни человека, выявлены у 28 испытуемых мужского пола, что составляет 21% выборки; 41 испытуемых женского пола, что составляет 30,8% выборки.

Низкие значения, соответствуют экстернальному типу субъективного контроля, характерные для людей, которые считают своих партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в семье, что выявлено у 34 испытуемых мужского пола, что составляет 25,6% выборки; 30 испытуемых женского пола, что составляет 22,6% выборки.

По шкале Ип (интернальность в области производственных отношений) высокие значения соответствуют интернальному типу субъективного контроля. Человек считает свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении, что выявлено у 38 испытуемых мужского пола, что составляет 28,6% выборки; 35 испытуемых женского пола, что составляет 26,4% выборки.

Низкие значения, соответствуют экстернальному типу субъективного контроля, характерные для людей, которые склонны приписывать большее значение внешним обстоятельствам – руководству, товарищам по работе, везению, что выявлено у 24 испытуемых мужского пола, что составляет 18% выборки; 36 испытуемых женского пола, что составляет 27% выборки.

По шкале Им (интернальность в области межличностных отношений) высокие значения соответствуют интернальному типу субъективного контроля. Человек считает себя в силах контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию, что выявлено у 24 испытуемых мужского пола, что составляет 18% выборки; 49 испытуемых женского пола, что составляет 36,8% выборки.

Низкие значения, соответствуют экстернальному типу субъективного контроля, характерные для людей, которые не могут активно формировать свой круг общения и склонны считать свои межличностные отношения результатом активности партнеров, что выявлено у 38 испытуемого мужского пола, что составляет 28,6% выборки; 22 испытуемых женского пола, что составляет 16,6% выборки.

По шкале Из (интернальность в отношении здоровья и болезни) высокие значения соответствуют высокому уровню ответственности за свое здоровье. Если человек болен, то обвиняет в этом только себя и полагает, что выздоровление во многом зависит от его действия. Это выявлено у 29 испытуемых мужского пола, что составляет 21,8% выборки; 35 испытуемых женского пола, что составляет 26,4% выборки.

Низкие значения, соответствующие экстернальному типу субъективного контроля, характерны для людей, которые считают здоровье и болезнь делом случая и надеются, что выздоровление осуществляется в результате действий других людей, прежде всего врачей, что выявлено у 33 испытуемых мужского пола, что составляет 24,8% выборки; 36 испытуемых женского пола, что составляет 27% выборки.

Таблица 12 – Соотношение юношей и девушек по шкале «уровень субъективного контроля».

Шкалы	Юноши		Девушки	
	Высокий	Низкий	Высокий	Низкий
Общая интернальность	24,8	21,8	22,6	30,8
Интернальность в области достижений	30,1	16,5	30,1	23,3
Интернальность в области неудач	26,3	20,3	28,6	24,8
Интернальность в семейных отношениях	21	25,6	30,8	22,6
Интернальность в области производственных отношений	28,6	18	26,4	27
Интернальность в области межличностных отношений	18	28,6	36,8	16,6
Интернальность в отношении здоровья и болезни	21,8	24,8	26,4	27

Данные в таблице 12 не выявляют наличие сильных различий по показателям между юношами и девушками.

У юношей преобладают низкие значения по шкалам «интернальность в семейных отношениях», «интернальность в области межличностных отношений», «интернальность в отношении здоровья». Высокие значения преобладают по шкалам «общая интернальность», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в области производственных отношений».

Для девушек характерны низкие значения по шкалам «общая интернальность», «интернальность в области производственных отношений», «интернальность в отношении здоровья». Высокие значения преобладают по шкалам «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в семейных отношениях», «интернальность в области межличностных отношений».

Рассмотрим влияние пола на результаты шкал с помощью коэффициента корреляции Спирмена, представленного на таблице 13

Таблица 13 – Взаимосвязь пола и шкал уровня субъективного контроля

Спирмен	Пол
Пол	1,000000
Ио	-0,280597
Ид	-0,049336
Ин	-0,006750
Ис	0,213379
Ип	-0,080284
Им	0,268752
Из	-0,046286

По данным статистической обработки в таблице 13, выявлена слабая связь пола по шкалам Ио (общая интернальность), Ис (интернальность в семейных отношениях) и Им (интернальность в области межличностных отношений). Данные общей интернальности показывают обратную слабую связь. По шкале Ис значения имеют прямую слабую связь с ошибкой 0,01 при достоверности 0,5. Шкала Им также имеет положительную слабую

связь, повышая ответственность за межличностные отношения от значений мужской выборки к значениям женской с ошибкой $p > 0,007$ при достоверности результатов в 0,5.

В таблице 14 представлены данные статистической обработки с помощью линейного коэффициента корреляции, где отображаются связь уровня толерантности подростков старшего возраста и шкал уровня субъективного контроля.

Таблица 14 – Взаимосвязь методик уровня толерантности личности и шкал по уровню субъективного контроля

	Пол	Уровень толерантности	Толерантность / интолерантность	Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
Корреляция										
Пол	1,00	0,52	0,62	-0,28	-0,05	0,00	0,21	-0,04	0,27	-0,07
Уровень толерантности	0,52	1,00	0,68	0,15	0,02	0,15	0,18	0,00	0,06	0,16
Толерантность / Интолерантность	0,62	0,68	1,00	0,16	-0,06	0,18	0,05	-0,01	0,13	0,18

После полной обработки результатов, была выявлена слабая зависимость уровня толерантности личности от интернальности в области семейных отношений, что может говорить о том, что тем выше уровень толерантности у респондентов, тем выше их уровень уверенности в области семейных отношений (табл.13). Выявлена слабая связь уровня толерантности личности по шкале интренальности в области неудач и интернальности в отношении здоровья и болезней, что также свидетельствует о том, что чем выше уровень толерантности личности, тем ближе к интернальному типу по шкалам интернальности в области неудач и интернальности в отношениях здоровья и болезней.

Также прослеживается слабая взаимосвязь пола со шкалами общей интернальности $r = -0,28$, интернальности в семейных отношениях $r = 0,21$ и интернальности в межличностных отношениях $r = 0,26$. Влияние пола на тип этнической идентичности было выявлено с достоверностью $r = -0,2$, - слабая зависимость. Взаимосвязь пола и уровня субъективного контроля не обнаружена.

Уровень субъективного контроля влияет на уровень толерантности личности со значением $r = 0,6$. Связь уровня толерантности и типов этнической идентичности выявлена с достоверностью $r = -0,285$.

Из выше сказанного, делаем вывод о том, что существует взаимосвязь между уровнем субъективного контроля и уровнем толерантности подростков старшего возраста, что подтверждает нашу гипотезу исследования.

Таким образом, выполненное нами исследование, позволило сделать следующие выводы.

Первоначальные данные методик и статистический анализ подтвердил зависимость уровня толерантности подростков старшего возраста от половых различий. Девушки

толерантны, им свойственны толерантные формы поведения, юноши же наоборот проявляют чаще нетерпимость, как к окружающему миру, так и к людям. Следующим этапом было выявление влияния локус контроля на толерантность подростков старшего возраста. С помощью коэффициента ранговой корреляции Кендалла, были обработаны и сопоставлены данные по методикам «Уровень субъективного контроля» и «Индекс толерантности». Данные подтвердили наличие такого влияния, что подтверждает, гипотезу о том, что существует взаимосвязь уровня субъективного контроля и уровня толерантности подростков старшего возраста. У экстерналистов уровень толерантности ниже, чем у интерналов.

Результаты, полученные в ходе исследования, не претендуют на исчерпывающее решение рассматриваемой проблемы. Совокупность накопленного теоретического и практического материала способствует продолжению исследовательской работы.

Библиография

1. Асмолов, А. Г. Толерантность: различные парадигмы анализа / А. Г. Асмолов / Толерантность в общественном сознании России. М.: МГУ, 2004. 122 с.
2. Бажин, Е.Ф. Метод исследования субъективного контроля./ Е.Ф. Бажин, С. А. Голынкина, А.М. Эткинд // Психологический журнал. 1984. № 3. С. 24-29.
3. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность. Введение в проблему / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. М.: Издательство Московского психолого-социального института. 2003. 240 с.
4. Вислова, А.Д. Гуманистическая парадигма образования – основа формирования толерантности / А.Д. Вислова // Социально-гуманитарные знания . 2018. № 3. С. 159-169.
5. Воробьева, О. Е. Методические приемы воспитания толерантности у старшеклассников. Практическая разработка внеклассного занятия «толерантность – искусство жить в гармонии с другими» / О. Е. Воробьева // Вопросы гуманитарных наук . 2019. №5. С. 245 – 248.
6. Вульфов, В.З. Воспитание толерантности: сущность и средства / В.З. Вульфов // Внешкольник. 2020. № 6. С. 12.
7. Ищенко, Ю.А. Толерантность как философско мировоззренческая проблема / Ю.А. Ищенко // Философская и социологическая мысль – Киев. 2020. №4. С. 48–60.
8. Кандаков, И.М., Экспериментальное исследование структуры и личностного контекста локуса контроля / И.М. Кандаков // Психологический журнал. 2018. № 1. С. 54-67
9. Квесто, Р.Б. Субъект толерантности и интолерантности как фактор управления социальными отношениями / Р.Б. Квесто, О.Е. Радченко, А.П. Чубик, С.Б. Квесто, О.С. Гончарова, М.В. Исупов // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 45-51.
10. Лекторский, В. О толерантности, плюрализме и критицизме / В.О. Лекторский.// Философия, наука, цивилизация. 1999. №6. С.31–37.
11. Липман, М. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия / М. Липман // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 110–112.
12. Маркова, Н. Решение проблемы формирования толерантности – условие успешной социализации / Н. Маркова // Вестник высшей школы – Alma mater. 2020. № 2. С.56-57.
13. Ростовцева М.В. Теоретические аспекты феноменов толерантности и

- социокультурной адаптации // Философская мысль. 2017. № 8. С. 24-36.
14. Тишков В. О толерантности // Этнополис, 1995. № 5. С. 23-35.
15. Смолянинова О.Г., Безызвестных Е.А., Коршунова В.В., Попова Ю.В., Ростовцева М.В., Труфанов Д.О., Феньвеш Т.А., Виейра И., Урбано К.В., Виейра да Силва М.До.К.П.Де.К., Баптиста Л.В теория и практика развития толерантности средствами поликультурной образовательной платформы сибирского федерального университета: монография Красноярск, 2017. 100 С.
16. Уейн, К. Образование и толерантность / К.Уейн // Высш. образование в Европе. 1997. № 2. С. 14-28.
17. Федоренко Л.Г. Толерантность в общеобразовательной школе: Методические материалы / Л.Г. Федоренко. СПб.: КАРО. 2018. С. 128-135
18. Филиппова, О. А. К вопросу о теоретических основаниях формирования толерантности / О. А. Филиппова // Вестник КемГУКИ. 2018. № 4. С. 102–109.
19. Шрейдер, Ю.А. Утопия или устроительство / А.Ю. Шрейдер // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М. 1990. С. 24.
20. Martin J. G. The Tolerant Personality. Detroit: Wayne State University Press, 2020. 112 p.
21. Morgan D. The Seeds of Peace. London: Hodder and Stoughton, 2019. 125 p.
22. Selman R. L. The Growth of Interpersonal Understanding. New York: Academic Press, 1980. 78 p.
23. Sinyavsky A. Soviet Civilization. A Cultural History. New York. 2018. 112 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Влияние уровня субъективного контроля на толерантность подростков старшего возраста».

Предмет и методология исследования. В качестве предмета автор рассматривает изучение влияния уровня субъективного контроля на толерантность подростков старшего возраста. Исследование было проведено на группе учащихся общим количеством более ста человек. В работе прослеживается методологическая основа, на основании которой было проведено исследование. Автор обозначил положения ученых, которые стали основой для выделения критериев и показателей. Именно это стало обоснованием для выбора методик и проведения исследования.

Актуальность, значимость и сущность затронутой проблемы обосновывается как с позиции запросов современного общества, так и с позиции дефицитарности исследований по проблеме толерантности. Определяющим фактором для ее формирования в старшем подростковом возрасте автором обозначается уровень субъективного контроля. Особое внимание уделено определению половых различий в протекании данного процесса.

Научная новизна. Проведенное исследование отличается научной новизной и значимостью. Автору удалось определить уровень толерантности подростков старшего возраста в зависимости от половых различий и уровня субъективного контроля. Выборка респондентов и комплекс валидных методик является достаточным для получения достоверных результатов. Анализ был проведен не только количественный, но и качественный, с использованием факторного и корреляционного анализа. Результаты

представлены в табличной форме, в виде графиков и подробного их описания с нахождением закономерностей.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным языком, стиль изложения полностью соответствует публикациям такого уровня. Структура работы четко определена: введение с обоснованием актуальности, цели, объекта, предмета, а также небольшим теоретическим обзором; методология исследования; результаты и их обсуждение; заключение с небольшими выводами и определением перспективы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 23 отечественных и зарубежных источника, незначительная часть которых издана за последние три года. Проблематика работ соответствует тематике статьи. В библиографии представлены, в основном, научно-исследовательские статьи и монографии. В то время, отсутствует единообразие в оформлении источников. Некоторые из них нуждаются в коррекции оформления в соответствии с обязательными требованиями.

Апелляция к оппонентам. В работе недостаточное внимание уделено теоретическому анализу исследований последних лет. В целом, анализ литературы небольшой.

Не совсем понятно выражено понимание автором таких понятий, как «уровень субъективного контроля», «толерантность».

В работе присутствуют опiski и синтаксические неточности.

Выводы. Статья отличается несомненной теоретической и практической ценностью, будет интересна читательской аудитории и практикам, которые работают со старшими подростками. Работа может быть рекомендована к опубликованию.

Англоязычные метаданные

Minilateral Alliances in the American Strategy of Containing the PRC in the Indo-Pacific Region**Gumbatov Nazim Farizovich**

Master, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia

109652, Russia, Moscow region, Moscow, st. Maryinsky b-R, 4, sq. 496

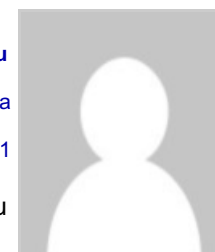
✉ nazimgumbatov@gmail.com

Kong Xiangyu

Master, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho Maklaya str., 15, of. k.1

✉ 1032175725@pfur.ru

Abstract. The subject of the study is the consideration of the minilateral formations in the framework of the implementation of US foreign policy.

The object of the study is the US foreign policy towards China since the beginning of the 21st century.

The author examines in detail such aspects as the interaction of the United States and its allies in the Asian region, within the framework of the formation of the anti-Chinese coalition association, as well as analyzing and drawing conclusions about the effectiveness of a number of large minilateral organizations.

Particular attention is paid to the reactionary perception of the top leadership of the leadership and the public masses of China on the role of the United States in building minilateral formations in its foreign policy.

The main conclusions of the study are:

- The minilateral unions only accelerate the process of dividing the Asian region into pro-Chinese and pro-American. Such a competitive policy to attract Asian states to their trade, economic and political space will only complicate the process of finding a compromise point of view between the two great economic powers, as well as damage peace, prosperity and stability in the region in the long term;
- The growing popularity in the formation of minilateral structures is a consequence of the growing confrontation between China and the USA over the past decade, and not the primary cause of contradictions;
- To date, most of the programs that have a "minilateral connotation" have little effective impact for the American government, nevertheless they cannot be called unfulfilled. Taking into account the relatively recent acceleration in attracting an increasing number of countries to existing and newly formed formats, Washington expects to get positive results for itself in the next decade, provided that China's economic and technological development is consolidated.

The scientific novelty is determined primarily by the fact that the work analyzes the mechanism and evolution of interstate relations between the United States and partner countries, as well as the peculiarities of their activities in the minilateral associations.

Keywords: USA, China, regional policy, strategy, mechanism, expansionism, security, alliance, minilateralism, Indo-Pacific

References (transliterated)

1. Autova F.Kh., Golik M.Ya., Dolgoplov V.A. «Otsenka vzaimnogo vospriyatiya SShA i KNR na osnove kontent-analiza». Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya, sentyabr' 2015, tom 15, № 3. [Elektronnyi resurs]/ Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vzaimnogo-vospriyatiya-ssha-i-knr-na-osnove-kontent-analiza-smi/viewer>
2. Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. SShA-KNR: «vlastnyi tranzit» i kontury «konfliktnoi bipolyarnosti» // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya.-2021.-T. 21.-№2.-C. 210-231. doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
3. Popkova I. «Kontent-analiz vystuplenii pervykh lits RF, KNR i SShA». Sait RSMD, 2018 g. [Elektronnyi resurs]/ Rezhim dostupa: <https://russiancouncil.ru/blogs/irina-popkova/kontentanaliz-vystupleniy-pervykh-lits-rf-knr-i-ssha/>
4. Ramich M.S., Gorbil' P.R., Korosteleva E.I. Transformatsiya amerikanotsentrichnoi sistemy regional'noi bezopasnosti v Indo-Tikhookeanskom regione 2012–2020 gg. // Problemy Dal'nego Vostoka. 2022. No 1. C. 81–95. DOI: 10.31857/S013128120018313-5. [Elektronnyi resurs]/ Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48083748>
5. Terskikh M.A. «Indo-Tikhookeanskaya strategiya SShA: chto novogo v aziatskoi politike Vashingtona?», 22.02.2022. [Elektronnyi resurs]/ Rezhim dostupa: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/indo-tihookeanskaya-strategiya-ssha-chto-novogo-v-aziatskoy-politike-vashingtona>
6. Khudaikulova A. V., Ramich M. S. "Kvad 2.0": chetyrekhstoronnii dialog dlya kontrbalansirovaniya KNR v Indo-Tikhookeanskom regione . – Polis. Politicheskie issledovaniya. 2020. Tom 29. № 3. S. 23-43. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03 7)

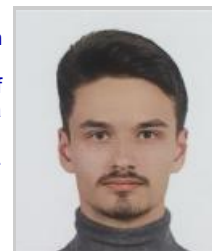
US-China Rivalry in Trade and Economic Relations with Latin American Countries

Molokoedov Daniil Igorevich

Postgraduate, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10, room 2.

✉ molokoedovd@bk.ru

Sun' Syatsin

Postgraduate, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of

Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10, room 2.

✉ sunxiaqing731@gamil.com

Abstract. This article is devoted to the analysis of trade and economic relations between the United States and China with Latin American countries. This region is a sphere of competitive confrontation between the two countries not only for foreign policy ties, but also for trade and economic ones. The authors in this article show the peculiarities of the bilateral relations between China and the United States with Latin America and describe the process of changing US policy towards Latin America after 2017, when it radically changed after the Trump administration came to power, and Beijing, taking advantage of this opportunity, began to compete with Washington in this region. Also, in this article, the authors provide a comparative analysis of the indicators of trade and economic relations between China and the United States with the countries of Latin America and the Caribbean. The scientific novelty of this work lies in the fact that, using the example of the transition of leading positions towards China, the authors, within the framework of the theory of "power transit" (Power transition theory), describe the competitive struggle of states in this region in trade and economic terms, which is inextricably linked with political relations.

The main conclusions are that the United States is still an external force that cannot be ignored in Latin American international relations, while China has every chance of gradually displacing the United States from the foreign market in Latin America thanks to its economic projects with the introduction of leading Latin American countries in the economic sphere. The United States of America, in turn, is trying to maintain its position in this region by easing its economic and financial constraints and, thereby, inclining the political leadership of Latin American countries to its side.

Keywords: import, export, trade, economy, trade and economic relations, Latin America, USA, Power Transition Theory, China, competitive struggle

References (transliterated)

1. Bernal'-Meza R. Dinamika i perspektivy otnoshenii Kitaya i Latinskoi Ameriki v rabotakh latinoamerikanskikh issledovatelei // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 22, No 3. S. 464—477. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-464-477>
2. Borzova A. Yu., Torkunova Yu. A., Agaev Yu. I. (2018) Kitai – CELAC: novye tendentsii v ekonomicheskom sotrudnichestve // Latinskaya Amerika. № 7. S. 32–46. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0000022-3>.
3. Brosovich F.D. Bor'ba za mirovuyu gegemoniyu v Latinskoi Amerike. Kak Kitayu udalos' smestit' gegemoniyu SShA v Latinoamerikanskom regione // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2021;11(5):106-110. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-106-110
4. Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. SShA — KNR: «vlastnyi tranzit» i kontury «konfliktnoi bipolyarnosti» // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. № 2. S. 210—231. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
5. Ezhov V.V. Kitaisko-brazil'skoe energeticheskoe sotrudnichestvo // Mezhdunarodnye

- otnosheniya. 2018. №2. S. 188-192. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.26267
6. Eremin A. A., Dubrovskii I. R., Petrovich-Belkin O. K. (2021) Latinoamerikanskii vektor vneshnei politiki KNR v 1991–2020 gg. // Voprosy istorii. T. 3. № 11. S. 256–267. Rezhim dostupa: [https:// doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi91](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi91).
 7. Eremin A. A., Medina Gonzales V. (2021) Latinskaya Amerika v usloviyakh pandemii COVID-19 v 2020 g. Sotsial'nyi i politicheskii aspekty. Na primere Ekvadora // Latinskaya Amerika. № 3. S. 20–32. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.31857/S0044748X0013516-6>.
 8. Katkova E.Yu., Eremin A.A. Otnosheniya KNR s regionom Latinskoj Ameriki i Karibskogo basseina na sovremennom etape // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. 2022. T. 17. № 2.S. 164–188 (na russkom i angliiskom yazykakh). doi:10.17323/1996-7845-2022-02-07
 9. Lavut A.A. Novyi etap razvitiya kitaisko-latinoamerikanskikh otnoshenii // Latinskaya Amerika. 2018. № 12. S. 59–73. DOI: 10.31857/S0044748X0002316-6
 10. Piresh M., Nasimentu L. (2020) Doktrina Monro 2.0 i trekhstoronnie otnosheniya SShA, Kitaya i Latinskoj Ameriki // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. T. 15. № 3. S. 202–222 (na russkom i angliiskom yazykakh). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08
 11. Eduardo Daniel' Ov'edo i Rembo. Real'nost' i razvitie otnoshenii mezhdu Kitaem i stranami Latinskoj Ameriki // Zhurnal Pedagogicheskogo universiteta Tszyansu (izdanie filosofii i sotsial'nykh nauk), № 3, 2018 g., S. 12-20.
 12. Yakovlev P.P. Latinskaya Amerika na mirovoi geopoliticheskoi karte // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. T. 15. № 4. S. 20–28.
 13. Yakovlev P.P. SShA i KNR v Latinskoj Amerike: kontury konkurentsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 19. № 1. S. 47–58. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58.
 14. 高奇琦 = Gao Tsitsi.《中美拉三边关系的影响因素及其战略应对》= Faktory, vliyayushchie na trekhstoronnie otnosheniya Kitaya, SShA i Latinskoj Ameriki, i ikh strategicheskie otvety《国际观察》, 2019年第5期, 第132~144页。= International Observer, № 5, 2019 g., S. 132–144.
 15. 范和生、唐惠敏=Fan' Kheshe i Tan Khuimin'.《全球化背景下中拉共同体关系研究》= Issledovanie otnoshenii mezhdu Kitaem i latinoamerikanskimi i karibskimi soobshchestvami v kontekste globalizatsii《太平洋学报》, 2019年第11期, 第78~87页。= Journal of the Pacific, № 11, 2019 g. S. 78-87.
 16. 朱鸿博=Chzhu Khunbo.《中、美、拉三边关系互动与中国的拉美政策》=Vzaimodeistvie Kitaya, SShA i Latinskoj Ameriki i latinoamerikanskaya politika Kitaya《拉丁美洲研究》, 2019年第4期, 第59~64页。=Latinoamerikanskije issledovaniya, № 4, 2019 g., str. 59-64.
 17. 乔丽荣、陈红娟=Tsyao Lizhun i Chen Khuntszyuan'.《中拉经贸关系发展的四大趋势》=Chetyre tendentsii v razvitii kitaisko-latinoamerikanskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii //《经济纵横》, 2018年第2期, 第87~90页。= Ekonomicheskii landshaft. № 2, 2018 g., S. 87-90.
 18. 周志伟、岳云霞=Chzhou Chzhivei i Yue Yun'sya.《中拉整体合作:机遇、挑战与政策思路》=Obshchee sotrudnichestvo Kitaya i Latinskoj Ameriki: vozmozhnosti, vyzovy i politicheskie idei《世界经济与政治论坛》, 2018年第5期, 第122~135页。= Vsemirnyi ekonomicheskii i politicheskii forum, № 5, 2018 g., S. 122-135.
 19. 王晓梅=Van Syaomei.《美国对中国加强与拉美合作的认识与政策》=Ponimanie i politika Ameriki po ukrepleniyu sotrudnichestva mezhdu Kitaem i Latinskoj Amerikoj《教学与研究》, 2017年第2期, 第78~84页。=Obuchenie i issledovaniya, № 2, 2017 g. S. 78-84.

20. 王友明=Van Yumin.《构建中拉整体合作机制:机遇、挑战及思路》=Postroenie obshchego mekhanizma sotrudnichestva mezhdu Kitaem i Latinskoi Amerikoi: vozmozhnosti, vyzovy i idei 《国际问题研究》, 2018年第3期, 第105~117、132页=Mezhdunarodnye issledovaniya, № 3, 2018 g. S. 105-132

Women's Terrorism in the Caucasus

Horbil Pavlo

Postgraduate, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, .

✉ paherono@mail.ru

Korosteleva Elizaveta Igorevna

Postgraduate, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, .

✉ liza.korosteleva.99@mail.ru

Raad Feras-Adam

Postgraduate, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6, .

✉ ferasss1998@gmail.com

Abstract. Throughout the history of its existence the phenomenon of terrorism has undergone changes in methods, approaches and means of manifestation, however, in the modern world terrorism is becoming a global threat to humanity.

The object of research in this article is female terrorism in the Caucasus. The multinational region of the Caucasus encourages the peoples inhabiting it to fight for independence in order to preserve their identity and the right to self-determination.

The article examines in detail the history of terrorism in the Caucasus, the role of women in terrorist activities, identifies the origins of the origin of terrorism during the existence of the Russian Empire, and gives the reasons for the emergence of terrorism in the post-Soviet period on the territory of this region.

The relevance of the research topic is determined by the fact that women's terrorism, like any manifestation of terrorist activity, is a difficult to predict threat, and in order to eradicate the problem of terrorism, it is necessary to study it and thereby prevent it. Throughout its history, the Caucasus has always remained one of the most unstable regions and was distinguished by high terrorist activity. This is facilitated by various factors that have led to the widespread development of terrorist activities in the territory of this region. The two initial factors are ethnic and confessional.

The scientific novelty of the study is due to the study of women's participation in terrorist activities in the Caucasus region, identifying the reasons for their participation.

In this study, the authors used the historical method, as well as the method of situational analysis, which was aimed at finding the relationship of women's participation in terrorist activities in the Caucasus.

The article examined Russia and the countries of the Caucasus region: Georgia, Armenia, Azerbaijan. On the basis of a comparative analysis, the article revealed the characteristic features of terrorist activity and the place of female terrorism in the territories of the above-mentioned countries.

Keywords: North Caucasus, Azerbaijan, Georgia, Armenia, Russia, Post-Soviet studies, Caucasus, Terrorism, Women's terrorism, Analysis

References (transliterated)

1. Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P. Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidatsii rossiiskogo obshchestva // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. № 17 (4). S. 738-748. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748.
2. Adamova M. A. Osobennosti i tendentsii razvitiya sovremennogo terrorizma na Severnom Kavkaze // Kant. №. 3 (12). S. 112-115.
3. Akhmedshin, R.L. Fenomen terrorizma: kriminologicheskaya i kriminalisticheskaya priroda, istoriya, ponyatie // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 453. S. 232-240. DOI: 10.17223/15617793/453/28.
4. Bardina K.V. Terrorizm na territorii Zakavkaz'ya (na primere Gruzii) // Postsovetskie issledovaniya. 2020. №6. S. 501-506. DOI: 10.24411/2618-7426-2020-00034.
5. Budnitskii O. V. (red.). Zhenshchiny-terroristki v Rossii. – Feniks, 1996.
6. Gikashvili G. Terrorizm na Yuzhnom Kavkaze // Postsovetskie issledovaniya. 2019. №5. S. 1292-1304. DOI: 10.24411/2618-7426-2019-00047.
7. Kurylev K. P., Kurbanov R. M. Ponyatie "mezhdunarodnyi terrorizm" soglasno konstruktivistskoi shkole mezhdunarodnykh otnoshenii // Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2019. №. 3 (1). S. 76-82.
8. Man'kov A.V. Revolyutsionnyi terrorizm partii eserov: vzniknovenie i periodizatsiya // Istoriya v podrobnostyakh. 2012. № 12 (30). S. 64-71.
9. Pashchenko, I.V. Fenomen «zhenskogo suitsidal'nogo terrorizma» na Severnom Kavkaze: genezis i transformatsiya // Novoe proshloe / TheNewPast. 2018. № 3. S. 90-102. DOI: 10.23683/2500-3224-2018-3-90-102.
10. Ramich M.S., Gorbil' P.R., Korosteleva E.I. Transformatsiya amerikanotsentrichnoi sistemy regional'noi bezopasnosti v Indo-Tikhookeanskom regione 2012-2020 gg. // Problemy Dal'nego Vostoka. 2022. № 1. S. 81-95. DOI: 10.31857/S013128120018313-5.
11. Rau I. Problema Pankisskogo ushchel'ya v otnosheniyakh Rossii i Gruzii vremen chechenskikh voyn (1996-2002 gg.) // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2020. № 1. S. 127-137.
12. Rakhimov K.Kh. Pravovoe regulirovanie protivodeistviya terrorizmu i ekstremizmu v gosudarstvakh Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. №2 (129). S. 67-70.
13. Khasan D. N. Politicheskii islam, terrorizm i bezopasnost' na Blizhnem Vostoke // Vestnik MGIMO. 2017. №5 (56). S. 183-198.
14. Shkaratan, O. I. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema // Sotsiologicheskii zhurnal. 2011. № 4. S. 116-143.
15. Hoffman B. Inside Terrorism: Columbia University Press. N.Y., 1998.
16. Kvakhadze A. Gender and Jihad: Women from the Caucasus in the Syrian Conflict //

The Suez Crisis in the US Foreign Policy Strategy in the Middle East: Risks and Prospects.

Kryzhko Lidiya Anatol'evna

PhD in History

Senior Lecturer, Department of Archeology and General History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Academician Vernadsky Ave., 4

✉ lidochka12345@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the US foreign policy during one of the most acute crises of the Cold War period. The issue of the Eisenhower administration's choice of a strategy of deterrence and non-interference in the military action of NATO allies is debatable and relevant as a historical experience in the development of geostrategic guidelines in the US foreign policy strategy. The purpose of the article is to identify the main risks and opening prospects for the United States in the choice of foreign policy strategy in the Middle East in the context of the development of the Suez crisis. The methodological basis of the study is the historical-genetic, historical-comparative, historical-typological methods. It has been established that the reasons that prompted the United States to form an appropriate strategy included geopolitical and economic motives: the desire to take a leading position in the Middle East, demonstrating an alternative to Great Britain and France; the desire to win the trust of Egypt, which has the potential of a leader in the region and military-strategic contacts with the USSR; readiness to join economic sanctions against Egypt with the potential to receive economic and political dividends and competitive advantages; preference to keep the possibility of balancing between the sides in the Arab-Israeli confrontation. The author comes to the conclusion that during the Suez crisis of 1956, the United States acted rationally, but in the conditions of the current moment.

Keywords: Middle East, Israel, Egypt, France, Great Britain, USSR, USA, Suez Crisis, Cold War, NATO

References (transliterated)

1. Kryzhko L. A. Formirovanie pozitsii SShA v otnoshenii voennoi operatsii protiv Egipta nakanune Suetskogo krizisa 1956 goda // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2022. № 1 (74). S. 86–94. doi:10.37724/RSU.2022.74.1.008.
2. McLaughlin C. The Suez Crisis: Security Implications for the Transatlantic Relationship and the Shift in Global Power // Review of International Studies. Carlisle: Dickinson College, 2016. P.47–65.
3. Lahav P. The Suez Crisis of 1956 and Its Aftermath. A Comparative Study of Constitutions, Use of Force, Diplomacy and International Relations // Boston University Law Review. Vol. 95. № 4. 2015. P. 1297–1354.
4. Belousova K. A. Preemstvennost' politiki amerikanskikh prezidentov na Blizhnem Vostoke: ot Ruzvel'ta do Kennedi // Lichnost' i obshchestvo v istoricheskom protsesse: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ryazan', 09–10 aprelya 2020 goda / Pod red. I. M. Erlikhsen, Yu. V. Savosinoy, Yu. I. Loseva. Ryazan', 2020. S. 24–31.

5. Gosudarstva NATO i voennye konflikty. Voенно-istoricheskii ocherk / Pod red. P. A. Zhilina, R. Bryulya, K. Sobchaka. M.: Nauka, 1987. 312 s.
6. Kissindzher G. Diplomatiya. Per. s angl. V. V. L'vova / Poslesl. G. A. Arbatova. M.: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladimir», 1997. 848 s.
7. Kryzhko L. A., Kryzhko E. V., Pashkovskii P. I. Egipet v politike SShA na Blizhnem Vostoke v nachale 1950-kh gg // Konfliktologiya / nota bene. 2022. № 2. S. 40–50. doi:10.7256/2454-0617.2022.2.38065
8. Medvedko L. I. K vostoku i zapadu ot Suetsa: (Zakat kolonializma i manevry neokolonializma na Arabskom Vostoke). M.: Politizdat, 1980. 368 s.
9. Primakov E. M. Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka). Moskva: «Rossiiskaya gazeta», 2016. 384 s.
10. Rumyantsev V.P. Lindon B. Dzhonson i Suetskii krizis, 1956–1957 gg // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2021. № 71. С.87–96. DOI: 10.17223/19988613/71/13
11. Yurchenko V. P. Egipet: problemy natsional'noi bezopasnosti (1952–2002 gg.). M.: In-t izucheniya Izrailiya i Blizhnego Vostoka, 2003. 312 s.
12. Copeland M. The Game of Nations: The Amorality of Power Politics. New York: Simon and Schuster, 1970. 318 p.
13. McDermott R. Risk-Taking in International Politics: Prospect Theory in American Foreign Policy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. 240 p.
14. Rumyantsev V. P. Vengerskii myatezh i Suetskii krizis 1956 g.: predely i vozmozhnosti amerikanskoi diplomatii // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorieskie nauki i arkheologiya. 2019. № 5 (109). S. 69–76. doi: 10.14258/izvasu(2019)5-11.
15. Belousova K. A. Rol' Dzhona Foster Dallesa v eskalatsii Suetskogo krizisa // Aktual'nye problemy novoi i noveishei istorii zarubezhnykh stran. Materialy ezhegodnoi nauchnoi sessii kafedry novoi i noveishei istorii MPGU. Moskva, 2019. S. 4–12.
16. Lloyd S. Suez 1956: A Personal Account. London: Jonathan Cape, 1978. 282 p.
17. Memorandum From the Acting Executive Secretary of the National Security Council (Boggs) to the National Security Council, Washington, August 22, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d118> (accessed: 19.02.2023).
18. Memorandum of a Conversation, Ambassador's Residence, London, August 19, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d99> (accessed: 19.02.2023).
19. Memorandum of a Conversation Between the President and the Secretary of State, White House, Washington, October 2, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d291> (accessed: 19.02.2023).
20. Kryzhko L. A., Kryzhko E. V., Pashkovskii P. I. Politika Egipta v kontekste transformatsii geostrategicheskikh podkhodov SShA na Blizhnem Vostoke v 1953–1956 gg // Konfliktologiya / nota bene. 2022. № 3. S. 33–41. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38207 (data obrashcheniya: 19.02.2023). doi:10.7256/2454-0617.2022.3.38207

21. Memorandum of a Conversation, Lancaster House, London, August 23, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d123> (accessed: 19.02.2023).
22. United Nations. Security Council. Official Records. Eleventh Year. 743rd meeting: 13 Octobre. New York: UN, 1956. 19 p.
23. The Suez Canal Problem. July 26 – September 22, 1956. A Documentary Publication. Washington, 1956. 370 p.
24. Memorandum of a Conversation, Soviet Embassy, London, August 18, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d93> (accessed: 19.02.2023).
25. Memorandum of a Conference With the President, White House, Washington, October 30, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d419> (accessed: 19.02.2023).
26. United Nations. Security Council. Letter Dated 29 October 1956 From the Representative of the United States of America, Addressed to the President of the Security Council, Concerning: «The Palestine Question: Steps for the Military Action of the Israel in Egypt». S/3710. 30 October 1956. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_3710.pdf (accessed: 19.02.2023).
27. Letter from Prime Minister Bulganin to President Eisenhower. Moscow, November 5, 1956 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26 – December 31, 1956, Volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d505> (accessed: 19.02.2023).
28. United Nations. General Assembly. Resolution 997 (ES-I). URL: https://digitallibrary.un.org/record/208414/files/A_RES_997%28ES-I%29-EN.pdf?ln=ru (accessed: 19.02.2023).
29. Dokladnaya zapiska nachal'nika glavnogo razvedyvatel'nogo upravleniya S. M. Shtemenko ministru oborony SSSR G. K. Zhukovu. 8 noyabrya 1956 g. // Blizhnevostochnyi konflikt: Iz dokumentov arkhiva vneshnei politiki RF. 1947–1967. V 2-kh t. Tom 1: 1947–1956 / Otv. red. V. V. Naumkin. M.: MFD, 2003. S. 557–559.
30. Telegramma ministra inostrannykh del SSSR D. T. Shepilova poslu SSSR v Egipte E. D. Kiselevu. 3 noyabrya 1956 g. // Blizhnevostochnyi konflikt: Iz dokumentov arkhiva vneshnei politiki RF. 1947–1967. V 2-kh t. Tom 1: 1947–1956 / Otv. red. V. V. Naumkin. M.: MFD, 2003. S. 550–551.
31. Bard M. Mify i fakty. Putevoditel' po arabo-izrail'skomu konfliktu: per. [s angl.] A. Kuritskogo. M.: Evreiskoe slovo, 2007. 480 s.
32. Rumyantsev V. P. Evreiskaya obshchina SShA i Suetskii krizis, 1956–1957 gg // Ural'skoe vostokovedenie. 2021. № 11. S. 6–22

The Current Geopolitical Position of the Republic of Korea: at the Crossroads of Interests of the United States and China

Farkhetdinova Elmira Tagirovna

Postgraduate Student, Department of American Studies, St. Petersburg State University

199034, Russia, Sankt-Peterburg, g. Saint Petersburg, ul. Universitetskaya Naberezhnaya, 7-9

✉ farhetdinova14@mail.ru

Abstract. The article is aimed at identifying the current foreign policy priorities of the Republic of Korea, taking into account the factor of its special geopolitical position, namely, being at the crossroads of interests and growing rivalry between the two world great powers – the United States and China. The definition of priorities and goals of the Republic of Korea's foreign policy is carried out in the article based on the concept of "geopolitical code" used in political geography. The article reveals the concept of "geopolitical code", traces the evolution of the geopolitical code of the Republic of Korea and characterizes its modern features. The article demonstrates the complex process of balancing the Republic of Korea between the United States and China during the first two decades of the 21st century, at the initial stage caused by different positions and interests of the parties in resolving the North Korean nuclear missile problem, and at the current stage – by the growing regional (in the Asia-Pacific) and global rivalry between the world's two great powers. As a result of the study, it was concluded that the Republic of Korea is striving to maintain a balance in its relations with the great powers and pursue a foreign policy independent of the great powers, which, however, is complicated by the need to maintain close military-political coordination with Washington due to the unresolved North Korean missile nuclear problem and the relentless growth of China's influence on the economy of the Republic of Korea. Preserving the central role of the alliance with the United States and strengthening economic relations with China as the world's second world economy is a continuing reality of the Republic of Korea.

Keywords: foreign policy strategy, THAAD Missile defense system, Moon Jae-in, the problem of the Korean peninsula, economic sphere, security, the geopolitical code, China, USA, Republic of Korea

References (transliterated)

1. Flint C. Introduction to Geopolitics. London: Routledge, 2016. 334 p.
2. Okunev I. The New Dimensions of Russia's Geopolitical Code // Turkish Policy Quarterly. 2013. Vol. 12, No. 1. Pp. 67-75.
3. The 2021 Diplomatic White Paper. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20211231112239035.pdf&rs=/viewer/result/202204> (data obrashcheniya: 03.01.2022).
4. Joint Statement on the U.S.-Japan-Republic of Korea Trilateral Ministerial Meeting. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-the-u-s-japan-republic-of-korea-trilateral-ministerial-meeting-2/> (data obrashcheniya: 14.02.2023).
5. Statistics Korea. URL: <https://kostat.go.kr/> (data obrashcheniya: 12.03.2022).
6. 문재인대통령취임사[Inauguratsionnaya rech' Mun Chzhe Ina] // The JOONGANG ILBO. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/21558717> (data obrashcheniya: 06.11.2021).
7. 국방백서 (국방부, 2020). [Belaya kniga po voprosam oborony Respubliki Koreya za 2020 god]. URL: https://www.mnd.go.kr/user/mnd/upload/pblictN/PBLICTNEBOOK_202102040549325290.pdf (data obrashcheniya: 01.12.2021).

8. 국방백서 (국방부, 2022). [Belaya kniga po voprosam oborony Respubliki Koreya za 2022 god]. URL: https://www.korea.kr/archive/expDocView.do?docId=40357&call_from=rsslink (data obrashcheniya: 17.02.2023).
9. Announcement by Foreign Ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint Press Occasion. Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (data obrashcheniya: 12.12.2021).
10. Leksyutina Ya.V., Mikhalevich E.A., Ngo Khyong Lan. Kharakter mezhgosudarstvennykh otnoshenii, mezhgosudarstvennye protivorechiya i vyzovy informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti v Severo-Vostochnoi Azii // Rossiya i Kitaya: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk, 11-12 maya 2021 g.). Vypusk 11. Chast' 4 / Otv. red. D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2021. S. 76-83.
11. Youngho Park, Yejin Kim. The Strategic Value of Africa as the New Market and Korea's Economic Cooperation with Africa // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2018. №11(5). S. 236-248.
12. Sea Young Kim, Sook Jong Lee. South Korean Perception of the United States and China: United States, a More Favorable Partner than China // East Asia Institute. URL: http://www.eai.or.kr/new/en/etc/search_view.asp?intSeq=19850&board=eng_issuebriefing (data obrashcheniya: 12.03.2022).
13. Snyder Scott A. South Korea at the Crossroads. New York: Columbia University Press, 2018. 355 p.
14. South Korea Beyond Northeast Asia: How Seoul Is Deepening Ties With India and ASEAN. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/10/19/south-korea-beyond-northeast-asia-how-seoul-is-deepening-ties-with-india-and-asean-pub-85572> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
15. Torkunov A.V., Toloraya G.D., D'yachkov I.V. Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.). M.: Prosveshchenie, 2021. 448 s.
16. Asmolov K. Vybor iz zol. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vybor-iz-zol/> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
17. Asmolov K.V., Solov'ev A.V. Strategicheskaya avtonomiya Respubliki Koreya: intellektual'naya khimera ili politicheskaya real'nost'? // Mezhdunarodnaya analitika. 2021. №12(2). S. 49-73.
18. Toloraya G.D., Korgun I.A., Gorbacheva V.O. Sanktsii v otnoshenii KNDR: analiz posledstviy i uroki. M.: Institut ekonomiki RAN, 2020. 46 s.
19. U.S.-ROK Leaders' Joint Statement. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/21/u-s-rok-leaders-joint-statement/> (data obrashcheniya: 01.10.2021).
20. Snyder Scott A. How South Korea's Foreign Policy Could Change Under the New President // Council on Foreign relations. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/south-korea-election-new-president-yoon-foreign-policy> (data obrashcheniya: 01.12.2021).
21. Toloraya G.D. Chto zhdet Koreiskii poluostrov posle Olimpiady? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-zhdet-koreyskiy-poluostrov-posle-olimpiady/> (data obrashcheniya: 01.12.2022).
22. Leksyutina Ya.V. «Kitaiskaya mechta» ili «amerikanskii koshmar»: k chemu prishli amerikano-kitaiskie otnosheniya za tri desyatiletiya // Mezhdunarodnaya analitika. 2021. T. 12. № 2. S. 12-30.

23. Asmolov K. Yuzhnaya Koreya mezhdru SShA i KNR // Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'. 2021. №26. S. 227-241.
24. Pugacheva O., Pyatachkova A. Politika Yuzhnoi Korei v otnoshenii kitaiskoi initsiativy "Poyas i Put'" // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 65. № 10. С. 81-90.
25. The Truth About South Korea's TPP Shift. URL: <https://thedi diplomat.com/2015/10/the-truth-about-south-koreas-tpp-shift/> (data obrashcheniya: 01.02.2023).

Political Science Education in the Educational Environment of University: Valuable Semantic Foundations

Dianov Sergei Aleksandrovich

Doctor of History

Professor, Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University;
Professor, Department of Private Law, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

614990, Russia, Perm Krai, Perm, Komsomolsky Prospekt str., 29

✉ sadianov@gmail.com

Abstract. Political science education over the past thirty years has become the most important element of the humanitarian sphere of the Russian university. At the same time, a discussion continues in the scientific and pedagogical community about the status of political science education in the professional training of specialists in demand for the country, masters and research teachers. One of the main questions postulated in the expert community is to determine the role of the science of politics in preventing the emergence of conflict situations in the educational space of the university on the basis of the "politicization" of the worldview positions of participants in educational relations. The transition in 2010 - 2020 to a competency-based model for the implementation of basic professional educational programs and the introduction of project technologies in the educational process led to a serious transformation of the architecture of education and upbringing at the university. The article presents arguments in favor of the author's hypothesis about the need to introduce programs of political and legal education at leading universities for all participants in the educational process. The author comes to the conclusion that the approbation of such programs will qualitatively update the content of the educational work of innovative teachers and methodologically strengthen the cultural component in the professional outlook of students. The educational component is also emphasized. The content of the programs should include didactic materials containing recommendations on how to quickly respond to typical conflict situations on the grounds of a mismatch of political orientations among the youth. The materials contained in the article are addressed to graduate students, young professionals and researchers of higher education.

Keywords: personal and professional development, legal education, conflict situations, university, educational environment, socialization, political science education, mentoring, conflict prevention, youth groups

References (transliterated)

1. Prava cheloveka: Uchebno-metodicheskii kompleks / Pod red. A.B. Suslova. Perm', 2005. 54 s.
2. Subbotin A.V., Bezrukova E.Yu., Pozdnyakov I.V. Sovremennye obrazovatel'nye

- tekhnologii v VUZe na baze audiovizual'nykh, mul'timediinykh i interaktivnykh tekhnologii: uchebnyi situatsionnyi tsentr kak odin iz effektivnykh instrumentov podgotovki spetsialistov // Novye obrazovatel'nye tekhnologii v vuze: Pyataya mezhdunar. nauchno-metodicheskaya konferentsiya, 4-6 fevralya 2008 g.: sb. tez. dokl.: Ch. 2. Ekaterinburg: GOU VPO UGTU-UI, 2008. S. 424–430.
3. Nazarova R.F., Kokambo Yu.D. Politicheskoe soznanie i politicheskaya sotsializatsiya studencheskoi molodezhi: tendentsii i osobennosti // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. № 40. S. 12–14.
 4. Baranova I.N. Protivorechiya sovremennoi politologii i protsess prepodavaniya // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2009. № 10 (29). Ch. 1. S. 18–19.
 5. Koroleva L.V. Rol' politicheskogo znaniya v gumanitarnom obrazovanii studentov vuzov // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2012. № 5. S. 284–286.
 6. Bel'skii V.Yu., Satsuga A.I. Prepodavanie i izuchenie politologii kak faktor formirovaniya obshchekul'turnykh kompetentsii sotrudnikov organov vnutrennikh del // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 4. S. 212–216.
 7. Mari N.S. Nekotorye osobennosti politicheskoi sotsializatsii studentov v vysshem uchebnom zavedenii (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya) // Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii. 2010. № 1 (noyabr'). S. 93–96.
 8. Zemlyakov L.E., Bondar' Yu.P. Politicheskaya nauka i obrazovanie v Respublike Belarus' // Problemy upravleniya. 2008. № 3. S. 129–135.
 9. Kovalev V.A. Politologiya v provintsial'nom vuze (rossiiskie problemy i politicheskie syuzhety) // Rossiya i sovremennyy mir. 2005. № 4 (49). S. 116–131.
 10. Yagofarov D.A. Normativno-pravovoe obespechenie obrazovaniya. Pravovoe regulirovanie sistemy obrazovaniya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: VLADOS, 2008. 399 s.
 11. Obrazovatel'noe pravo: uchebno-metodicheskoe posobie / Avt.-sost.: S.A. Dianov. Perm': PGPU, 2010. 120 s.
 12. V Minobrnauki Rossii utverdili Kontseptsuyu prepodavaniya istorii Rossii dlya neistoricheskikh spetsial'nostei i napravlenii podgotovki // Ofitsial'nyi internet-portal Minobrnauki Rossii. 2 fevralya 2023 g. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63748/> (data obrashcheniya: 22.02.2023).
 13. Mukhametshina E. Osnovam rossiiskoi gosudarstvennosti studentov nachnut uchit' s sentyabrya 2023 goda // Vedomosti. 2023. 10 fevralya. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/10/962445-osnovam-rossiiskoi-gosudarstvennosti-nachnut-uchit-s-sentyabrya> (data obrashcheniya: 22.02.2023).
 14. Shestakov S.A. Problemy politicheskogo prosveshcheniya sotrudnikov organov vnutrennikh na sovremennom etape // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2017. № 3 (41). S. 177–182.

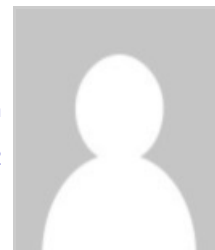
A Federalism-Based Comparative Analysis to Diminish National Security Threats in Contemporary Policy Transfer

Brambila Martínez Francisco Javier

Postgraduate student, Institute of Civil Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

119571, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82

✉ francisco.brambila@mail.ru

Abstract. This essay reviews the source of national security threats embedded in contemporary policy transfer processes. The subject of this research are the processes within policy transfer tied to NGO's and international organizations. The goal of this exercise consists on designing a replicable framework to policy transfer to be implemented by the state in all its stages in the absence of external entities as a mean to diminish the threats to national security.

This essay begins by analyzing the worldwide demand for knowledge under the Dolowitz-Marsh approach to review the role of NGO's and other international organizations involved in the contemporary processes of policy transfer. The author analyzes Stone's concept of methodological nationalism according to evaluation of policy results in relation to international standards.

Under this framework is concluded that NGO's and international organizations can contribute to the production of knowledge, however their relationship with the state typically expands beyond the results of activity thereafter increasing the risks to national security by their influence beyond accountability and control. In order to achieve the set research goal, this essay provides a novel framework to policy transfer based on federalism-base comparative analysis due to the availability of multidimensional data. The author concludes on the need to disassociate external entities from policy transfer processes according to a federalism-based comparative analysis and provides a series of steps to perform it. In this manner, the state will remain interconnected to global sources of information and processes while retaining its sovereignty in a contemporary setting.

Keywords: Globalization, Government Performance, Transnational Administration, Global Governance, Production of Knowledge, International Organizations, Government Accountability, National Security, Non-governmental organizations, International Law

References (transliterated)

1. Dolowitz D. P., Marsh D. Learning from abroad: The role of policy transfer in contemporary policy-making. *Governance*, 13(1), 2000-5-25 pp.
2. Hadjiisky M., Pal L., Walker C. Public Policy Transfer: Micro-Dynamics and Macro-Effects. Cheltenham, 2017-12-35 pp.
3. Peck J. Global policy models, globalizing poverty management: International convergence of fast-policy integration? *Geography Compass*, 5(4), 2011-165-181 pp.
4. Woods N. The Globalizers: The IMF, the World Bank, and their Borrowers. Cornell University Press, Ithaca, 2006-22-35 pp.
5. Rodrik D. Goodbye Washington consensus, hello Washington confusion? A review of the World Bank's economic growth in the 1990s: Learning from a decade of reform. *Journal of Economic Literature*, 44(4), 2006-973-987 pp.
6. Pal L. Standard-setting and international peer review: The OECD as a Transnational Policy Actor. In Diane Stone and Kim Moloney, Oxford University Press, 2017-12-33 pp.
7. Nay O. International organisations and the production of hegemonic knowledge: How the World Bank and the OECD helped invent the Fragile State concept. *Third World Quarterly*, 35(2), 2014-210-231 pp.
8. Stone D. Transfer agents and global networks in the "transnationalization" of policy. *Journal of European Public Policy*, 11(3), 2004-545-566 pp

Conflict Prevention in the Framework of Contemporary

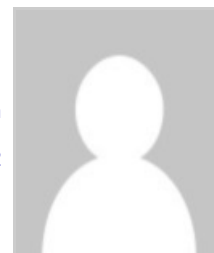
Government Procedures and International Cooperation

Brambila Martinez Francisco Javier

Postgraduate student, Institute of Civil Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

119571, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82

✉ francisco.brambila@mail.ru

Abstract. This article reviews the basic functions and interactions of the state with diverse stakeholders on a global level to identify the sources of conflict on a contemporary setting. The subject of this research is the measurement of state capacity as an outcome of governance largely influenced by the process of globalization and its repercussions on conflict prevention.

The goal consists on finding possible solutions to the contemporary capacity-sovereignty dilemma under the relationship of the state with international policy brokers to shield its functions from foreign interference and threats without undermining its international participation and growth.

The core definitions and characteristics of governance are determined to reveal the peculiarities and limitations of the state in preventing conflicts.

The interactions of the state with a wide array of stakeholders on a global level are analyzed to assess the nature of their outcomes in relation to governance and state capacity.

The capacity and legitimacy of international policy brokers in conveying the national interests of the state in the framework of international cooperation are reviewed. In order to achieve the set research goal, the author reviews the core functions of the state when interacting with international stakeholders of different configurations.

In order to create the necessary conditions for conflict prevention, this work recommends the development of flexible government procedures to shield the core functions of the state as unimpeded cooperation is carried in all areas.

This article provides a theoretical framework applicable to a wide array of contemporary nations for supporting the examination and elaboration of dedicated mechanisms in the conflict prevention area by reviewing the elemental processes of the state rather than analyzing particular conflicts and their causes.

Keywords: Government processes, Regulations, Global actors, International development, State capacity, International cooperation, Globalization, Governance, Conflict resolution, Sovereignty

References (transliterated)

1. Fukuyama F. Commentary: What is governance? *Governance*, 26(3), 2013-347-368 pp.
2. Holt J., Manning N. Fukuyama is right about measuring state quality: Now what? *Governance*, 27(4), 2014-717-728 pp.
3. Rotberg R. I. Good governance means performance and results. *Governance*, 27(3), 2014-511-518 pp.
4. Stone D., Ladi S. Global public policy and transnational administration. *Public Administration*, 93(4), 2015-839-855 pp.
5. Coleman W. D. *Governance and global public policy*, Oxford University Press, 2012 – 673-685 pp.
6. Peck J. *Global policy models, globalizing poverty management: International*

- convergence of fast-policy integration? *Geography Compass*, 5(4), 2011-165-181 pp.
7. Bernstein S., Cashore B. Can non-state global governance be legitimate? An analytical framework. *Regulation & Governance*, 1, 2007-347-371 pp.
 8. Abbott K. W. International organisations and international regulatory co-operation: Exploring the links. In OECD (Ed.), *International Regulatory Co-operation and International Organisations: The Cases of the OECD and the IMO*, OECD, Paris, 2014-17-44 pp.
 9. Arndt C., Oman C. (2008). *The Politics of Governance Ratings*, Maastricht: Maastricht University, 2008-17 p.

The Study of Strategies of Conflict Behavior of Teachers and the Psychological Atmosphere in the Teaching Staff

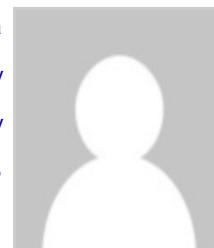
Rostovtseva Marina Viktorovna

Doctor of Philosophy

Professor, Siberian Federal University

660030, Russia, Krasnoyarskii Krai oblast', g. Krasnoyarsk, ul. VIl'skogo, 18a, kv. 58

✉ marin-0880@mail.ru

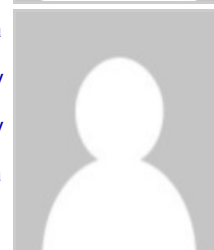
Dulinets Tat'yana Grigor'evna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Developmental Psychology and Counseling, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660028, Russia

✉ tadulinec@yandex.ru

Trofimova Valentina Viktorovna

Assistant, Department of Information Technologies for Education and Lifelong Education, Siberian Federal University

79 Svobodny str., Krasnoyarsk, 660041, Russia

✉ VVtrofimova@sfu-kras.ru

Polomoshnova Anna Valentinovna

Student, Department of Information Technologies for Education and Continuing Education, Siberian Federal University

660074, Russia, Krasnoyarsk, Borisova str., 1

✉ ani.net881@yandex.ru

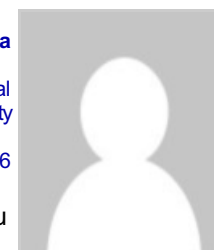

Desyatova Irina Sergeevna

Student, Department of Information Technologies for Education and Continuing Education, Siberian Federal University

662501, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Sosnovoborsk, Leninsky Komsomol str., 26

✉ desyatova_1989@list.ru

Abstract. The increasing tension of labor entails an increase in the number of social conflicts in educational organizations between all subjects of educational relations. In case of conflict situations, the main responsibility for their settlement falls on teachers. The purpose of the

work: to study the influence of strategies of conflict behavior of teachers on the psychological atmosphere of the teaching staff. This study involved 25 people from the teaching staff of the school (21 women and 4 men). The study was conducted using the following methods: methodology for assessing the psychological atmosphere in the team (according to A. F. Fiedler); strategies of behavior in conflict by K. Thomas.

In the course of an empirical study of conflicts in the teaching staff, it was revealed that a favorable psychological atmosphere has developed in the studied teaching staff. The following influences of the style of conflict behavior on the socio-psychological climate of the team are revealed: cooperation strengthens mutual support, compromise increases passion and consent, adaptation is associated with consent, rivalry suppresses the manifestation of satisfaction, enthusiasm and entertainment, cooperation is not acceptable with coldness, the more compromise forms of behavior, the less inconsistency in the group, the more adaptation, the less inconsistency, the more often the withdrawal strategy is used, the less agreement (-0.330) and cooperation.

Keywords: cooperation, communication, teaching staff, psychological atmosphere, team, conflict, teacher, behavior strategies, rivalry, compromise

References (transliterated)

1. Bogacheva I.A. Eksperimental'noe issledovanie tipichnykh konfliktov v pedagogicheskom kollektive // Pedagogicheskoe masterstvo i pedagogicheskie tekhnologii. 2016. № 1 (7). S. 54-56.
2. Vaseva O.Kh., Romanov P.Yu. Upravleniya konfliktami v pedagogicheskom kollektive shkoly // V knige: Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya. Tezisy 80-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii. Magnitogorsk, 2022. S. 106.
3. Denisova E.V., Naumova T.V. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya effektivnogo upravleniya konfliktami v pedagogicheskom kollektive obrazovatel'noi organizatsii // Molodoi uchenyi. 2017. № 15 (149). S. 567-569
4. Ezhkova N.S., Surovtseva O.N. .Konflikty v pedagogicheskikh kollektivakh doskol'nykh obrazovatel'nykh organizatsii: prichiny i profilaktika // News of Science and Education. 2018. T. № 3. S. 19-22.
5. Zyukin A.V., Storozhenko I.I. Teoreticheskoe obosnovanie upravleniya konfliktami v pedagogicheskom kollektive kak faktorom sozdaniya psikhologo-pedagogicheskikh uslovii // Izvestiya Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii. 2020. T. 39. № S2. S. 99-101.
6. Kerimov T.T. Konflikty v pedagogicheskom kollektive, prichiny ikh vozniknoveniya i sposoby ikh razresheniya // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2020. № 2. S. 35-39.
7. Lupanova E.E. Osobennosti i vidy konfliktov v pedagogicheskikh kollektivakh obrazovatel'nykh uchrezhdenii // V sbornike: Nauka v sovremennom obshchestve: zakonomernosti i tendentsii razvitiya. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 chastyakh. 2016. S. 153-156.
8. Mustafaev M.B., Mustafaeva Z.S., Shakhova R.M. Mezhetnicheskie konflikty v mnogonatsional'nom kollektive i nauchno-pedagogicheskie tekhnologii ikh preodoleniya // V sbornike: Innovatsionnoe razvitie sovremennoi nauki. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otvetstvennyi redaktor: Sukiasyan A.A., 2015. S. 157-160.

9. Rostovtseva M.V. M. Monografiya. Krasnoyarsk, 2021. 176 s.
10. Fedorova N.V. Osobennosti profilaktiki i razresheniya konflikta v pedagogicheskom kollektive // Sotsial'nye otnosheniya. 2010. № 1 (1). S. 53-58.
11. Rostovtseva M.V., Mashanov A.A. Methods of conflict study in the system of education // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. T. 13. № 2. S. 208-218.
12. Iurchevici Iu. G. Sonflictelor în colectivul pedagogic // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. 2020. № 11-9 (67). S. 6-17.
13. Rahim M.A., Magner N.R. Confirmatory factor analysis of the styles of handling interpersonal conflict: First-order factor model and its invariance across groups // Journal of Applied Psychology. 1995. № 80. p. 122-132.
14. Rands M., Levinger G., Mellinger G.D. Patterns of conflict resolution and marital satisfaction // Journal of Family issues, 2019. № 2. p. 297-321.

The Influence of the Level of Subjective Control on the Tolerance of Older Adolescents

Smirnaya Anastasiya Andreevna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Siberian State University of Science and Technology. M.F. Reshetnev.

82 Mira str., Krasnoyarsk, 660049, Russia

✉ mrostovtseva@sfu-kras.ru

Smirnova Anastasiya Viktorovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafieva

89 A Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660060, Russia

✉ anastasyavic@mail.ru

Ivanov Igor' Anatol'evich

Associate Professor, Department of Social Sciences, Humanities and Art History, Krasnoyarsk State Institute of Arts. D. Hvorostovsky

22 Lenin Street, Krasnoyarsk, 660049, Russia

✉ ivanovia1967@mail.ru

Tyukanov Vladimir Leonidovich

Senior Lecturer, Department of Design and Operation of Gas and Oil Pipelines, Siberian Federal University

82 Svobodny ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

✉ wwi.i@yandex.ru

Morozova Tat'yana Borisovna

Primary school teacher, Municipal Budgetary Educational Institution "Uyar Secondary School No. 4"

663921, Russia, Uyar, Ulyana Gromova str., 7

✉ mtb130581@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of the formation of adolescent tolerance and examines the influence of subjective control on the tolerance of older adolescents. The education system, having unique opportunities to expand knowledge about other people who are different from us, their views, culture, as one of the most important tasks, puts forward the problem of forming tolerance among the younger generation. The relevance of this socio-pedagogical problem is due to the need to find effective means of forming tolerance among students. The study was conducted on the basis of the municipal budgetary educational institution "General education institution Gymnasium No. 11 named after A.N. Kulakov" in Krasnoyarsk. The sample of the study was 133 subjects. The female sample is 71 people, the male sample is 62 people, students of grades 9-11. The obtained data and statistical analysis confirmed the dependence of the level of tolerance of older adolescents on sex differences. Girls are tolerant, they are characterized by tolerant forms of behavior, while boys, on the contrary, are more often intolerant, both to the outside world and to people. With the help of Kendall's rank correlation coefficient, data were processed and compared using the methods "Level of subjective control" and "Tolerance Index". The data confirmed the relationship between the level of subjective control and the level of tolerance of older adolescents. Externals have a low tolerance for others, internals have a higher level of tolerance. In addition, the data showed that girls have a higher level of tolerance than boys.

Keywords: nationality, culture, identity, ethnic identity, conflict, installations, subjective control, locus of control, older students, tolerance

References (transliterated)

1. Asmolov, A. G. Tolerantnost': razlichnye paradigmy analiza / A. G. Asmolov / Tolerantnost' v obshchestvennom soznanii Rossii. M.: MGU, 2004. 122 s.
2. Bazhin, E.F. Metod issledovaniya sub'ektivnogo kontrolya./ E.F. Bazhin, S. A. Golyunkina, A.M. Etkind // Psikhologicheskii zhurnal. 1984. № 3. S. 24-29.
3. Bondyрева S.K., Kolesov D.V. Tolerantnost'. Vvedenie v problemu / S.K. Bondyрева, D.V. Kolesov. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta. 2003. 240 s.
4. Vislova, A.D. Gumanisticheskaya paradigma obrazovaniya – osnova formirovaniya tolerantnosti / A.D. Vislova // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya . 2018. № 3. S. 159-169.
5. Vorob'eva, O. E. Metodicheskie priemy vospitaniya tolerantnosti u starsheklassnikov. Prakticheskaya razrabotka vneklassnogo zanyatiya «tolerantnost' – iskusstvo zhit' v garmonii s drugimi» / O. E. Vorob'eva // Voprosy gumanitarnykh nauk . 2019. №5. S. 245 – 248.
6. Vul'fov, V.Z. Vospitanie tolerantnosti: sushchnost' i sredstva / V.Z. Vul'fov // Vneshkol'nik. 2020. № 6. S. 12.
7. Ishchenko, Yu.A. Tolerantnost' kak filosofsko mirovozzrencheskaya problema / Yu.A. Ishchenko // Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl' – Kiev. 2020. №4. S. 48–60.
8. Kandakov, I.M., Eksperimental'noe issledovanie struktury i lichnostnogo konteksta

- lokusa kontrolya / I.M. Kandakov // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2018. № 1. S. 54-67
9. Kvesko, R.B Sub'ekt tolerantnosti i intolerantnosti kak faktor upravleniya sotsial'nymi otnosheniyami / R.B. Kvesto, O.E. Radchenko, A.P. Chubik, S.B. Kvensto, O.S. Goncharova, M.V. Isupov // *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2007. T. 311. № 7. S. 45-51.
 10. Lektorskii, V. O tolerantnosti, plyuralizme i krititsizme / V.O. Letrorskii. // *Filosofiya, nauka, tsivilizatsiya*. 1999. №6. S.31–37.
 11. Lipman, M. Obuchenie s tsel'yu umen'sheniya nasiliya i razvitiya mirolyubiya / M. Lipman // *Voprosy filosofii*. 2019. № 2. S. 110–112.
 12. Markova, N. Reshenie problemy formirovaniya tolerantnosti – uslovie uspeshnoi sotsializatsii / N. Markova // *Vestnik vysshei shkoly – Alma mater*. 2020. № 2. S.56-57.
 13. Rostovtseva M.V. Teoreticheskie aspekty fenomenov tolerantnosti i sotsiokul'turnoi adaptatsii // *Filosofskaya mysl'*. 2017. № 8. S. 24-36.
 14. Tishkov V. O tolerantnosti // *Etnopolis*, 1995. № 5. S. 23-35.
 15. Smolyaninova O.G., Bezyzvestnykh E.A., Korshunova V.V., Popova Yu.V., Rostovtseva M.V., Trufanov D.O., Fen'vesh T.A., Vieira I., Urbano K.V., Vieira da Silva M.Do.K.P.De.K., Baptista L.V teoriya i praktika razvitiya tolerantnosti sredstvami polikul'turnoi obrazovatel'noi platformy sibirskogo federal'nogo universiteta: monografiya Krasnoyarsk, 2017. 100 S.
 16. Uein, K. Obrazovanie i tolerantnost' / K.Uein // *Vyssh. obrazovanie v Evrope*. 1997. № 2. S. 14-28.
 17. Fedorenko L.G. Tolerantnost' v obshcheobrazovatel'noi shkole: Metodicheskie materialy / L.G. Fedorenko. SPb.: KARO. 2018. S. 128-135
 18. Filippova, O. A. K voprosu o teoreticheskikh osnovaniyakh formirovaniya tolerantnosti / O. A. Filippova // *Vestnik KemGUKI*. 2018. № 4. S. 102–109.
 19. Shreider, Yu.A. Utopiya ili ustroitel'stvo / A.Yu. Shreider // *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti*. M. 1990. S. 24.
 20. Martin J. G. The Tolerant Personality. Detroit: Wayne State University Press, 2020. 112 p.
 21. Morgan D. The Seeds of Peace. London: Hodder and Stoughton, 2019. 125 p.
 22. Selman R. L. The Growth of Interpersonal Understanding. New York: Academic Press, 1980. 78 p.
 23. Sinyavsky A. Soviet Civilization. A Cultural History. New York. 2018. 112 r.